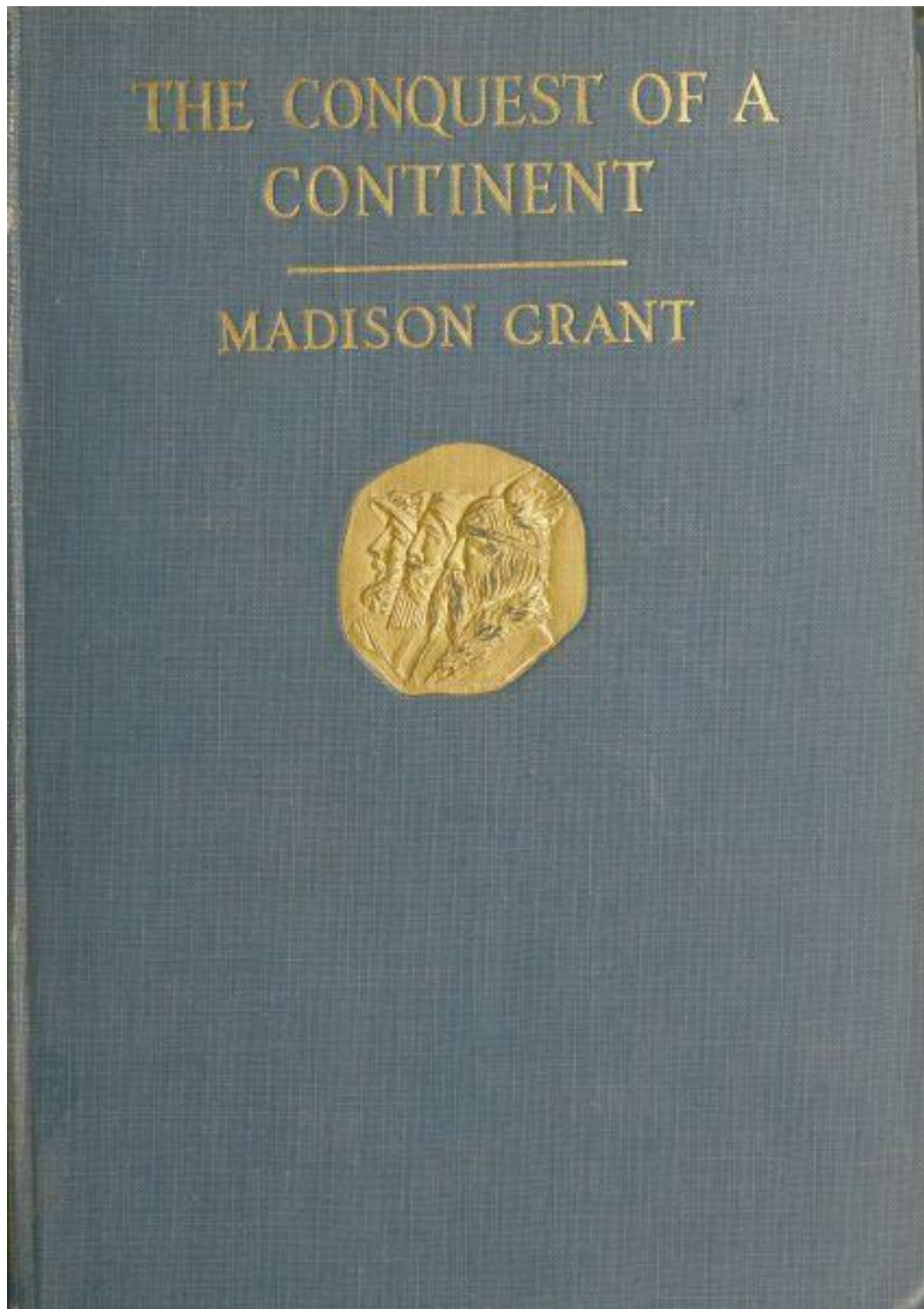

Завоевание континента или экспансия рас в Америке

Мэдисон Грант

The Project Gutenberg eBook of The Conquest of a Continent; or, The Expansion of Races in America.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Conquest of a Continent; or, The Expansion of Races in America

Автор: Мэдисон Грант

Автор введения и т.д.: Генри Фэрфилд Осборн

Дата выхода: 21 августа 2019 [eBook #60145]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тимом Линделлом, Грэмом Макретом и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE CONQUEST OF A CONTINENT; OR, THE EXPANSION OF RACES IN AMERICA ***

ЗАВОЕВАНИЕ КОНТИНЕНТА, ИЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАС В АМЕРИКЕ

МАДИСОН ГРАНТ

ПРЕЗИДЕНТ, НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ЗООЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПОПЕЧИТЕЛЬ, АМЕРИКАНСКИЙ МУЗЕЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
ПРЕЗИДЕНТ КЛУБА "БУН И КРОКЕТТ"
СОВЕТНИК, АМЕРИКАНСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
АВТОР КНИГИ "ПРОХОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РАСЫ"

С ПРЕДИСЛОВИЕМ ПРОФЕССОРА ГЕНРИ ФЭРФИЛДА ОСБОРНА

CHARLES SCRIBNER'S SONS

НЬЮ-ЙОРК - ЛОНДОН

MCMXXXIII

Copyright, 1933, by

CHARLES SCRIBNER'S SONS

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без разрешения издательства "Чарльз Скрибнерз Сонз".

Моему брату

ДЕ ЛЕС ГРАНТ

ВВЕДЕНИЕ

Характер страны зависит от расового характера мужчин и женщин, которые в ней господствуют. Я приветствую этот том как первую попытку дать подлинную расовую историю нашей страны, основанную на научном толковании расы в отличие от языка и географического распределения.

Наиболее поразительным выводом, сделанным на основе изучения предыстории человека, является то, что расовые черты и предрасположенности, определяющие расовые реакции на определенные старые и новые условия жизни, простираются далеко назад от самых древних цивилизаций. Например, характеристики, которые Гомер в *"Илиаде"* и *"Одиссее"* приписывал своим героям и воображаемым богам и богиням, не были продуктом цивилизации, существовавшей в его время в Греции; они были продуктом творческой эволюции задолго до зарождения греческой культуры и государства. Этот творческий принцип - самый загадочный из недавно открытых феноменов эволюции, исследованию которого я посвятил почти полвека, - заключается в том, что расовая подготовка к различным проявлениям цивилизации - искусству, праву, правительству и т. д. - задолго до появления этих институтов.

Рипли упустил этот момент в своих великолепных исследованиях расовой конституции народов Европы. Грант частично основывал свой труд *"Прохождение Великой Расы"* на исследованиях Рипли, но не довел чисто анатомический анализ до его логического конца, а именно до того, что моральные, интеллектуальные и духовные черты являются такими же отличительными и характерными для различных рас, как форма головы, цвет волос и глаз, физический рост и другие данные антропологов.

В настоящем томе, который я считаю совершенно оригинальным и важным вкладом в историю Соединенных Штатов Америки, Грант идет гораздо дальше и, прослеживая расовое происхождение большинства наших людей, закладывает основу для понимания особенностей американской цивилизации, которая, по общему мнению, представляет собой совершенно новый тип, чего мир еще никогда не видел.

Грант поддерживает Рипли в его различии между тремя великими европейскими родами - нордическим, альпийским и средиземноморским. Он дает очень веские дополнительные основания для одного из своих собственных ранних выводов, а именно, что арийский язык был изобретен примитивными народами нордической расы до ее рассеяния, в третьем тысячелетии до нашей эры, из степной страны на юго-востоке России. Этот великолепный и гибкий язык, несомненно, помог нордической расе в завоевании Европы, в ее путешествии на запад через Атлантику, в захвате англосаксами нашего континента, в наложении англосаксонских институтов на американское правительство и цивилизацию. Мы все

признаем, что, как и все другие языки, арийский - это чисто лингвистический, а не расовый термин, так же как на французском одинаково говорят норманны-нордики на севере Франции, альпийцы в центре и средиземноморцы на юге.

Я непоколебимо верю в благотворное признание расовых ценностей и в стимулирующее и щедрое подражание, вызываемое расовым сознанием. Пусть это стимулирование не наносит ущерба другим расовым ценностям, которые должны быть должным образом признаны и оценены - ценностям, которыми мы, англосаксы, не обладаем от природы. Более того, я очень дорожу огромной массой документальных свидетельств, собранных Грантом в настоящем томе. Я считаю, что она разрушает пузырь, который надувают противники расовых ценностей, утверждая, что они - всего лишь миф. Тема данной работы заключается в том, что Америка была создана протестантами нордического происхождения и что их представления о том, что является истинным величием, должны быть увековечены. Это драгоценное наследие, которое мы не должны ухудшать или размывать, позволяя чуждым ценностям и народам с чуждыми умами и сердцами проникать и доминировать.

В заключение я хотел бы четко определить свою позицию по этим очень важным расовым вопросам, которые вызывают столько жара, столько неприятных чувств, столько искажений. Я решительно возражаю против предположения, что одна раса "превосходит" или "уступает" другой, так же как и против предположения, что все расы одинаковы или даже равны. Такие предположения совершенно не подтверждаются фактами. Равенство или неравенство, превосходство и неполноценность - все это относительные понятия. Например, в районе экватора черные расы и некоторые цветные расы "превосходят" белые расы и при определенных условиях могут создать великие цивилизации. В жарком климате и под палящим солнцем можно наблюдать чудесные достижения средиземноморской расы в Месопотамии, Египте, Северной Африке, Камбодже и Индии в период с 4000 г. до н. э. по 1250 г. н. э. Или, если приблизиться к дому, к прохладным горным районам, можно наблюдать великие достижения альпийской расы в технике, математике и астрономии.

Из этого следует, что расовое превосходство и неполноценность - это отчасти вопрос интеллектуальной и духовной эволюции, которая направляет одну расу за другой в периоды великого подъема, за которым слишком часто следует печальный и катастрофический упадок. В этом, как и во всех других сплетениях науки и чувств, давайте не будем оправдываться или писать со злым умыслом, но всегда с широким кругозором и истинно великодушным духом.

С величайшим удовольствием я написал несколько слов, одобряя эту книгу как первую расовую историю Америки или, по сути, любой другой нации. Я солидарен с автором не только в том, что он прикрепил свой флаг к мачте, но и в том, что он привел совершенно неоспоримые исторические, патриотические и государственные основания для того, что наша страна по своему происхождению и эволюции в основе своей является нордической.

Генри Фэрфилд Осборн.

Август, 1933 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего, автор хотел бы выразить признательность за помощь своему научному сотруднику, доктору Полу Попеное, который собирал сведения и статистику в ходе интенсивного исследования, длившегося более четырех лет.

Он также хотел бы выразить признательность за сочувствие и помощь профессору Генри Фэрфилду Осборну и Чарльзу Стюарту Дэвисону, эсквайру. Последний тщательно отредактировал текст и внес множество ценных предложений.

Особую благодарность автор выражает доктору Кларенсу Г. Кэмпбеллу за большую помощь и доктору Гарри Х. Лафлину за многие статистические и аналитические данные, использованные в этой книге. Он также благодарит капитана Джона Б. Тревова, чье мастерское исследование раннего населения оказало большую помощь, а также исследования г-д Говарда Ф. Баркера и Маркуса Л. Хансена. Он также хотел бы выразить признательность за помощь мистеру А.Е. Гамильтону.

Полковник Уильям Вуд из Квебека оказал большую помощь в предоставлении данных о происхождении французских "обитателей" в Канаде.

Писатель также обязан профессору Йельского университета Э. Прокошу за его помощь в некоторых критических вопросах.

Американское географическое общество и г-н Рэй Р. Платт сыграли важную роль в предоставлении карт, использованных в данном томе, и автор пользуется возможностью выразить им свою благодарность.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Введение профессора Генри Фэрфилда Осборна	vii
ГЛАВА	
I. Предисловие	1
II. Колыбель человечества	17
III. Нордическое завоевание Европы	39
IV. Нордическое заселение Америки	65
V. Пуритане в Новой Англии	81
VI. Пути на Запад из Новой Англии и Виргинии	102
VII. Виргиния и ее соседи	130
VIII. Старая Северо-Западная территория	158
IX. Горцы покоряют Юго-Запад	183
X. От Миссисипи до Орегона	195
XI. Трофеи мексиканской войны	208
XII. Инопланетное вторжение	223
XIII. Трансформация Америки	235
XIV. Проверка инопланетного вторжения	268

XV.	Наследие рабства	281
XVI.	Наши соседи на севере	296
XVII.	Наши соседи на юге	320
XVIII.	Северные перспективы	347
	Библиография	359
	Указатель	379

КАРТЫ

Ирландия

Горные и низменные районы Шотландии

Ольстерские шотландцы и выходцы из Новой Англии

Эмиграция пуритан из Англии, 1620-1640 гг.

Территориальный рост Соединенных Штатов

Тринадцать колоний

Римские католики, 1930 год

Конгрегационные церкви

Негритянское население, 1930 год

Негритянское население: Увеличение и уменьшение, 1920-1930 гг.

Доминион Канада и Ньюфаундленд

Мексика, Центральная Америка и Вест-Индия

Распределение мексиканцев по штатам

Южная Америка

ЗАВОЕВАНИЕ КОНТИНЕНТА

I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настроения американской общественности в отношении приема иностранцев в последнее время претерпели глубокие изменения. В конце девятнадцатого века преобладал

легкомысленный гуманизм, и иммигранты всех мастей приветствовались в "Приюте угнетенных", независимо от того, нужны ли они были для нашего промышленного развития или же они были склонны разрушать наше расовое единство.

Миф о плавильном котле" в то время бездумные люди считали частью нашего национального кредо.

Это общее отношение использовалось и поощрялось пароходными компаниями, которые испытывали потребность в поставках живых грузов. Ведущие промышленники и строители железных дорог в равной степени выступали против любых ограничений на свободный ввоз дешевой рабочей силы. Сторонники ограничений были активны, но их было относительно немного, пока мировая война не привлекла внимание общественности к опасности массовой миграции из стран разоренной и обнищавшей Европы.

В результате проблем, поднятых мировой войной, в 1924 году был принят строгий закон об иммиграции, который действует до сих пор. Этот закон^[1] имеет в качестве основного принципа положение о том, что общее количество лиц, которым разрешен въезд в Соединенные Штаты из стран, для которых были установлены квоты, должно быть распределено таким образом, чтобы составлять срез существующего на тот момент белого населения Соединенных Штатов. Это так называемое положение о национальном происхождении.

По поводу этой новой основы сразу же возникли разногласия, поскольку каждая национальная и религиозная группа иностранцев, находящаяся здесь, была заинтересована в том, чтобы преувеличить значение и размер своего вклада в население нашей страны, особенно в колониальные времена. Особенно это касалось иммигрантов из таких стран, как Германия и Ирландия, квоты которых были значительно сокращены в соответствии с новым законом. Цель этой оппозиции заключалась в том, чтобы исказить общественное мнение относительно достоинств различных национальных групп и преувеличить неанглосаксонские элементы в старом колониальном населении.

Эта книга - попытка дать оценку различным элементам, национальным и расовым, существующим в современном населении Соединенных Штатов, и проследить их появление и последующее распространение.

Во времена наших отцов белое население Соединенных Штатов было практически однородным. В расовом отношении оно было преимущественно английским и нордическим. В конце колониального периода наше население на 90 процентов состояло из нордиков и более чем на 80 процентов - из англичан. Несмотря на вторжение двух важных иностранных элементов, оба из которых, тем не менее, были преимущественно нордическими, наше население и наши институты оставались в подавляющем большинстве англосаксонскими вплоть до Гражданской войны. С тех пор наблюдается все более усиливающаяся тенденция к изменению характера этого некогда "американского" народа в мозаику национальных, расовых и религиозных групп. Вопрос о том, до какой степени дошла эта трансформация, заслуживает тщательного изучения.

В призывных списках на службу в американскую армию в крупных городах во время мировой войны можно увидеть удивительное количество иностранных имен. Эти списки наиболее драматично свидетельствуют о существенных изменениях первоначального англосаксонского характера населения, которые произошли. Яркой иллюстрацией может служить военный плакат, выпущенный восторженным клерком иностранного происхождения в Министерстве финансов во время одного из призывов о предоставлении займов Свободы.

На нем была изображена девушка Говарда Чандлера Кристи чисто нордического типа, которая с гордостью указывала на список имен с надписью "Все американцы". В списке были:

Дюбуа
Смит
О'Брайен
Цейка
Хауке
Parrandrikopulous
Андрасси
Виллотто
Леви
Турович
Ковальски
Кричаневич
Кнутсон
Гонсалес

По-видимому, единственный коренной американец, насколько он вообще фигурирует, скрывается под прозвищем Смит, и, возможно, подразумевается, что прекрасная леди сама была продуктом этого замечательного меланжа.

Подобные иностранные имена начинают появляться, а иногда и преобладать в списках выпускников колледжей, успешных спортсменов и мелких политиков. Говоря словами покойного президента Теодора Рузвельта, мы превращаемся в пансион полиглотов.

Изменения в религиозном составе нации также весьма поразительны. В колониальные времена американцы почти единодушно были протестантами. Сейчас утверждается, что каждый седьмой - католик, а каждый тридцатый - иудей. В какой степени это изменение связано с иммиграцией, а в какой - с дифференцированной рождаемостью, следует тщательно проанализировать.

Говоря о расовой примеси, мы должны быть уверены, что рассматриваем не просто национальность, религию или язык. В массовом сознании существует такое расовое образование, как немец, русский, француз или итальянец. Однако это не расовые, а национальные термины. В некоторых случаях, когда народы еще не смешались, например в Швеции и Норвегии, национальность, язык, религия и раса совпадают. Но в Германии, например, немцы вдоль побережья Северного моря и Балтики - протестанты-нордики, а немцы Баварии, Австрии и других южных районов - католики-альпийцы. Италия к северу от Апеннин в основном альпийская, слегка смешанная с нордической, а Неаполь и Сицилия на юге - чисто средиземноморская по расе. Во Франции, где проживает смешанное нордическое, средиземноморское и альпийское население, единый язык и древние традиции создали интенсивное единство национального чувства, а в последние десятилетия произошел заметный переход политического контроля от нордического к альпийскому элементу, о чем свидетельствуют имена и черты нынешних политических лидеров. В Бельгии два языка, в Швейцарии - четыре, не говоря уже о множестве языков в старой Австрийской империи. Только в Швейцарии существует национальное единство, несмотря на разнообразие языков.

В Америке события последних ста лет, особенно огромный поток иммиграции, значительно нарушили чистоту нашей расы и единство религии и даже поставили под угрозу наше наследие - английскую речь. Если наш английский язык будет спасен, то это произойдет в немалой степени благодаря растущей мировой мощи самого языка и его литературы, а также всемирной океанской торговле Великобритании и ее заморской империи.

Сегодня в Соединенных Штатах против единства языка активно выступает иноязычная пресса. Однако, по всей вероятности, эта иностранная пресса обречена на вымирание, поскольку старшее поколение иммигрантов уходит со сцены. Тот факт, что эта неанглийская пресса представляет десяток или более различных языков, делает невозможным для нее в долгосрочной перспективе успешно противостоять английскому языку.

В Канаде тот факт, что французский язык официально признан в Квебеке и, соответственно, в парламенте в Оттаве, усложняет проблему. Следует отметить, что французский язык, на котором говорят в Квебеке, вызывает насмешки и издевательства со стороны европейских французов. Использование французской речи в Квебеке, подобно попыткам использования эрзе в Ирландии и чешского в Богемии, является всего лишь , служащим для того, чтобы люди, говорящие на этом языке, оставались вне связи с современной литературой и культурой.

Абсурдность попыток возродить такой устаревший язык, как эрзе, подтверждается отсутствием литературы современного типа. Сэр Гарри Х. Джонстон однажды сказал автору, что эрсе был совершенно хорошим языком, за исключением двух фактов: во-первых, никто не мог его произнести, а во-вторых, никто не мог его написать.

В Луизиане на французском по-прежнему говорят креолы Нового Орлеана и смесь французов и негров, называемая "каджанами". Это языковое разнообразие со временем также исчезнет. Более серьезной проблемой является сохранение и использование испанского языка в Нью-Мексико мексикано-индейским населением. Мало кто знает, что Нью-Мексико официально двуязычен. Рано или поздно это должно быть прекращено, так как это сильно тормозит развитие штата.

Что касается расы, в отличие от языка, религии и национальности, то мы должны рассматривать нашу страну сегодня как в значительной степени гетерогенную смесь расовых групп и отдельных людей. Поскольку первый долг Америки - это долг перед самой собой и перед людьми, которые уже здесь живут, она должна взвесить влияние на настоящее и будущее такого расового смешения, которое уже произошло и которое обещает распространяться бесконечно.

Яркий пример этого был продемонстрирован во время празднования двухсотлетия Вашингтона в 1932 году, когда некоторые историки, пытаясь успокоить напористые группы пришельцев в нашей среде, попытались показать существование в колониях значительных групп этих самых пришельцев. Например, они утверждали, что большинство революционных деятелей ирландского происхождения были такими же, как сегодняшние южно-ирландские католики. Это полностью ошибочно. Так называемые "ирландцы" революции были ольстерскими шотландцами из низменных районов Шотландии или из Северной Англии, которые приехали в колонии через север Ирландии, прожив там два или три поколения. Эти ольстерские шотландцы были усилены англичанами-протестантами, эмигрировавшими из Лейнстера, и оба они были значительно отделены в религиозном и культурном отношении от южно-ирландских католиков, которые не приезжали в эту страну в большом количестве, пока картофельный голод в Ирландии в 1840-х годах не вытеснил их за море.

Приведем пример: На Конвенте 1787 года, который разрабатывал Конституцию, некоторые люди были записаны как "ирландцы". Это были протестантские шотландцы из Ольстера. В сегодняшнем Сенате несколько сенаторов записаны как "ирландцы". Это южноирландские католики. Использовать один и тот же термин для обозначения этих двух разных типов населения ошибочно. Они были сильно разделены религиозно, расово и культурно. То же самое можно сказать и о той части нашего населения, которую называли "французами". Французы Американской революции и нашего Конституционного конвента были французами-гугенотами, которые, хотя и были немногочисленны, принимали заметное участие в общественных делах во время революции. В большинстве своем они были нордического происхождения и говорили на английском языке. Это была выдающаяся группа, которая не имела ничего общего с французами-"обитателями" Квебека, которые являются католическими альпийцами. Называть их обоих "французами" ошибочно. Аналогичное, но менее заметное различие существует между северными немцами и палатинами, и оба они отличаются от южных немцев в Америке, которые в основном являются католическими альпийцами.

В связи с этим следует четко понимать, что при обсуждении различных европейских рас мы имеем дело только с теми представителями этих рас, которые приехали в Америку, а не с теми, кто остался на своей родине.

В колониальные времена англосаксонские американцы избежали опасности, возникающей из-за межродовых браков с туземцами, которые разорили испанские и португальские колонии в Новом Свете и угрожали уничтожением французских колоний в Квебеке. На границе происходило скрещивание англичан с индейскими скво, но потомство везде считалось индейцем, так же как мулат в английских колониях считался представителем негритянской расы. Эти расовые предрассудки сохранили чистоту белой расы в Америке, в то время как их отсутствие и нехватка белых женщин в конечном итоге уничтожили господство европейцев в испанских и португальских колониях.

Во времена заселения испанских и португальских колоний римская церковь была доминирующей. Ее главным мотивом было спасение душ для небес, а не увековечивание контроля над европейцами. Поэтому церковь одобряла браки европейцев, испанцев и португальцев, с местными женщинами и считала детей белыми. То же самое касалось смешения французов и индейцев в Квебеке, и церковь признавала полукровное потомство французами, а не коренными жителями.

Такой политике церкви способствовало отсутствие расового достоинства, которое и сегодня иногда встречается среди французов, испанцев и португальцев. Например, на юге Португалии в XVI веке появился большой негритянский рабский элемент, который теперь влился в окружающее население. Аналогичные условия существуют в Южной Италии, где есть значительный негроидный элемент, вероятно, происходящий от негров-рабов, завезенных римлянами из Африки около двух тысяч лет назад.

Одним из печальных результатов расового смешения или смешения между различными расами является дисгармония в потомстве, и чем сильнее разделены родительские классы, тем сильнее это отсутствие гармонии как в умственных, так и в физических качествах. Герберт Спенсер, отвечая на просьбу о совете, написанную в 1892 году японскому государственному деятелю, барону Кенэко Кентаро, очень четко изложил этот биологический факт, сказав:

"На ваш оставшийся вопрос о межнациональных браках иностранцев и японцев, который, по вашим словам, "сейчас очень бурно обсуждается нашими учеными и

политиками" и который, по вашим словам, является "одной из самых сложных проблем", я отвечаю, что, если рассуждать рационально, никаких сложностей нет. Это должно быть категорически запрещено. В основе своей это не вопрос социальной философии. Это вопрос биологии. Существует множество доказательств, предоставленных как брачными союзами человеческих рас, так и скрещиванием животных, что когда смешиваемые разновидности расходятся более чем на незначительную степень, *результат неизбежно оказывается плохим в долгосрочной перспективе.....* Когда, скажем, среди различных сортов овец происходит скрещивание тех, которые сильно отличаются друг от друга, результат, особенно во втором поколении, оказывается плохим - возникает неисчислимое смешение признаков и то, что можно назвать хаотичной конституцией. То же самое происходит и среди людей - евразийцы в Индии, полукровки в Америке - тому подтверждение. Физиологическая основа этого опыта, по-видимому, заключается в том, что любая разновидность существ в течение многих поколений приобретает определенную конституциональную адаптацию к своей конкретной форме жизни, а каждая другая разновидность аналогичным образом приобретает свою особую адаптацию. Следствием этого является то, что, если вы смешаете конституции двух сильно различающихся разновидностей, которые по отдельности стали приспособленными к сильно различающимся способам жизни, вы получите конституцию, которая приспособлена к способу жизни ни одного из них - конституцию, которая не будет работать должным образом, потому что она не приспособлена ни к какому набору условий. Поэтому всеми средствами императивно запрещайте браки японцев с иностранцами".

Относительное уменьшение количества англосаксонской крови в Америке и нынешнее сдерживание экспансии Британской империи отчасти объясняются любопытным сентиментальным свойством англосаксонского ума, эффект которого почти самоубийственен.

Поразительно, что из самых благородных побуждений могут возникнуть трагические и даже фатальные последствия. Отмена устаревшего института рабства осчала умы некоторых лучших людей девятнадцатого века, а крепостное право было окончательно искоренено лишь ценой огромных потерь для лучших элементов нашего англосаксонского рода. Оглядываясь на эти события с расстояния в полвека, можно увидеть множество соображений, которыми пренебрегли те, кто был слишком близок к конфликту, чтобы заглянуть в будущее. Давайте рассмотрим последствия отмены рабства и разрушения барьера между белыми и неграми в мире в целом.

Например, в Британской империи отмена рабства сто лет назад в значительной степени способствовала упадку и, наконец, почти полному исчезновению чистой нордической крови в Вест-Индии, где ранее существовали богатые и процветающие колонии белых людей, нанимавших черных рабов.

В Южной Африке восстание и бегство буров за реку Ваал во многом объясняются отменой рабства и сентиментальным отношением к рабам со стороны правительства страны. Разгоревшиеся в то время страсти в конечном итоге привели к двум кровавым и бесполезным войнам между северными народами Южной Африки.

Другие европейские страны также пострадали от отмены рабства в своих американских колониях. На Ямайке и в Пуэрто-Рико почти исчезла белая кровь, а коренные жители Виргинских островов почти все негры и мулаты.

Самый трагический результат потери белыми контроля над неграми был продемонстрирован в истории Гаити и Санто-Доминго. Освобождение рабов и беспорядки, вызванные Французской революцией, привели к резне или изгнанию практически всех белых на острове. Французские доктринеры были в определенной степени ответственны за это. Даже Лафайет был президентом "Общества друзей белых". Сегодня чернокожие жители этого огромного острова вернулись почти к варварству.

Острова и побережья всего Карибского моря, а также большая часть побережья Мексиканского залива быстро превращаются в негритянскую землю, и, очевидно, в ближайшем будущем европейский элемент будет все больше и больше оказываться в безнадёжном меньшинстве.

В Соединенных Штатах мы имеем поразительный пример того, как сентиментализм влияет на выживание нордических народов. Север был совершенно прав, пытаясь не допустить рабства в Канзас и новые штаты на Западе, избежав тем самым проблемы цвета кожи. Однако сентиментальное вмешательство в рабство со стороны аболиционистов Севера помогло ускорить кровопролитную Гражданскую войну и уничтожить большую часть лучших представителей нации, особенно на Юге. Южане также в значительной степени виноваты в том, что они поступили совершенно безрассудно, отделившись как средство сохранения своего особого института, как они его называли.

Если бы вопрос о рабстве был оставлен в покое, вопрос о сохранении Союза был бы отложен, по крайней мере, на целое поколение. Со временем подавляющее число и богатство северян сделало бы абсурдным любой серьезный вопрос об отделении. В результате Гражданской войны сотни тысяч мужчин северного происхождения были вычеркнуты из жизни в полном расцвете сил, которые в противном случае могли бы жить, чтобы распространять свой род и заселять Запад. Кроме того, рабство как институт вышло за рамки цивилизации задолго до Гражданской войны и было бы мирно отменено через несколько десятилетий благодаря экономическим причинам.

Сами негры благодаря рабству прошли путь от дикости до слабого подражания белой цивилизации, и за два века в Америке они добились большего прогресса, чем за тысячу лет в Африке. Присутствие рабов, однако, было вредно для белых. Крепостное право было проклятием везде, где оно процветало в Новом Свете, и оказывало глубокое деморализующее воздействие на хозяев.

Американская демократия с самого начала опиралась на базу населения, которая, как уже говорилось, была однородной по расе, религии, традициям и языку, а также на относительное равенство богатства. Все эти черты ушли в прошлое, и демократия практически распалась, несмотря на жирный экстаз, характеризующий высказывания сентименталистов, которые даже утверждали, что мировая война велась "для того, чтобы сделать мир безопасным для демократии".

Кажется странным, что эта так называемая либеральная точка зрения настолько недалёковидна, что сегодня среди нас есть организации и группы, которые с самыми лучшими намерениями поощряют негров внутри и черных, коричневых и желтых людей снаружи, чтобы оспорить господство над миром христианских европейцев и американцев в целом. Во всем мире идет борьба с господством белой расы, и это движение в Азии, Африке и других странах поощряется христианскими миссионерами. Дело дошло до того, что открыто заявляется, что любое утверждение расового превосходства или даже обсуждение расовых различий в этой стране должно быть подавлено в интересах распространения христианства в зарубежных странах, в частности, в Японии. Однако в долгосрочной

перспективе эти доктрины нанесут большой вред протестантским церквям, если они будут упорно придерживаться антинациональной точки зрения. Хотя многие из отдельных священнослужителей обладают благими намерениями и доброжелательностью, их образование в области мировых дел недостаточно развито, и их советы в таких вопросах, в которых они не проинструктированы, часто очень опасны.

Сентиментальная симпатия к другим расам человечества проявляется сегодня во всем мире, но особенно среди англосаксов. Она получила большой импульс благодаря доктрине президента Вильсона о праве на самоопределение. Плоды этой доктрины можно увидеть в росте так называемого национализма повсюду, как в Ирландии, Богемии, Польше, Египте, Филиппинах, Китае и Индии.

Расово самоубийственным результатом всего этого является подрыв контроля нордических рас над коренным населением. Например, высшие классы и, во многих случаях, крестьянство в восточной Германии - нордики. Одним из трагических последствий мировой войны стал отъем политической власти в этом регионе у нордиков и передача ее, под видом демократических институтов, альпийским славянам. В Советской России политическая власть также перешла в руки альпийцев через уничтожение и изгнание нордической верхушки, точно так же, как во Франции во время революции альпийские низы уничтожили нордическую аристократию и взяли на себя контроль над государством. Революционные и наполеоновские войны, последовавшие за ними, уничтожили чрезмерную долю нордиков во Франции и, как говорят, сильно укоротили рост французских солдат.

Восстание против европейского контроля, особенно на Востоке, становится все более и более заметным. Как уже говорилось выше, его непреднамеренно поощряют миссионеры, которые, просвещая туземцев, добиваются лишь того, что те начинают отстаивать свое равенство с европейскими расами. Вероятно, величайшей трагедией в современном мире является разъедающая зависть к светлой коже представителей белой расы, которую испытывают те, чья кожа черная, желтая или коричневая. По мере распространения восстания низших рас мир будет слышать об этом все больше и больше.

Одним из проявлений этой зависти к светлой коже нордиков являются многочисленные случаи, когда представители цветной расы или даже темнокожие представители нордической расы рассматривают обладание светловолосой женщиной как утверждение и доказательство расового равенства. Так было исторически с древнейших времен. В настоящее время это более чем когда-либо подтверждается.

Все вышесказанное указывает на ценность критического рассмотрения расового состава первоначальных тринадцати колоний и анализа ситуации, сложившейся на сегодняшний день.

ССЫЛКИ:

[1] Этот законопроект был разработан и принят благодаря усилиям distinguished Альберта Джонсона из Вашингтона. Его с удовольствием называют "новой Декларацией независимости".

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человек - чрезвычайно древнее животное. Более миллиона лет прошло с тех пор, как он впервые добыл огонь, и еще больше миллионов - с тех пор, как он превратился в двуногого предчеловека. Он покинул леса, самое позднее, в конце миоцена, не менее семи миллионов лет назад, и вышел на равнины Центральной Азии как дикий, сильный, ловкий двуногий, охотящийся в стаях или с помощью смекалки в одиночку защищающий свою добычу с помощью ловушек и других приспособлений, изобретение которых знаменует собой развитие растущего интеллекта.

Первоначальное отличие человека от его предков-симов, вероятно, началось, когда он спустился с деревьев и начал ходить прямо. Тогда рука освободилась от использования в качестве инструмента передвижения и была направлена в первую очередь на защиту, нападение, открытие и изобретение. Именно благодаря возможностям, предоставляемым рукой, человеческий мозг превратился в самый важный фактор расового выживания человека.

Явным доказательством далекого дендроидного происхождения человека служит его стереоскопическое, или двуглазое, зрение. У подавляющего большинства наземных животных, особенно живущих в лесу, глаза расположены по бокам головы; но у дендроидных предков человека, благодаря рецессии промежуточных носовых и лицевых костей, глаза были вынесены на переднюю часть лица. В результате стереоптическое зрение позволило ему оценивать расстояние гораздо точнее, чем большинству млекопитающих. Такая способность определять расстояние, конечно, жизненно важна для дендроидного животного. Невозможность точно определить длину прыжка с ветки на ветку может оказаться фатальной.

Часто можно услышать утверждение, что человек утратил обоняние, но это чувство, вероятно, никогда не было развито лучше, чем сейчас. На деревьях обоняние не имеет особого значения. Обезьяна может сидеть на ветке и безнаказанно подтрунивать над леопардом на земле. Однако для лесных животных, таких как олень или кабан, обоняние - самая надежная защита от нападения, и оно развито гораздо сильнее, чем зрение, которое часто бывает довольно слабым. Фактически, в густых джунглях оно почти бесполезно (а в "черную ночь" и вовсе бесполезно).

Евразия, где, вероятно, и зародилось человечество, в третичное время была самым большим массивом суши на земном шаре. Современные Европа и Северная Африка образовывали относительно небольшие полуострова на крайнем западе этого третичного массива суши. Вероятно, именно из Евразии человек распространился по самым отдаленным уголкам обитаемого земного шара, неся с собой свой язык и те культурные особенности, которые сложились к моменту каждой последующей миграции. Ни одна раса, ни один язык или культурное изобретение, по-видимому, не проникли в Евразию из прилегающих областей суши. Все ушли. Ни одна не вошла. Хотя первоначальным центром расселения Hominidae или человеческой семьи, вероятно, была Евразия, позднее она стала и центром эволюции высших типов человека.

К северо-востоку от Евразии пролежала древняя сухопутная связь с Северной Америкой через Аляску, по которой туда-сюда сновали различные виды животных, одни из которых зародились в Азии, а другие - на западе Северной Америки. Несомненно, именно через эту сухопутную связь человек впервые попал в Америку в относительно недавний период, и,

вероятно, он прибывал в виде последовательных волн. Американские индейцы, по-видимому, произошли от монголоидных племен северо-восточной Азии до того, как последние развили некоторые из тех крайних специализаций, которые характерны для типичных монголов Центральной Азии и современного Китая. Судя по культуре, которую принесли с собой американские индейцы, эта миграция началась до 10 000 лет до нашей эры.

Существующие расы человечества, а также те, которые либо полностью вымерли, либо влились в другие расы, имели свои характерные области дифференциации и периоды излучения из Евразии по всему обитаемому земному шару. Самые примитивные типы сегодня встречаются дальше всего от первоначального центра распространения в странах, где благодаря изоляции они избежали конкуренции с более высокими типами, которые развились позже.

Все свидетельства указывают на то, что Африка или Эфиопия, лежащая далеко на юго-западе от Евразии, была заселена в самые ранние времена, через Арабию, самым примитивным негроидным типом человечества. В то время как к северу от Сахары миграции из Азии продолжались до недавнего времени, юг на протяжении огромного периода оставался во владении негров. Даже сегодня, если не считать недавнего проникновения белых и коричневых, Африка к югу от Сахары принадлежит трем негроидным группам: собственно неграм, пигмеям или негрилам, а также бушменам и готтентотам. Эти три человеческих типа характеризуются очень темной или желтой кожей, туго завитыми волосами, очень скудным волосатым покровом на теле, раздувающимися ноздрями, приплюснутыми носами и отсутствием надглазничных гребней.

В Австралии, Тасмании и на некоторых прилегающих островах живут или недавно жили люди, которые раньше считались одной из великих ветвей человечества - австралоиды. Эти люди имеют черную кожу и некоторые черты негра, но отличаются от него обилием волос на теле и выраженными надглазничными гребнями. Кроме того, волосы на голове австралоидов волнистые, а не завитые, что является важнейшей характеристикой. Глубокое расслоение между неграми и австралоидами теперь ставится под сомнение в некоторых кругах.

Дифференциация человеческого вида на типы, столь отчетливо контрастирующие между собой, как белые и черные, и проблемы эволюции высших типов человека из первоначальных запасов приводят нас к новой классификации рода *Homo*. Некоторые антропологи до сих пор считают, что все люди относятся к виду *Homo sapiens*, но это уже старомодная группировка. Рано или поздно должна быть сформулирована новая система, основанная на тех же фундаментальных правилах, которые применяются для классификации других млекопитающих. Например, физические различия между нордиками и неграми, австралоидами и монголами, если бы они были обнаружены среди низших млекопитающих, были бы более чем достаточными, чтобы образовать не только отдельные виды, но даже подвиды, и сейчас они рассматриваются некоторыми антропологами именно так.

Расу трудно определить. Она заключается в наличии совокупности наследственных признаков, общих для подавляющего большинства особей данной группы. Она заключается в преобладании таких признаков, как цвет кожи, волос и глаз, контур лица и носа, форма черепа и даже психические характеристики, которые сложнее классифицировать, но которые явно характерны для определенных человеческих групп. Многие люди обладают всеми наследственными признаками той или иной расы. Но человек - настолько древнее существо, а смешение было настолько широко распространено, что почти каждая раса

демонстрирует признаки смешения с другими. Это особенно верно для Европы, где смешение народов было обширным в течение последних двадцати веков.

Как классификация человека по расовому признаку нуждается в пересмотре в свете последних открытий, так и определение расы должно быть понято заново в свете генетики. Тридцать лет назад мы легкомысленно говорили об арийской или индоевропейской расе, кавказской или германской расе. Все эти термины должны быть отброшены. Арийская, индоевропейская и германская расы - это всего лишь лингвистические термины, а кавказская раса не имеет никакого значения, кроме того, что используется в Америке для проведения различия между белыми и цветными.

Язык или культура могут быстро и широко распространиться среди народов Земли независимо от расы. Например, лук и стрелы могли появиться у какой-то определенной расы человечества, однако мы находим это изобретение в использовании по всему земному шару и в руках самых разных народов. Использование огнестрельного оружия и лошадей американскими индейцами свидетельствует не более чем об их контакте с белыми. Небезопасно приписывать зарождение какой-либо культурной особенности той или иной расе.

Сама цивилизация, то есть сельское хозяйство и одомашнивание животных, вероятно, возникла в западной части Центральной Азии и распространилась на восток, юг, юго-запад и запад. Хотя самые ранние останки собаки, первого прирученного животного, найдены в Маглемозе в Дании около 8000 г. до н. э., в Азии она могла быть одомашнена гораздо раньше.

Существовало два центра развития цивилизации - два очага. Первый находился на юго-западе Евразии: долина Сыр-Дарьи; Месопотамия и ее города-государства; Халдея, Вавилония, Ассирия; затем Египет, Крит, Греция, Рим и современная Европа. Существует возможность или даже вероятность найти в неисследованных частях южной Аравии связующие звенья ранней культуры между долиной Евфрата и долиной Нила. Недавние открытия указывают на существование очень ранней цивилизации в долине Инда, которая, очевидно, была принесена с севера. Все эти регионы составляли единую группу и были первым центром.

Вторым центром была независимая, но схожая и параллельная экспансия цивилизации в юго-восточной Азии, ныне Китай. Вплоть до наших дней между Дальним Востоком и Дальним Западом Евразии не было практически никаких сношений, кроме караванных путей через Центральную Азию. Римляне знали китайский шелк, и в Средние века велась торговля драгоценностями, драгоценными металлами и пряностями, но тот необычный факт, что эти две культуры развивались независимо друг от друга при незначительном взаимном влиянии одной на другую, мало оценен. Обе культуры, как уже говорилось, зародились в западной части Центральной Азии и распространялись на юго-запад, юг и восток.

Один из периодических циклов засухи иссушил центральную область и разделил западный и восточный миры почти непроходимой серией пустынь, подобных монгольской пустыне Гоби. На западе, даже во времена Александра Македонского, Бактрия и Согдиана, расположенные к северо-западу от Индии, были густонаселенными и процветающими государствами. Именно здесь будущие исследования могут обнаружить первые зачатки сельского хозяйства и приручения животных, а возможно, и первый письменный язык.

Язык, как и культура, не идентичен и не совпадает с расой в какой-либо степени. Посмотрите на соседние острова в Вест-Индии, где негры говорят на испанском, французском и

английском языках. Язык данной группы в определенное время, однако, будучи, возможно, гораздо более поздним приобретением, чем ее культурные изобретения, свидетельствует либо о том, что он был создан теми, кто на нем говорит, либо о том, что он был навязан им другой расой, долгое время находившейся в контакте с ними.

Поскольку мы будем рассматривать в основном расовые группы Европы, а именно нордическую, средиземноморскую и альпийскую, мы могли бы на мгновение подробнее остановиться на этом различии между расой и языком. Средиземноморцы Аравии говорят на семитском языке, а берберы Северной Африки, также выходцы из Средиземноморья, - на хамитском. На этом же хамитском языке, вероятно, говорили по всему побережью Внутреннего моря и на западном побережье Европы до Британских островов, прежде чем арийская речь была принесена туда нордическими захватчиками с севера и востока. Тем временем альпийцы говорили на языках, родственных тюркскому, урало-алтайскому языку, разумеется, неарийскому, как это до сих пор происходит в Туркестане, Венгрии и Финляндии.

Что касается нордигов, то, судя по всему, именно эта раса положила начало так называемой арийской или индоевропейской группе языков. Вероятно, арийский язык возник в Южной России еще до того, как была прервана длительная изоляция от Азии. В какой-то период третьего тысячелетия до нашей эры арийский язык разделился на две группы: западную, или центумную, которая продвигалась на запад и север, и восточную, или сатемную, которая продвигалась на юг и восток. К группе Centum относились греческий, латинский, кельтский и германский языки. Любопытно, что на токаринском языке, являющемся членом этой группы, говорили в Туркестане уже в седьмом веке н.э. Сатемская группа, которую иногда называют иранской, включала литовский, все славянские языки, языки древней и современной Персии, а также различные формы санскрита, на котором говорят в Индии и Бирме.

Светлокожие захватчики с северо-запада, по-видимому, входили в Индию последовательными волнами и принесли арийский язык, известный как санскрит. Вероятно, это были саки или скифы из Южной России. Этих нордигов в Индии правильно называть "арийцами". Однако в другом значении термин "арийцы" является чисто лингвистическим. Изначально все племена, говорившие на языках групп Центум и Сатем, были представителями нордической расы.

Согласно недавним открытиям в долине Инда, очень развитая цивилизация процветала по крайней мере пять тысяч лет назад в Мохенджо-Даро, в четырехстах милях к северу от устья реки. Эта цивилизация была столь же развита, как и соответствующая культура Месопотамии или Египта. Расовые признаки, обнаруженные на телах в захоронениях, указывают на то, что основная масса населения тогда, как и сейчас, принадлежала к средиземноморской расе, но правящий класс был длинноголовым и длиннолицым, высокого роста и крепкого телосложения - явно нордический тип. В самых ранних захоронениях Ура в Месопотамии черепа явно принадлежат к расе, схожей с той, что жила на Инде. Все это заставляет отбросить дату вторжения людей с севера еще на тысячу лет или больше. То же самое можно сказать и о вторжении ахейцев в Грецию и осско-умбрийцев в Италию.

Широкое распространение сатемской или иранской группы на юге и западе Азии показывает, что нордики в большом количестве завоевали коренных жителей этих стран и навязали им арийскую речь. Они изобрели кастовую систему, чтобы сохранить чистоту своей крови. На самом деле индуистское слово "варна" означает и цвет кожи, и касту. Однако, несмотря на все их усилия, завоеватели почти полностью вымерли в Индии и Персии, оставив после себя только свой язык и, в некоторых случаях, религию.

После этого краткого обзора существенного различия между расой и языком или культурой мы можем вернуться к рассмотрению человечества с точки зрения его расовых особенностей.

Мир в целом может быть приблизительно отображен на расовой карте в соответствии с наиболее очевидной человеческой дифференциацией - а именно, цветом: белым, желтым, красным, черным и коричневым. В настоящее время белая раса доминирует в Европе, частично в Северной Азии, Австралии и Северной Америке до Мексики, а ее форпосты разбросаны по всему земному шару. Восточная Азия - желтая. Южная Азия и северная Африка - коричневые. Африка к югу от пустыни Сахара черная, а в южной Азии, как мы увидим, есть черный оттенок. Краснокожие, или америнды, которых осталось совсем немного в США и Канаде, населяют Латинскую Америку, где в некоторых случаях их кровь смешивается с кровью потомков негров-рабов и, конечно, в еще большей степени с кровью южных европейцев.

Цвет кожи, однако, не единственный признак, на котором может быть основана расовая карта мира. Возможно, более удовлетворительное разделение можно было бы провести по сечению человеческого волоса. Однако, рассматривая расовые группировки Евразии, мы видим, что различные типы человечества распределены по определенным зонам в соответствии с некоторыми выдающимися физическими характеристиками.

На самом юге огромной территории Евразии находится пояс негроидов, простирающийся от Эфиопии с перерывами через Аравию до Южных морей. Основными расовыми признаками этих людей являются очень темная или черная кожа, темные глаза, туго завитые черные волосы и длинный, т.е. долихоцефалический череп. В южной Персии население имеет негритянскую примесь, а среди дравидов Индии многочисленны представители негроидного типа. Сами индусы очень темно-коричневые с волнистыми черными волосами.

Несколько десятилетий назад было много разговоров о том, что английский офицер и индус в строю - одной арийской крови, потому что оба они говорили на разных формах великой группы арийских языков. Это, конечно, не подразумевало ни малейших следов кровного родства - арийская речь индуса была навязана ему завоевателями с севера. Подобные заблуждения были распространены еще несколько поколений назад.

На востоке мы находим остатки негроидного типа на Малайском полуострове и на больших островах к востоку вплоть до Филиппин. Этот негроидный тип также распространяется на восток через Меланезию. Из этого прерывистого распределения следует, что негры и негритосы были первоначальным населением южной Евразии. Вполне вероятно, что из этого региона истинные негры мигрировали на запад в Эфиопию.

В более ранний период, чем эта гипотетическая миграция на запад, более ранний тип негроидов продвинулся на юго-восток до Тасмании, которая впоследствии была отрезана от суши Австралии. В самой Австралии эти тасманийцы были поглощены или истреблены пришедшими позже австралоидами, от которых они существенно отличались.

Расовый клубок в Австралии, Папуа и на островах Меланезии представляет большие трудности для классификации, но основным элементом, по-видимому, является негр с большой примесью более поздних монголоидов, пришедших из Азии.

Следующую зону человеческой популяции, во многих случаях накладывающуюся на негроидную, но расположенную к югу от больших центральных горных хребтов Евразии,

образует средиземноморская раса. Для этой расы характерны черные волнистые волосы, очень темные глаза, овальное лицо с довольно правильными чертами, темно-оливковая кожа, относительно невысокий рост, несколько слабое строение скелета и мускулатуры. Этот последний признак резко контрастирует с мощным и крепким телосложением двух следующих рас, которые мы рассмотрим, - альпийской и нордической. Главной особенностью средиземноморской расы, однако, является ее длинный (долихоцефальный) череп. Негры, как мы уже говорили, имеют длинный череп, но совершенно другого типа.

Ареал средиземноморцев простирается от западной части Британских островов, через Испанию и вдоль обоих берегов Средиземного моря, по восточному побережью Африки до Сомалиленда. В Азии он охватывает арабов, южных персов, большинство индусов, с расширением на восток. В Северо-Восточной Африке и Индии она сильно смешана с неграми.

Распространяясь повсеместно по Европе к северу от территории, на которой доминирует средиземноморская раса, и часто смешиваясь с ней, мы находим альпийцев. Эта раса характеризуется несколько низкорослым, коренастым телосложением, гораздо более крепким, чем средиземноморская, обильными темными, но не прямыми, волосами на голове и теле, темными глазами и круглым (брахицефальным) черепом.

Центр происхождения альпийцев находился где-то в Центральной Азии к западу от настоящих монголов, к северу от средиземноморцев и к востоку от нордиков - возможно, в Туркестане. Для альпийцев и монголов характерен круглый череп, но, как и в случае с длинночерепными средиземноморцами и длинночерепными неграми, тип черепа заметно различается.

Монголы и альпийцы тесно контактировали на протяжении многих веков. Монголы снова и снова выходили из Восточной и Центральной Азии и теснили альпийцев, оттесняя их на запад, в Центральную Европу. Произошло большое смешение, и в славяно-альпийском населении Восточной Европы часто проявляются характерные монгольские черты. Однако эти две расы, хотя, возможно, и имеют отдаленную связь, сильно различаются. Альпийцы, как и австралоиды и в меньшей степени нордики, имеют обильные волосы на теле и бороду, в то время как монголы (как и их производные, американские индейцы) безбороды и не имеют волос на теле. У альпийцев волосы волнистые, у монголов и монголоидов - прямые. Черты лица альпийцев довольно грубые, часто с большим выдающимся носом, в то время как у настоящих монголов очень плоское лицо, вдавленный нос и широкое пространство между глазами. Этот вдавленный нос у взрослых монголов - следствие инфантильного характера, поскольку дети всех рас рождаются с безмозглыми носами. Что касается роста, то большинство альпийцев имеют умеренный рост, хотя те, кто живет от Тироля до Албании, так называемая динарская раса, определенно высоки.

Именно ветвь высоких монголов с небольшой примесью альпийцев пересекла Америку из Азии и стала предками американских индейцев, которые отличаются значительным ростом, часто с выдающимися, почти ястребиными носами и высокими скулами.

Здесь можно упомянуть малайцев, которые, по сути, являются монголами и проникли в Индо-Китай и на весь Малайский полуостров. Много следов их крови можно найти в Полинезии. Эта экспансия была относительно недавней, и в этих местах повсеместно встречаются признаки более ранних рас, особенно древних негроидных типов, известных как Negritos. Эти малайцы распространились через Филиппины на север до Японии, где они встретились и смешались с потоком северных монголоидных иммигрантов из Кореи.

Альпийский домен в настоящее время простирается от центра Франции на восток все более расширяющимся клином вплоть до Гималаев. Он включает в себя большую часть населения Центральной Франции, Северной Италии, Южной Германии, Швейцарии, провинций недавней Австрийской империи, а также простирается через Балканские государства, Россию, Малую Азию и далеко вглубь Азии. Эта раса проникла в Центральную Европу и захватила ее в относительно недавние времена, вероятно, в начале бронзового века, около 1800 года до нашей эры.

К востоку и северу от Карпат, около 400 г. н. э., у альпийцев был период великой экспансии, в основном за счет нордической расы, о распространении которой мы поговорим ниже.

По мере продвижения нордических племен в римские провинции освобождаемые ими земли занимали альпийские славяне. Все эти перемещения могли быть вызваны давлением с востока азиатских монголов, которые, как и гунны, начинали свое движение в Европу. Наше слово "раб", происходящее от слова "славянин", показывает социальное отношение этих альпийцев к западноевропейцам.

Самые западные из альпийских славян назывались вендами. Во времена Карла Великого они занимали территорию нынешней Германии вплоть до Эльбы. В самой восточной части страны этих альпийцев называли туранцами и путали с монголами из Центральной Азии, которые снова и снова завоевывали их. Остаток вендов в Восточной Германии, богема, большинство поляков и южных славян - все они альпийцы. Большая масса русских относится к этому типу, так же как и древние авары, гунагары, мадьяры, половцы и болгары, все в большей или меньшей степени смешанные с монголами. Армяне - альпийцы особенно ярко выраженного типа и, вероятно, происходят от древних хеттов. Восточноевропейские альпийцы повсеместно насыщены монгольской кровью, в основном со времен их завоевания татарами в XIII веке.

Тот факт, что Азия, расположенная к северу от основных горных хребтов, является преимущественно родиной круглых черепов, очень показателен и свидетельствует об отдаленном родстве альпийцев и монголов.

Альпийский череп достигает крайней формы у армян, которые имеют очень высокий череп, сильно уплощенный сзади и по форме напоминающий сахарный батон.

Разделение человеческих рас на длинные и круглые черепа является чрезвычайно древним. Мы находим оба типа среди ископаемых и полуископаемых черепов в конце палеолита.

Первое определенное появление круглых черепов вперемешку с длинными встречается в захоронениях в Оффнете в Баварии в азийском периоде в самом конце палеолита, около двенадцати тысяч лет назад.

С тех пор и по сей день во Франции, Баварии и других местах Западной Европы, а также в Восточной Европе круглые черепа расширяют свой ареал. Это неуклонное увеличение круглочерепных альпийцев повсюду в Центральной Европе в последние столетия - один из самых зловещих расовых фактов, с которыми мы сталкиваемся.

Великий французский антрополог де Лапуж в недавнем письме к автору заявил, что во Франции черепной индекс со времен Средневековья повышался на два пункта в столетие, так что Франция больше не является нордической страной. По мнению некоторых наблюдателей, эта трансформация объясняется смешением рас, в которых круглоголовые преобладают над длинноголовыми. Однако, по мнению писателя, она вызвана заменой одной расы, нордической, на другую, альпийскую. Нордики не только несут

непропорционально большие потери на войне, но и ведут кочевой образ жизни, в то время как альпийцы, напротив, держатся ближе к земле и постоянно размножаются.

Из европейских рас остается рассмотреть нордиков - народ, имеющий значительную специализацию, у которого светлая кожа, светлые глаза, высокий рост, крепкое телосложение, длинный, т.е. долихоцефальный череп, и определенные психические черты. Медленное, но длительное физическое развитие нордиков привело к формированию мощного скелета и мускулатуры, резко контрастирующих со средиземноморской расой, с которой нордики связаны теснее, чем с любой другой. На самом деле, смешение нордической и средиземноморской расы на Британских островах, возможно, является одним из немногих благоприятных расовых пересечений.

Что касается родины первоначальной нордической расы, то пока мы имеем лишь догадки со стороны тропологов. Когда мы узнаем больше о состоянии Центральной Евразии в ледниковый период и сразу после него, мы сможем приблизиться к ответу на вопрос о том, где и как возникла и развивалась эта раса. Однако несомненно, что нордики изначально располагались к западу от альпийцев и монголов и к северу от средиземноморцев.

Мы располагаем ископаемыми останками пяти или шести вымерших видов или родов человека, и новые постоянно обнаруживаются в Азии и отдаленных регионах Старого Света. Импульс, заставивший предков человека развить свою высокую энергию и интеллект, вероятно, возник с началом плейстоценового оледенения миллион или более лет назад. Тогда человечество было вынуждено разойтись по широко разделенным территориям, где в изоляции развивались специфические черты характера. Скорее всего, нордики были отрезаны от Азии Каспийским и Аральским морями, которые простирались далеко на север, где встречались с наступающими льдами. Именно к западу от этого барьера нордическая раса выработала свои особые черты характера.

Позже, когда льды отступили и этот водный барьер исчез, нордиков снова и снова затапливали потоки азиатов, сначала альпийцев, а затем монголов. Иногда нордики становились агрессорами и поочередно расширялись на восток, завоевывая Персию, Индию и Бирму. Светловолосые захватчики из Восточной Азии, которых называли "зеленоглазыми дьяволами", напали на Великую Китайскую стену еще в 200 году до н. э. Их также называли "усунями", татарское слово, означающее "высокие". Однако в конечном итоге нордики были вытеснены на запад.

Когда отступающие ледники оставили пригодные для жизни земли в Скандинавии, именно в этот регион и направилась первая миграция нордиков на запад. Вероятно, это произошло уже в 8000 году до н. э. Именно там, в туманах и долгих северных зимах, в полной изоляции они развили свой огромный рост и мускулатуру, свои светлые или льняные волосы и голубые глаза. Однако континентальные нордики, продвинувшиеся на запад и поселившиеся в районе Балтийского и Северного морей, сохранили более обобщенные черты: каштановые волосы различных оттенков и глаза, склонные либо к карим, либо к серым, либо, в меньшей степени, к голубым. Светлые глаза нордиков включают в себя светло-карие или лесные, а также могут быть любых оттенков серого и зеленого до глубокого фиолетово-синего.

Расовые признаки, которые наиболее заметно отличают нордиков, - это цвет кожи, волос и глаз. В отличие от кожи средиземноморских народов, цвет крови проступает сквозь светлую нордическую кожу, за исключением тех случаев, когда она загорает под воздействием солнца. Светлые волосы почти всегда светлые в молодости, с возрастом они темнеют, хотя у

многих людей крайняя степень блондинистости сохраняется на протяжении всей жизни. Каштановые волосы, характерные для нордиков Британских островов и Америки, варьируются от светло- до очень темно-коричневых; но иссиня-черные волосы, столь редкие в Англии и среди коренных американцев, никогда не бывают нордическими. Светлые волосы могут иметь тенденцию к золотисто-рыжему цвету. На самом деле, в классические времена рыжие волосы, похоже, были более распространены, чем сейчас, и могут быть более характерны для кельтских нордиков, чем для тевтонских нордиков. В расовых смешениях между светловолосыми и черноволосыми народами светловолосость, как правило, утрачивается.

С другой стороны, светлый цвет глаз гораздо более устойчив, и этот признак нордической примеси встречается примерно в десять раз чаще, чем светлые волосы у таких народов, как албанцы, где все остальные нордические черты, кроме роста, по-видимому, утрачены.

На протяжении тысячелетий Европа была ареной расовых смешений. На огромных территориях, как мы увидим, нордическая раса доминировала в течение последних тридцати веков, так что большинство альпийских и средиземноморских типов демонстрируют отпечаток нордических черт. Например, в Баварии встречаются невысокие, коренастые, круглолицые альпийцы с очень светлыми волосами и голубыми глазами. Французы, которые сегодня преимущественно альпийцы, демонстрируют выходы глубоких нордических характеров по всему населению. Таким образом, хотя чистые типы существуют повсюду в достаточном количестве, чтобы мы могли определить расу, тем не менее, в прошлом было так много смешения, что иногда трудно отнести конкретного человека к определенной расе. Определение расы, по сути, не может быть основано на каком-то одном признаке, но на преобладании многих расовых признаков, которые составляют результирующий тип.

Мы уже рассмотрели основные расы человечества, но должны уделить место монголам и их производным. Монгол, несомненно, является очень древним и крупным подразделением *Hominidæ*, но, по-видимому, интрузивным на большей части своего нынешнего ареала. В Юго-Восточной Азии и на Малайских островах он появился позже, чем древние негроиды.

Монголоиды, как уже говорилось выше, характеризуются невысоким, коренастым телосложением и, как правило, круглым черепом, очень прямыми черными волосами круглого сечения, широким плоским лицом с выступающими скуловыми костями и раскосыми глазами, часто отмеченными монгольской складкой. Последние признаки отличают их от альпийской расы, но иногда встречаются у тех представителей этой расы, которые имеют монголоидную примесь.

Эти монгольские черты часто встречаются в Богемии, Моравии и особенно в Галиции, в последней провинции они, вероятно, восходят к монгольским вторжениям тринадцатого века. Такие черты, однако, не встречаются среди альпийцев южной Германии или Франции.

В американских индейцах, несомненно, преобладает монголоидная кровь, но высоко поднятый нос некоторых племен и их высокий рост, несомненно, указывают на примесь других рас.

Монгол не уступает нордическому человеку в интеллекте, как и негр, но представляет собой настолько разнящийся тип, что смешение нордиков с китайцами или японцами не является удачным. Приток этих азиатов на наше Тихоокеанское побережье мог бы привести к монголизации штатов, если бы американские трудящиеся не забили тревогу и не приняли закон, запрещающий их иммиграцию.

Приведя вышеизложенное в качестве простого и обобщенного описания примитивных рас человечества, какими мы их знаем сегодня, и уделив особое внимание трем основным европейским вариантам "белой" расы, мы перейдем к рассмотрению распространения и расового влияния нордики в Западной Европе.

III

ЗАВОЕВАНИЕ ЕВРОПЫ НОРДИКАМИ

Около 1300 года до н. э. в египетских скульптурах появляется белокурая, голубоглазая раса ливийцев. Откуда пришли эти блондины или как они попали в Ливию, неизвестно, но интересно отметить, что светловолосых берберов можно встретить сегодня в Атласских горах Северной Африки. Однако, вероятно, это более поздние переселенцы с севера.

Около 1800 года до н. э. следы нордического проникновения появились среди хеттов. Позднее эти нордические завоеватели проникли в Месопотамию под именами митаннийцев и касситов, хотя, возможно, они были лишь правящим классом этих народов.

В письменной истории нордики впервые появляются на Западе как ахейцы. Они пришли с севера с Дакийских равнин и завоевали Грецию и Фригию около 1400 или 1500 года до нашей эры.

Около 1200 или 1300 года до н. э. нордический народ, осско-умбрийцы, пришедший с северо-востока, проник в Италию. Они были родственны ахейцам и стали предками латинских племен, включая ранних римлян. Аборигены Средиземноморья были вытеснены на юг Италии, где в Калабрии и Апулии они сохранились до сих пор. контраст между народами Северной и Южной Италии до сих пор остается глубоким.^[2]

Континентальные нордики, как кельтские племена, вошли в Галлию в девятом веке до н. э. Судя по географическим названиям, они прошли через Южную Германию. Вся Галлия, кроме Аквитании на юго-западе, была захвачена.

Испания была завоевана нордическими кельтами около 600 года до н. э., но их господство никогда не было полным, и вскоре они смешались с местными жителями. Смешанных жителей полуострова римляне называли кельтиберами.

В этот же период Британские острова были захвачены и основательно оккупированы нордическими кельтами по имени гойделы, и кельтский язык был навязан средиземноморскому населению, хотя последнее сохранилось как раса в большом количестве, особенно в западных частях Англии и Ирландии. Эти кельтскоговорящие жители Средиземноморья до недавнего времени назывались "иберийцами"; но пятнадцать сотен лет назад вторгшиеся на саксы называли всех людей, которых они нашли в Англии, "валлийцами".

Примерно в 300 году до н. э. в Галлию и Британию пришла новая волна кельтов. На этот раз они пришли с германских равнин и говорили на несколько иной форме кельтского языка. На континенте они были известны как белги, а на Британских островах - как бритоны. Они же дали свое название Британским островам. Ко времени Сезара они завоевали северную треть Галлии и всю Англию, но римские войска положили конец их дальнейшему продвижению. До Ирландии они не дошли.

Римские писатели описывают кельтов в Галлии как чистых нордигов и говорят о том, что они составляли правящий класс и военную аристократию до их фактического уничтожения Юлием Цезарем за десять лет его завоевательных походов. Считается, что в результате его походов в Галлии был уничтожен миллион человек, в основном из касты воинов.

В период своей наибольшей экспансии галлы разграбили Рим (387 г. до н.э.). Дальше на юг они не продвинулись, а вскоре отступили и остались в Цизальпинской Галлии, то есть в долине реки По и в стране к северу от Апеннин.

Северные галлы или галаты - греческая форма их названия - разорили Грецию около 297 года до н. э. и перешли в Малую Азию. Там они поселились на территории, которая долгое время называлась Галатией, ныне Ангора, где сейчас располагается турецкое правительство. Эти галаты были последними нордиками, проникшими в Малую Азию, если не считать армий крестоносцев.

Судя по описанию физических характеристик кельтскоязычных племен, они сильно напоминали германские племена, которые последовали за ними в Римскую империю. Некоторые французские антропологи обнаружили, что современное население Франции почти на четыре пятых состоит из альпийцев, и они решили называть альпийцев "кельтами", чтобы не признавать, что кельты физически были такими же, как ненавистные германцы. Эту ошибку не разделяют ведущие французские антропологи, такие как де Лапуж, но с ней согласились некоторые антропологи.

Тщательное изучение упоминаний кельтов у классиков не оставляет сомнений в том, что галлы, галаты, белги и бритоны были нордиками, как и их преемники вестготы, суэвы, алеманны, бургунды и, прежде всего, франки. Фактически, Франция вплоть до Реформации была нордической страной.

Вскоре после того, как белги впервые появляются в Европе, в истории упоминаются нордические племена, говорившие на германском диалекте. Первыми из этих племен, вступивших в конфликт с римлянами, были тевтоны и кимвры, которые, разгромив несколько римских армий, были полностью уничтожены в 103 году до н. э. Эти люди были предтечей многих племен и народов, которые один за другим выходили из болот и лесов севера. Первоначальная родина большинства из них, по-видимому, находилась в Скандинавии, где они развивались в течение нескольких тысяч лет. Эти новые люди стали последней и последней языковой группой, появившейся в истории Европы. В качестве тевтонских нордигов они с тех пор доминируют на сцене. Слово "тевтонский" здесь используется чисто лингвистически, чтобы отличить этих поздних переселенцев от более ранних, говорящих на кельтском языке скандинавских племен.

Нордические тевтоны составляли значительный элемент среди белгов и бритонов, и их экспансия вполне могла стать причиной отхода последних на запад. Тевтоны начали давить на Римскую империю с юга в начале христианской эры, и это давление продолжалось около трех столетий, пока империя не рухнула под их последовательными вторжениями.

Как уже говорилось выше, кельты и тевтоны были идентичны физически, и использование слова "кельтский" в качестве расового термина в настоящее время не может быть оправдано. Среди ныне живущих нордиков людей кельтского происхождения невозможно физически отличить от тех, кто имеет германское или скандинавское происхождение. Возможно, рыжие волосы и связанные с ними психические особенности скорее кельтские, чем скандинавские. У классических писателей мы находим имена и описание варваров за границами империи. Все они описывались как голубоглазые, светловолосые или рыжеволосые гиганты. Рост,

однако, следует рассматривать относительно роста римлян, чьи легионы в поздние годы существования империи, очевидно, состояли из маленьких людей. С каждым поколением названия варварских племен меняются, но описание физических характеристик остается неизменным.

Самыми лучшими из этих тевтонских варваров были готы, которые, по словам их историка Иордана, перешли из Швеции около 300 года до н. э. и поселились на берегах Вислы, откуда распространились на Южную Русь, которую занимали в течение многих веков. На остатках их языка (крим гётиш) говорили в Крыму вплоть до XVII века. Гепиды были ветвью готов, лежавшей к западу от основной массы, а аланы, близкородственное племя, располагались значительно восточнее. Интересно отметить, что некоторые аланы, спасаясь от гуннов, нашли убежище на Кавказе, где осетины и по сей день иногда демонстрируют нордические черты лица.

Основная часть готского народа была расколота надвое в 375 году н.э. вторжением гуннов, татарского народа из Центральной Азии. Тех, кто укрылся на западе, в Южной Германии и Галлии, называли вестготами. Часть вестготов, однако, бежала через Дунай, опустошила провинции Византийской империи и убила правящего императора Валенса в 378 году нашей эры.

Восточная ветвь, или остготы, была завоевана гуннами и осталась в Дакии. Позже, после смерти Аттилы и распада его империи, остготы под предводительством великого Теодориха вторглись в Италию и почти четырнадцать столетий назад создали единую итальянскую нацию.

Вестготы, давно соприкасавшиеся с римской цивилизацией, заняли Галлию. Когда Аттила перешел Рейн в 451 году н. э., они сражались на стороне римлян при Шалоне, одной из решающих битв в истории, и их король, вестготский Теодорих, пал в этой битве. С другой стороны, остготы были лучшими войсками гуннского войска.

Вестготы вошли в Испанию в 412 году н. э. Их союзники, суэвы, завоевали и управляли Галисией и провинциями на Атлантике, которые сейчас составляют Португалию. Вторжение в Испанию вестготов привело к изгнанию близкородственного тевтонского народа, вандалов, которые вместе со своими союзниками, остатками аланов, переправились в Африку в 428 году н. э. На месте Карфагена вандалы возвели королевство, которое просуществовало сто лет. Они владели африканским побережьем на запад до Атлантики, завоевали и заселили Корсику и под предводительством своего короля Гензериха разграбили Рим в 455 году нашей эры.

Вандалы, выходцы из Швеции, впервые появляются в истории на Балтийском побережье, затем они проходят через Центральную Европу на запад во Францию и далее в Испанию, где они поселились и оставались до тех пор, пока их не вытеснили в Африку. Возможно, они оставили после себя некоторое количество своей крови, чтобы смешаться с пришедшими позже германскими племенами в Испании. Возможно, хотя и не вероятно, что именно им обязаны некоторые светловолосые люди, до сих пор встречающиеся в Атласских горах. Однако как раса они исчезли полностью.

Вестготы сохраняли свой контроль в Испании до 711 года н. э., когда арабы-магометане пересекли Гибралтарский пролив и полностью разгромили вестготские войска. Почему власть этого народа рухнула так внезапно и полностью - одна из загадок истории, но после великой семидневной битвы на Гвадалквивире, в которой был убит их король Родерик, весь полуостров был легко завоеван арабами. Правда, в это время кровь вестготов сильно

смешалась с кровью подвластных рас, что, возможно, привело к ослаблению их боевой мощи.

Одной из причин легкого завоевания вестготов маврами была ненависть к ним как к арианам со стороны старого ортодоксального католического населения, которое считало своих завоевателей еретиками, а также помощь со стороны евреев, с которыми вестготы обращались жестоко и которые, как считается, побудили мавров совершить вторжение.

Остатки вестготов бежали на север, в южную Галлию, которая называлась Готия Септимания. Там название "вестготы" было преобразовано в "вигот" или "бигот", что было укоризной для ортодоксальных местных жителей.

Важно отметить, что на отношения между населением Римской империи и вторгшимися тевтонцами-нордиками сильно повлиял тот факт, что последние были последователями монаха-раскольника Ария, который около 350 года н. э. обратил готов в унитарную форму христианства. Отрицание Троицы варварами вызвало яростную ненависть среди подвластных им народов. Остроготы и вестготы, вандалы и аланы, бургунды и лангобарды - все они были арианами. Только франки среди варваров были обращены в православие. Это значительно облегчило им завоевание Галлии. В результате Франция на протяжении более тысячи лет считалась старшим сыном церкви.

До нашего времени аристократия Испании, и особенно Португалии, демонстрирует заметную наследственную небритость, в значительной степени происходящую от вестготских и суэвских предков. Провинция Галисия до сих пор сохраняет весьма заметные следы готской крови, особенно в высоком проценте светлоглазых.

Вестготы оставили после себя в Испании наследие имен, которые сегодня считаются наиболее типично испанскими, например, Родриго, Альфонсо, Альварес, Гусман и Веласкес. Точно так же нордическое наследие имен проникает из Италии во Францию даже там, где нордической крови почти не осталось. Другими словами, в то время как кровь вымирает, имена сохраняются.

Во времена испанского величия преобладающей кровью на полуострове все еще была готская,^[3] и авантюристы, отправлявшиеся за границу и терявшие расу, были этой крови. В Португалии один великий поэт, Камоэнс,^[4] а в Испании Сервантес, его современник, были потомками старой готской знати и обладали выраженными нордическими чертами, как и Цид Кампеадор. То же самое происходило в Италии^[5] в этот период. Великие люди были родом из северной части полуострова. Данте, Микеланджело, Леонардо да Винчи и практически все ведущие люди эпохи Возрождения были белокурыми нордиками. Сам Колумб, который, как предполагается, был родом из Генуи, описывается как обладатель голубых глаз и светлых волос. На юге Франции, в так называемой Готической Септимании и в окрестностях Тулузы, родины трубадуров, готические имена встречаются повсеместно. ^[6]Аналогичная ситуация наблюдается по всей Франции. Французские имена сегодня являются готскими, франкскими или бургундскими, хотя и замаскированными их написанием, как, например, Жоффри от Готфрид. По мнению графа де Лапужа, Франция вплоть до заселения Америки была более нордической, чем современная Германия.

Основная масса вестготов, переживших завоевание арабами, укрылась в северо-западной части Испании, где они сохранили несколько небольших королевств, которые в итоге объединились и стали ядром христианской Испании, которая в ходе семисотлетнего крестового похода постепенно отвоевала полуостров и окончательно изгнала мавров в 1492 году.

Арабы, завоевавшие Испанию, и исламизированные персы и мавры пережили удивительный период интеллектуальной экспансии в течение седьмого и последующих веков. Этот удивительный всплеск гениальности, сохранивший для нас большую часть науки и знаний греков, закончился, когда средиземноморские магометане начали смешивать свою кровь с кровью своих негритянских рабов. Магометанство всегда привлекало низшие расы, особенно негров, потому что, став последователями Пророка, они обретали социальное и расовое равенство с высшей расой. Это и соблазн негритянских женщин погубили арабскую расу. Сегодня по всей Африке, в Египте и в некоторых районах Аравии так называемые арабы часто имеют негроидную внешность. В этом случае многоженство стало расовым проклятием, потому что более богатые и умелые мужчины имели больше рабынь женщин и оставили большее потомство полукровок, чем их более бедные соотечественники.

Обратная ситуация произошла в случае с турками, которые изначально были альпийцами из Центральной Азии, сильно смешанными с монголами. Они завоевали Малую Азию и народы Юго-Восточной Европы до Венгрии включительно. Везде они захватывали самых красивых женщин и, будучи многоженцами, самые способные турки рожали больше всего детей от самых красивых женщин подвластных стран. Таким образом, турки размножались так же, как и арабы. По сей день турки являются высшей расой в Малой Азии и устранили, по крайней мере в правящих классах, практически все физические следы своего азиатского происхождения.

Женщины Кавказа, особенно черкески и грузинки, сохранившие некоторые остатки нордических алан, всегда отличались своей физической красотой. Они пользовались большим спросом в турецких гаремах.

Кстати, курды являются или, скорее, были нордическими, и интересно отметить, что Саладин, прославившийся крестовыми походами, был курдом.

Что касается других тевтонских нордиков, то нам нужно упомянуть только тех, чья кровь в значительной степени вошла в современные народы. Среди них одним из самых интересных народов были бургунды, поселившиеся на западном берегу верхнего Рейна в нынешнем Эльзасе, а также в бургундской Франции и франкоязычной Швейцарии. Они были очень перспективным и процветающим народом, пока в середине пятого века их не сверг Атила и его гунны, трагедия которых послужила темой для "Нибелунгенлид". Апполлоний Сидоний называет бургундцев семифутовыми; хотя это явное преувеличение, интересно отметить, что в старых бургундских провинциях мы находим самый высокий рост в современной Франции.

Когда лангобарды впервые появились в истории около 165 года н. э., они жили на севере Германии. Они вошли в Италию в 568 году н. э. и завоевали полуостров еще более основательно, чем их предшественники, остготы. Они не только захватили Италию к северу от Апеннин на триста лет, но и основали несколько крупных герцогств на юге. Долина реки По, где они обосновались, на протяжении многих веков была Цизальпинской Галлией, и эта территория лангобардов сегодня является основой современной Италии. В окрестностях Милана высок процент светлоглазых, и блондинистость в этом районе - такая же общая черта крестьянства, как и аристократии во всей остальной Италии.

Лангобарды были арианами и находились в постоянном конфликте с римскими папами и их ортодоксальными последователями, а потому были в целом недоброжелательны. Подобно тому, как аналогичная ситуация способствовала завоеванию Испании маврами, так и разрушение лангобардского королевства франками было облегчено благодаря этому антагонизму.

Мимоходом отметим, что существовали небольшие группы других нордигов, которые проникли в Италию как саксы, алеманны и суэви, а во Францию - как аланы и саксы. Эти небольшие группы мало чем отличались от более крупных нордических народов и были быстро поглощены ими. Все эти варварские племена были тесно связаны между собой в расовом отношении.

Прежде чем мы оставим алеманнов, занимавших юго-запад Германии с Эльзасом и немецкоязычной Швейцарией, отметим, что их название "алеманны" означает не "все люди" в смысле смешанной компании, а скорее "*люди* высшего сорта" - германское "*все*" является аналогом греческого "*пан*".

Далее мы переходим к франкам, которые появляются в истории около битвы при Шалоне в 451 году н.э., в которой они приняли незначительное участие, но в последующие века быстро завоевали господство во всей Галлии и западной Германии. Завоевания франков были самыми важными и продолжительными из тех, что принадлежали нордическим тевтонам в континентальной Европе. От римлян мы знаем о франках очень мало, хотя, возможно, они были варинами, которые в классические времена располагались на северо-западе Германии. В результате крестовых походов римские православные, в отличие от греческих христиан, до сих пор известны в Леванте как "феранги". Будучи православными, а не арианами, франки пользовались поддержкой Римской церкви во всех своих завоеваниях.

Фламандцы в Бельгии - это остатки первоначальных франков, сохранившие свой язык. Большинство этих завоевателей, как франки, вестготы, лангобарды и норманны, перенимали латинский язык подвластных им народов, когда селились в пределах Римской империи.

За исключением восточной Англии и северной Франции, численность нордиков-завоевателей была недостаточна, чтобы полностью вытеснить и заменить завоеванное население, но они повсеместно формировали высшие классы и землевладельческую аристократию, и по сей день эти же классы во всех европейских странах продолжают демонстрировать, в большей или меньшей чистоте, физические характеристики нордической расы.

В Средние века доминирующие и воинственные нордики достаточно долго не воевали друг с другом, чтобы совершать крестовые походы и отбить натиск сарацин при Туре в 732 году н.э. Они спасли Европу от монголов в 1241 году н.э. в битве при Лигнице (ныне Вальштатт) в Силезии, где герцог Лигниц и нордическая знать, превосходящая их числом пять к одному, лежали мертвыми на поле боя; но они сдержали наступление азиатских орд и спасли зарождающуюся цивилизацию Европы от участи Азии.

Представители этой расы стали мореплавателями в период экспансии, когда мир был впервые открыт в XV и XVI веках, и с тех пор они составляют боевую армию, солдат, моряков, исследователей, охотников, искателей приключений и пограничников Европы и ее колоний.

Овладев севером Франции, франки подчинили себе остатки бургундов и уничтожили вестготское королевство, которое все еще процветало на юге Галлии. Они также завоевали страну на восточном берегу Рейна, известную как Франкония, а под Карл Великий захватил северную Италию. В 800 году Карл Великий возродил Западную Римскую империю, которая под разными названиями просуществовала до 1807 года.

Однако самым большим и трудным завоеванием Карла Великого было завоевание саксов, которые были чистыми нордиками. Они заняли северо-западные районы Германии с

центром в Ганновере, и даже сегодня эта часть Германии остается самой нордической частью страны.

Когда Карл Великий в своих завоеваниях достиг Эльбы, он обнаружил за ней языческих альпийских вендов, и с его времен и вплоть до мировой войны история Центральной Европы была оттеснением границы Альпийской Азии от Эльбы на восток к Уралу.

Эти восточные земли были завоеваны и мало-помалу христианизированы и цивилизованы с запада. Этот процесс продолжался до Вислы, где он встретился с культурой и греческой православной религией Византийской империи, которая шла вверх по рекам России от Черного моря и дала Московии и Украине свою религию, алфавит и искусство.

Северяне были последними из скандинавских варваров, появившимися на арене. В девятом и десятом веках они совершали набеги на побережье Европы от Англии до Греции. Они обосновались в качестве постоянных поселенцев на всех шотландских островах и на многих участках шотландского побережья. В Кайтнесе, самом северном уголке Шотландии, на норвежском языке говорили еще в XVII веке. Они образовали поселения и оставили географические названия по всему побережью Уэльса и Англии. В десятом веке под именем датчан они подчинили себе северо-восточную Англию и установили свое господство к востоку от линии Уотлинг-стрит, которая проходит от Лондона до Честера. Датчане едва успели одолеть саксов, как новая группа нордиков прибыла из Франции в качестве норманнов и завоевала Англию в 1066 году.

Ирландия подверглась нападению норвежцев, пришедших с севера, и датчан, пришедших с юга. Остров был захвачен этими двумя народами, которые оставили множество следов в географических названиях и в крови Ирландии.

На континенте северяне преследовали побережье Франции и Германии, и страна, которую они называют Нормандией, была завоевана ими в 911 году н. э. Датское завоевание Англии, о котором говорилось выше, должно быть, в значительной степени было норвежским, а во Франции последователи Ролло, вероятно, в подавляющей степени были датчанами.

Нормандский элемент в Англии и, в некоторой степени, в Америке и по сей день составляет значительную часть завоевателей, мореплавателей, исследователей и пограничников. Эта же правящая и беспокойная сила проявилась в отдельных авантюристах, отправившихся в Южную Италию и Сицилию, которые они основательно завоевали в двенадцатом веке. Они даже напали на Византийскую империю. По сей день голубые глаза на Сицилии называются "норманнскими" и в определенной степени характерны для представителей высших слоев общества.

Именно в этот период норвежские мореходы под командованием Лейфа Эриксона открыли северо-восточную часть Америки около 1000 года н.э., почти за пятьсот лет до того, как Колумб, который, вероятно, знал об их плаваниях, пересек Атлантику.

Во время норвежской и датской экспансии произошел аналогичный приток шведов, которые под именем варягов переправились через Балтику в Россию, которую они завоевали и правили в течение многих веков. Название "варяг" наводит на мысль о варинах или франках, а название "русский" означает "гребец". Варяги пришли через моря точно так же, как их предки, готы, за тысячу лет до этого. После расширения так называемого периода викингов деятельность скандинавов закончилась.

Человек, несомненно, пересекал сушу и обратно из Европы в Англию в неолитические и более ранние времена. На самом деле, одни из самых ранних записей о человеке были найдены в Англии, а недавние находки в Норфолке обломанных орудий и очагов показывают, что человек изготавливал орудия труда и использовал огонь в Англии еще до появления первых ледников - примерно миллион лет назад.

Эти ранние виды и роды людей в основном вымерли или были истреблены, и в начале неолита их сменили нашествия - маленькой, смуглой, длинночерепной средиземноморской расы, которая на протяжении многих тысяч лет составляла основу населения Англии, Шотландии и Ирландии.

Примерно в начале бронзового века, около 1800 года до нашей эры, в Англии появился высокий, круглолицый тип с континента под названием Beaker Makers. Они несколько напоминали современную динарскую расу, высокую, круглочерепную ветвь альпийцев, которая сейчас встречается от Тироля на юг до Албании на восточном берегу Адриатики. Очевидно, что создатели бикеров пришли с востока через узкие моря, и их останки указывают на высокий, мастерский тип, который, похоже, в значительной степени исчез, хотя некоторые круглолицые, крепко сложенные англичане, которых много среди торговых классов, могут быть их представителями сегодня.

Можно с уверенностью сказать, что расовый состав Британских островов, когда нордики впервые появились на сцене, состоял из невысоких брюнетистых средиземноморцев, перемежающихся с небольшим количеством круглолицых типов и включающих, весьма вероятно, остатки еще более ранних рас.

Кельтоязычные нордики перешли через Рейн во Францию и страны на юго-западе около 800 года до н. э. Примерно в то же время они проложили себе путь на Британские острова, которые основательно завоевали. Этих нордиков называли гойделями или "Q" кельтами, и их язык сегодня представлен остатками эрсе на земле Ире, гэльского языка в Шотландии и манкса на острове Мэн. Эти "Q" кельты, в отличие от пришедших позже "P" кельтов, сейчас представлены Мас (что означает сын), так же как более поздние кимрские или бриттские кельты называются "P" кельтами, потому что в их языке Ар означает сын.

В Шотландии аборигенов называли пиктами. Эти средиземноморские пикты говорили на языке, родственном хамитскому или египетскому, и многие географические названия такого происхождения до сих пор встречаются.

Доподлинно неизвестно, является ли гэльская речь Шотландии пережитком раннего гойдельского вторжения или же она была вновь завезена из Ирландии в первые века нашей эры. Последнее представляется вероятным, поскольку второе завоевание кельтов было почти полным по всей Британии, хотя и не достигло Ирландии. Это второе покорение Британии было осуществлено кельтами "П" или брайтонами, говорившими на кимрском языке, который является разновидностью кельтского. Оно произошло в четвертом веке до нашей эры и было настолько полным, что вряд ли в Шотландии могли сохраниться остатки более ранней гойдельской речи.

На континенте эти бритоны были представлены белгами, которые во времена Сезара занимали Галлию между Рейном и Сеной. Пережиток их речи сохранился в Бретани в виде армориканского языка.

Кельты "P" передали свою речь всей Англии, и ее остатки можно найти в недавно исчезнувшем корнуэльском языке в Корнуолле и в кимрском языке Уэльса. И кельты "Q", и

кельты "Р" по прибытии в Британию были чистыми нордиками, но во многих случаях они вскоре слились с аборигенным населением. Они повсеместно были правящим военным классом, как в Британии, так и в Галлии.

Навязав свой язык покоренным народам, они почти полностью вымерли, оставив, как в Уэльсе, свою речь на устах маленького выходца из Средиземноморья. Какой бы ни была правда в легендах о короле Артуре и его сопротивлении саксам, они явно указывают на светловолосую кельтскую аристократию, правящую низшим классом маленьких средиземноморцев. На то же самое указывают и ирландские легенды, где кельты предстают как отдельное светловолосое военное сословие.

Следующим нордическим вторжением в Британию стало вторжение саксов с территории современного герцогства Гольштейн и англов и ютов с более северного материка Дании или Ютландии. Эти племена, проникшие в Англию в V веке, вероятно, были более чисто нордическими, чем континентальные тевтоны, что также относится к более поздним норвежцам и варягам. Их завоевание было почти завершено в течение столетия после их прибытия, но в западной части Англии было достаточно сопротивления, чтобы отложить ее окончательное покорение на несколько столетий. Однако постепенно население практически всей Англии и низменных районов Шотландии стало чисто нордическим. Этот расовый фонд был усилен вторжением датчан, которые заняли большую часть северо-восточной Англии.

Норсмены расселились по побережью Ирландии, Шотландии, Англии и, особенно, Уэльса, и внесли весьма значительный вклад в чисто нордический элемент населения.

Следующим и последним вторжением нордиков в Британию стало нормандское завоевание в 1066 году. Вожди и солдаты норманнов были чистыми нордиками из самой северной части Франции. На самом деле норманны были языческими датчанами, говорившими на тевтонском языке, когда они прибыли в Нормандию в 911 году нашей эры, так что, придя в Англию, они пробыли во Франции всего чуть более ста пятидесяти лет. За эти годы они приняли христианство, выучили французский язык и стали носителями высочайшей культуры в Европе. В Англию они привезли с собой множество последователей альпийского происхождения, а духовенство, которое они импортировали, также в значительной степени состояло из латинизированных альпийцев.

В связи с этим можно отметить, что в Уэльсе, особенно на побережье, проживает очень много нордического населения. Абсурдно проводить различие между Англией, Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом, как это делается при переписи населения Соединенных Штатов. С таким же успехом можно провести различие между Северной Англией и Южной Англией на том основании, что первая является англо-датской, а вторая - саксонской и ютишской. Низменности Шотландии - это чисто английская территория, и она была таковой на протяжении тысячи лет. Шотландцы из Ольстера, приехавшие в Америку, всего на два-три поколения оторвались от шотландских и английских бордеров и не смешивались с коренными ирландцами. Следует также отметить, что норманнское завоевание Англии было завоеванием одного нордического народа другим, и что Великобритания и Ирландия представляют собой группу, в расовом наследии которой преобладают нордические народы.

Во время открытия Америки вся Европа была гораздо более нордической, чем сегодня. В Германии в то время еще не было той экспансии альпийцев на юг и восток, которая характерна для нынешней эпохи. В Англии, до того как промышленная революция создала спрос на маленьких брюнетистых средиземноморцев для управления веретенами,

нордический человек был предоставлен сам себе. Как фермер, солдат, моряк, исследователь и первопроходец он занимал главенствующее положение. Брюнетистый средиземноморский элемент, ранее называвшийся иберийцами, был оттеснен на крайний запад Англии и в Уэльс и не являлся важным экономическим или политическим фактором. Не было значительной иммиграции представителей этой расы и в американские колонии. Их заселяли в основном потомки норманнов, саксов, англичан и датчан, прибывшие из явно нордических районов материнской земли.

Норфолк и Саффолк были заселены англами и впоследствии стали частью Датского королевства. Как уже говорилось выше, низменности Шотландии и английские границы были англизированными и датскими, в то время как побережье и острова Шотландии были повсеместно норвежскими. Горные районы были кельтскими с примесью норвежских, англиканских и норманнских языков. Там также были остатки старого средиземноморского населения, вероятно, пиктов. Любопытно, что эти средиземноморцы привнесли темные глаза и цвет волос, но не низкий рост. Население Западной Шотландии имеет самый большой рост среди всех народов Европы.

Ирландия, как и Англия, была заселена, как мы уже видели, неолитическими средиземноморцами. Их, в свою очередь, завоевали гойдельские или "кью" кельты, светловолосые нордики, которые навязали аборигенам свой язык. В девятом веке Ирландию захватили норвежцы и датчане, потомки которых сегодня составляют весьма значительную часть населения. Само название Ирландия - датское. Большинство современных светловолосых ирландцев, хотя они и любят заявлять о своем "кельтском" происхождении, на самом деле имеют норвежское, датское, саксонское, нормандское или шотландское происхождение.

Нордические элементы в Ирландии вновь и вновь усиливались англичанами и норманнами, которые со времен своего первоначального проникновения на остров и до наших дней составляли подавляющее большинство дворянства и высших классов страны. Кельтский гойдель в Ирландии сегодня - это ничтожно малое количество, которое невозможно определить по расовому признаку. Брюнетистые элементы на западе Ирландии, хотя и имеют в некоторой степени кельтский язык, происходят от старого неолитического или средиземноморского населения Британских островов, смешанного с примитивной, аборигенной расой большой древности, Фирболгами.

Ирландия продемонстрировала необыкновенную способность поглощать своих завоевателей. Потомки датских, нормандских и английских поселенцев считают себя чистокровными ирландскими "кельтами". Странно, но факт: английские, шотландские, нормандские, датские и даже французские гугеноты, поселившиеся в Ирландии, приобрели и передали по наследству необычайное темпераментное единство. Что касается языка, то ко времени Елизаветы Английская Палая составляла часть восточного Лейнстера, и там на английском говорили единодушно. В конечном итоге английский язык распространился по всей Ирландии, оставив лишь некоторые остатки кельтской речи на крайнем западе.

Со времен Якова I и до правления Вильгельма III большое количество англичан и шотландцев переселилось в северо-восточный угол острова в провинцию Ольстер. Они были яркими пресвитерианами и ненавидели коренных ирландцев-католиков. Именно сыновья и внуки этих переселенцев приехали в Америку в XVIII веке, и их иногда называют "шотландскими ирландцами". У них были свои претензии к Англии из-за экономических ограничений, наложенных на их промышленность.

До этого времени в Лейнстере поселилось большое количество кромвелевских солдат, но, не имея с собой своих женщин, они смешались с ирландцами-католиками, и их потомки сегодня наиболее сильно выражают ирландские национальные чувства. Реформация так и не закрепилась в Ирландии, поэтому современные ирландцы-католики представляют собой смешанное население Ирландии до XVI века, а также многочисленных новообращенных шотландских и английских иммигрантов.

После этого краткого обзора распространения нордической расы в Европе вплоть до открытия Америки и начала эмиграции в колонии Нового Света мы можем перейти к одной из самых драматичных массовых миграций человека.

Из Западной Центральной Азии, где она соприкасалась с монголоидами на востоке, нордическая раса двинулась через Европу к крайним западным берегам. Мы покажем, как она пересекла Атлантический океан и за три столетия покорила целый континент. Поколение за поколением она пробивалась на запад, пока не достигла Тихого океана, где сегодня противостоит Азии и своим давним соперникам, монголам, на этот раз *на западе*.

ССЫЛКИ:

[2] В книге *"Географические предания о времени крестовых походов"*, написанной Дж. К. Райтом из Американского географического общества, стр. 320, автор говорит: "В этих источниках мы находим, что различия между жителями северной и южной частей Италии были полностью осознаны в двенадцатом веке. "Лангобарды, - говорит Гюнтер, - это острый, искусный и активный народ; дальновидные в советах; знатоки правосудия; сильные телом и духом, полные жизни и красивые на вид, с легкими, гибкими телами, придающими им большую выносливость; экономные и всегда умеренные в еде и питье; мастера своих рук и рта; благородные в любой деловой сделке; могучие в искусствах и всегда стремящиеся к новому; любители свободы и готовые встретить смерть ради свободы. Эти люди никогда не были готовы подчиниться царям..... Но какой контраст представляет собой народ Апулии на юге по сравнению с лангобардами. Грязные, ленивые, слабые, никчемные бездельники, какими они и являются".

[3] Испанские народные герои, дон Родриго и Сид Кампеадор, были готами, судя по их именам, как и храбрый крестоносец, граф Раймунд Тулузский. Л. Уилсер обратил внимание на количество готических имен, которые до сих пор используются на Пиренейском полуострове: Альфонсо или Аффонсо, Алонзо (гот. Athalafuns); Альваро и Альварес (гот. Alavair); Бермуй (гот. Berimud); Бертран (гот. Bairhtram); Диего и Диас (гот. Thiudareiks, Dietrich); Эсмеральда; Фернандо и его род Фернандес (гот. Фердинанты); Фройлас и Фруэла (гот. Фравила); Гельмирес (Гелимер); Гомес (гот. Гума); Гонсало и Гонсалес (гот. Гунтимир, Гундемар); Гильфонсо (гот. Вильяфунс); Гусман (гот. Годаман, Гутманн); Ильдефонсо (гот. Хильдифунс); Изабелла; Маркес (гот. Маркья); Менендес (гот. Эрминантс); Мундиз и Муннес (гот. Мундила); Писарро (гот. Пицас); Рамиро (готический Радомир или Рагнимир); Рамон и Ренмондес (готический Рагнимунд); Родриго и Родригес; Руис (готический Рудорейкс); Сеснандес (готический Сисенанд); Васко и Васкес (скандинавский Васкес); Веласкес (готический Виласкья?). См. с. 107, т. II, книги *Die Germanen*, доктора Людвига Вильзера.

[4] Описывая Камозенса, Джордж Эдвард Вудберри (*"Факел"*, стр. 203-4; Нью-Йорк, 1920) говорит: "Он был из старой голубой крови Апеннинского полуострова, готской крови, той самой, что породила Сервантеса. Он был белокурым и светловолосым, с голубыми глазами, большими и живыми, лицо овальное и румяное, в зрелом возрасте борода короткая и округлая, с длинными нестриженными усами, лоб высокий, нос аквилинный; фигура проворная и крепкая, в действиях "быстр на рывок и медлителен в ножнах", и когда он был

молод, он пишет, что видел пятки многих, но никто не видел его пяток. Родившись около 1524 года в знатной и обеспеченной семье, получив образование в Коимбре, университете, славившемся классиками, и начав жизнь при дворе в Лиссабоне, он не успел стать своим хозяином, как на него обрушились беды".

[5] Уилсер цитирует эссе Вольтмана "Исчезли ли готы в Италии?", в котором показано, что даже во второй половине Средневековья многие люди жили по готским законам; что в некоторых городах даже существовали готские секции; и что можно проследить множество готских имен, таких как Ставила, Нефила, Леуя, Гермия, Хильпия, Ансефрида, Гиллифредус, Тотила, Вила.

[6] На самом деле почти все имена трубадуров - тевтонские, говорит Уилсер, приводя следующие примеры французских имен с тевтонским оригиналом в скобках: Арнаут (Арнольд); Аймерик (Эмерих); Бернарт (Бернгард); Бертран (Бертрам); Гоцельм (Вальхельм); Готье (Вальтер); Гиллем (Вильгельм); Гираут (Герольд); Гуно (Видо); Жофре или Жоффре (Готфрид); Раймон (Рагинмунд); Рамбо (Рагинбальд); Рудель (Рудольф); Саварик (Сабарич). См. с. 107, т. II, *"Die Germanen"* доктора Людвиг Вильзера.

IV

ЗАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКИ НОРДИКАМИ

Прежде чем рассматривать вопрос о происхождении английских поселенцев на Атлантическом побережье, важно понять мотивы, которыми руководствовались новоприбывшие.

Побудительным мотивом переселенцев, перебравшихся через океан в Америку с самых ранних колониальных времен и до 1880 года, был земельный голод, и так же, как сегодня мы спекулируем акциями, сто лет назад наши предки спекулировали землями на границе.

Трудно осознать, в какой степени владение землей в Европе было монополизировано, в основном благодаря королевской милости, высшими классами в семнадцатом и восемнадцатом веках. Эта устоявшаяся английская традиция и практика, привезенная в Америку первыми поселенцами, в сочетании с фаворитизмом королевских губернаторов при выдаче земельных грантов, стала одной из причин, приведших к Революции. После победы американцев многие земли были конфискованы на том основании, что их владельцы были лоялистами.

Раздача бесплатной земли в Соединенных Штатах в значительной степени завершилась около 1880 года, когда общественное достояние стало исчерпанным. До этого момента иммиграция в Америку проходила без особых проблем. Некоторые исключения будут рассмотрены позже. Практически вся она была из северо-западной Европы, и иммигранты приезжали в основном по собственной воле. Чтобы покинуть дом, пересечь Атлантику и обосноваться в новой стране среди незнакомой обстановки, требовалась определенная степень предприимчивости. Заселение новых земель означало вырубку лесов и уничтожение дичи, а также выкуп или борьбу с индейцами, чьи представления о собственности на землю были весьма туманны. Для пограничника раннего периода термин "расчистка" был синонимом "поселения".

Религиозные мотивы и стремление к политической и экономической независимости, разумеется, также были важными факторами в миграции пилигримов и пуритан в Новую Англию в 1620-1640 годах.

Пуритане Новой Англии представляли собой лишь часть и относительно небольшую часть исхода из Англии. Они были чистокровными англичанами из самой англосаксонской части Англии и состояли в основном из йоменов и мелкого дворянства, которые находили религиозные и политические условия в Англии при Стюартах невыносимыми для свободных людей. По сути, они были диссентерами, которые отказывались преклонять колени перед прелатом или королем.

В 1640 году в рамках Содружества пуритане захватили бразды правления в Англии и позволили вернуть королевскую власть только в 1660 году на условиях, которые навсегда закрепили верховенство парламента. На самом деле, во время Содружества власть парламента стала настолько велика, что многие лучшие умы Англии считали, что восстановление монархии необходимо в качестве сдерживающего фактора.

Поселенцев Новой Англии можно считать по сути бунтарями против установленной религии и установленной власти, когда религия и власть были не по их собственному выбору. Этот неконформистский дух сохранялся и на новых рубежах, которые заселялись новоанглийцами. Первые новоанглийские поселенцы на западе Нью-Йорка и старой Северо-Западной территории породили поразительное количество новых сект, религий, "измов" и общин, начиная от мормонизма и заканчивая шейкерами и общиной Онейда. При этом, , они были по-своему законопослушны, а убийства и насильственные преступления происходили относительно редко.

Это резко контрастирует с южными пограничниками, которые были и остаются приверженцами убийств и физического насилия. Впрочем, это в первую очередь относится к жителям долин Аппалачей, которые всегда были беззаконниками. Инакомыслие и склонность к мятежам среди жителей Новой Англии восходят к пуританам в Англии, а беззаконие и насилие шотландцев Ольстера - к бесконечным пограничным войнам на шотландской границе. Южные пограничники изначально были пресвитерианами, но сочли свою религию слишком интеллектуальной для изолированных общин и во многих случаях обратились к более эмоциональным верованиям методистов и баптистов. Ненависть шотландских пограничников Ольстера к Англии восходила к несправедливому и деспотичному вмешательству в их индустриальные дела на севере Ирландии, а также к глубоко укоренившемуся нетерпению к любой власти.

После революции эта ненависть к власти перешла к прибрежным аристократам и усугубилась комплексом должника, который характерен для всех наших фронтиров.

Характер фронта с самого начала оставался неизменным. Каждое поколение беспокойных, недовольных и неудачников устремлялось на Запад, неся с собой некоторые из прекрасных качеств первопоселенцев морского побережья, но чаще всего развивая новый комплекс нетерпимости к ограничениям и обычаям старых общин.

В семьях, поселившихся в районе Массачусетского залива, а затем переехавших в долину Коннектикута, в Вермонт, западный Нью-Йорк, Огайо, Иллинойс, Айову и Лос-Анджелес, где они сейчас процветают, наблюдается забавная и значительная эволюция этих черт.

Во время Революции сильная ненависть Новой Англии к материнской стране была вызвана отчасти желанием конфисковать земли лоялистов, отчасти - несправедливыми, по их

мнению, ограничениями на их заморскую торговлю, а также нежеланием платить налоги, чтобы оплатить часть огромных расходов на завоевание Канады.

Итогом этих сил стал широко распространенный антибританский, а позже и антиправительственный комплекс, который с тех пор характеризует нашу страну. В отличие от Англии и Канады, мы по сути незаконный народ.

Ирландия.

На Севере революция была в основном движением различных кальвинистских общин. Немногочисленные епископалы в Новой Англии и более многочисленные приверженцы этой церкви в Нью-Йорке, Пенсильвании и Мэриленде почти все были лоялистами. Однако в Виргинии и далее на юге многочисленное сословие плантаторов Англиканской церкви перешло на сторону американцев и в результате сохранило свое лидерство в качестве

аристократии вплоть до Гражданской войны. Даже во время Революции эта церковь внесла более чем достаточное количество лидеров. Из пятидесяти шести человек, подписавших Декларацию независимости, тридцать четыре относятся к епископам, двенадцать - к конгрегационалистам, пять - к пресвитерианам, два квакера, один баптист и один римский католик. Континентальный конгресс, ратифицировавший эту Декларацию, почти на две трети состоял из епископалов.

На Севере после изгнания лоялистов Англиканская церковь осталась лежать на дне, и прошло некоторое время после революции, прежде чем она была успешно реорганизована и определенно названа *Протестантской* епископальной церковью, чтобы через столетие стать модной церковью Атлантического побережья. Протестантская епископальная церковь никогда не имела существенных позиций на Среднем и Дальнем Западе, и даже сегодня она является там в основном миссионерской церковью с тенденцией к ритуализму, что препятствует ее нормальному развитию.

Римско-католическое население колоний было ничтожно мало. В 1790 году из белого населения, составлявшего немногим более 3 000 000 человек, в Соединенных Штатах насчитывалось не более 35 000 католиков. В это число входили 5000 негров и несколько немцев. По большей части они проживали в Мэриленде и Пенсильвании, что свидетельствует о том, что южно-ирландские католики не приехали в заметных количествах в колониальные времена. Многие колонии принимали законы против католиков.

Сама революция была политической и социальной, доведя до крайнего развития политические теории английских вигов. Недоверие к власти чиновников, порожденное революцией, привело к появлению всевозможных конституционных и правовых ограничений, вместо того чтобы полагаться на личные качества должностных лиц, как в Англии.

В колониальные времена сформировалось два разных типа населения. Во-первых, старые общины вдоль прибрежных районов, тесно связанные с Европой и имевшие давние традиции культуры и богатства. Во-вторых, на границе вырос тип, который с самого начала проявил нетерпимость к контролю со стороны более старых и богатых поселений. Это нашло свое выражение в восстании Шейса в Западном Массачусетсе в 1786-87 годах, в восстании виски в Пенсильвании в 1794 году, а еще раньше, в 1770 году, когда "Регуляторы" в Северной Каролине подняли открытый мятеж. После революции эта тенденция становилась все более заметной, пока тогдашний Запад под руководством Эндрю Джексона не взял на себя управление страной и, что привело ко многим печальным результатам, довел идеалы Джефферсона до крайности.

Революция подчеркнула это второе умонастроение и привела к потере, путем изгнания, некоторых из лучших нордических кровей в стране. Лоялисты из Бостона, например, состояли из многих старейших и самых знатных семей. Представительные семьи этого города сегодня происходят не только от аристократических колониальных семей, но и в значительной степени от населения небольших городов и деревень, расположенных по соседству. Говорят, что в общей сложности от восьмидесяти до ста тысяч лоялистов покинули колонии и отправились в Канаду и Англию, а также в английскую Вест-Индию.

Новая Англия в большей степени, чем любая другая колония, находилась в состоянии войны с Францией и ее канадскими индейцами на протяжении большей части ста пятидесяти лет, но память об этой длительной и кровавой борьбе была стерта Революцией. На ее месте в

Америке возникли чувства к Франции, во многом вызванные романтической личностью Лафайета, которые сохранились и по сей день. Немалую роль сыграла и эмоциональная симпатия Джефферсона к Французской революции. Тем не менее, факт остается фактом: в 1798 году у нас была морская война с французами, хотя официально она не была объявлена. Причиной послужили нападения французов на американскую торговлю, что привело к нескольким дуэлям между американскими и французскими фрегатами. Обо всем этом в некоторых школьных учебниках благополучно забывают или игнорируют.

Самые ранние постоянные поселения в Новой Англии возникли вокруг Массачусетского залива и в Виргинии вдоль судоходных рек. Из таких центров поселения распространялись вверх и вниз по побережью, пока не были заняты все желанные земли, доступные для соленой воды. В Новой Англии быстро были заняты побережья южного Мэна, Род-Айленда и Коннектикута. Затем миграция пошла по суше от Массачусетского залива на запад до реки Коннектикут. Это была наша первая настоящая северная граница, и потребовалось более века, чтобы заселить юг и запад Новой Англии.

Заселению Коннектикута на запад препятствовала колония Нью-Йорк, а продвижение Массачусетса на север задерживали индейцы. Коннектикут, в свою очередь, рано отбросил колонии, такие как Ньюарк в Нью-Джерси в 1666 году.

Вермонт не был заселен до самой революции из-за опасности со стороны индейцев и серьезного спора между Нью-Гэмпширом и Нью-Йорком о его принадлежности. Во время революции это было типичное пограничье со всеми его плохими чертами. В то время он был таким же суровым и жестким, как Кентукки или Теннесси. После революции часть лучших жителей переселилась в западную часть Нью-Йорка, вместе с переселенцами со всей Новой Англии, которые шли в основном через Вермонт.

В начале XVIII века почти все желанные земли в пределах досягаемости соленой воды были заняты от Нью-Джерси на юг, и впоследствии прибывающие иммигранты были вынуждены возвращаться на возвышенности Запада за так называемую линию падения, на которой атлантические реки перестают быть судоходными.

Нью-Йорк был абсолютным препятствием для миграции на запад, поскольку индейцы-ирокезы владели почти всеми плодородными землями к западу от реки Гудзон. Восточный берег Гудзона был более или менее заполнен жителями Новой Англии, а западный берег с его нежелательными землями достался поздним переселенцам, в основном немцам. Голландское население Нью-Йорка было весьма незначительным. Общее население колонии на момент захвата ее Англией в 1664 году составляло немногим более 10 000 человек, и среди них уже было много англичан.

Английские поселенцы заняли оба берега Делавэра вокруг Филадельфии, вытеснив на запад пришедших позже немцев и ольстерских шотландцев. Шведское поселение вдоль реки было незначительным и вскоре было поглощено. От него осталось очень мало следов в виде географических названий или личных имен. В верховьях реки Делавэр, в Пенсильвании и в Нью-Йорке, было несколько небольших поселений французских гугенотов, которые сильно пострадали от грабежей индейцев во время революции.

Делавэр и страны к востоку от Чесапикского залива - чисто английские, как и Мэриленд, за исключением того, что западный Мэриленд на самом деле был частью западной Пенсильвании и западной Виргинии.

Сама Виргиния была матерью штатов и в колониальные времена фактически простиралась, как и другие колонии в теории, до Миссисипи, не упоминая о претензиях на Южное море. Население прибрежных районов Вирджинии существенно отличалось от населения западной части штата, включая долину Шенандоа, которая была заселена в основном выходцами из западной Пенсильвании.

Существовала заметная разница между заселением Новой Англии и Виргинии. В Новую Англию первые поселенцы привезли с собой женщин и семьи, в то время как в Вирджинии ранние переселенцы были почти сплошь мужчинами. Впоследствии женщин стали привозить на кораблях, но это происходило только в первые дни существования колонии.

Как и Вирджиния, Северная Каролина в колониальные времена номинально простиралась до Миссисипи. В ее населении не было прибрежных аристократов Старого Доминиона, зато было много шотландцев, прямо из Высокогорья, которые, как ни странно, перешли на сторону британцев во время Революции, а также очень много ольстерских шотландцев в западных горах и в графствах, которые впоследствии стали Теннесси.

Кентукки и Теннесси были заселены выходцами из колоний, расположенных непосредственно на востоке, но в основном ольстерскими шотландцами, прибывшими из западной Пенсильвании через горные районы Вирджинии и Северной Каролины. Эти ольстерские шотландцы пришли на юг по долинам Аппалачей, которые имеют юго-западное направление. Их усиливали многочисленные группы того же народа, пришедшие из Южной Каролины. Кентукки был гораздо более чисто английским, чем Теннесси.

Малопонятный факт: граница не столько укреплялась с побережья, сколько расширялась вглубь. Другими словами, границу с самого начала продвигали жители глубинки, каждое поколение которых продвигалось чуть дальше на запад и делало новые просеки.

Жители побережья после нескольких поколений суровых лишений стали относительно богатыми по сравнению с пограничниками. Жители прибрежных городов в большинстве своем предпочитали морскую жизнь, а не обустройство усадьбы в дикой местности. В нашей колониальной истории было немало случаев, когда мужчины уходили из прибрежных городов в дикую местность, но в большинстве своем они оставались дома.

Что касается изначального расового состава колоний, то Новая Англия была чисто нордической и английской. Горстку ольстерских шотландцев в Нью-Гэмпшире было не отличить от англичан, а отдельные семьи гугенотов в окрестностях Бостона были просто ничтожны по численности. Это было характерно для всей Новой Англии в колониальный период.

В Нью-Йорке, однако, условия были иными. Голландский Новый Амстердам, впоследствии английский Нью-Йорк, всегда был важным портом и с самого начала привлекал к себе значительное число иностранцев. Помимо голландских основателей, среди ранних поселенцев было немало французских гугенотов. Было также несколько немцев и португальцев.

Западный берег Гудзона был менее доступен и желанен, чем восточный, но там, а также в долинах реки Мохок и соединяющих ее ручьев существовали значительные колонии пфальцских немцев. Эти последние сыграли достойную роль в тяжелых боях, которые велись в этом районе с британскими поселенцами, которые в большинстве своем были лоялистами. Вдоль реки Мохок также существовало несколько небольших колоний чистокровных шотландцев.

Одним из результатов Революции стало изгнание индейцев-ирокезов, которые занимали территорию Нью-Йорка на западе от Олбани до Буффало. Они перешли на сторону англичан и совершили множество злодеяний. Их земли сразу же заняли жители Новой Англии, прибывшие в основном из Вермонта или через него, так что штат Нью-Йорк к западу от Олбани стал не более чем продолжением Новой Англии, за исключением того, что поселенцы стали пресвитерианами.

Многие из колонистов, прибывших в Нью-Йорк из Голландии, были беженцами из провинций, ныне входящих в состав Бельгии, - иными словами, они были фламандцами или французскими гугенотами. Настоящие голландцы в провинции пришли с севера Голландии и были в основном нордическими фризами.

В дополнение к многочисленной миграции из Ольстера очень многие английские протестанты из Лейнстера прибыли в Америку через Нью-Йорк сразу после революции. Ирландцы-католики приехали в большом количестве только после 1845 года.

Гугеноты были преимущественно нордического происхождения. Например, Нью-Рошель в Нью-Йорке был заселен непосредственно из Старой Рошели, которая и сегодня является одним из самых чистых нордических районов, сохранившихся во Франции. Можно с полной уверенностью сказать, что гугеноты из Бретани, Нормандии и Пикардии, прибывшие в американские колонии через Англию и Голландию, были в подавляющем большинстве нордическими. Некоторые из тех, кто прибыл с юга Франции, вероятно, были средиземноморцами.

За пределами Нью-Йоркского порта голландское население проживало только в городах на реке Гудзон, в основном на восточном берегу, до Олбани и Скенектади включительно. Голландский элемент в Нью-Джерси был очень мал.

Нью-Джерси был почти полностью английским, за исключением нескольких шотландских поселений. Он был заселен непосредственно из Англии через Перт-Эмбой, Элизабет и Фрихолд на севере. Южный Джерси был заселен из Пенсильвании. В северо-центральной части Нью-Джерси было несколько немецких поселений, но в целом штат можно считать чисто английским.

В случае с Пенсильванией все было несколько иначе. Первопоселенцы на западном берегу Делавэра, вокруг Филадельфии, были английскими квакерами с некоторым количеством валлийцев, которые, вероятно, в большинстве своем были нордическими. Этот район был самой культурной и важной частью Пенсильвании. В восемнадцатом веке Филадельфия стала портом прибытия двух важных миграций. Во-первых, шотландцы из Ольстера, которые в большом количестве прибыли сюда после 1720 года. Фактически, большинство ольстерских шотландцев в Америке попали в колонии через Филадельфию и, в меньшей степени, через Чарльстон, Южная Каролина. Эти поздние переселенцы обнаружили, что желанные земли вдоль реки Делавэр уже заняты, поэтому они двинулись на запад, к индейской границе. Это был беспокойный, храбрый и драчливый народ, и они сразу же взяли на себя бремя борьбы с индейцами, часто без поддержки или даже сочувствия со стороны квакеров из Филадельфии. Они были многочисленны и вскоре распространились по предгорьям и долинам Аппалачей на юго-запад, через западные Мэриленд и Вирджинию в Северную и Южную Каролину, откуда снова перешли через хребты на запад, пока к моменту Революции не заложили основы Кентукки и Теннесси. Разумеется, это были чистые нордики, выходцы из Северной Англии и шотландской низменности. В течение двух или трех поколений они проживали в Северной Ирландии. Будучи ревностными пресвитерианами, они не смешивались с ирландцами-католиками.

В 1790 году ольстерских шотландцев в колониях насчитывалось около 200 000 человек, а чистых шотландцев - около 300 000, и все вместе они составляли, наряду с англичанами, наиболее важный элемент. Как уже говорилось выше, они были в основном первопроходцами и борцами с индейцами, и этот же факт проявляется в истории практически всех границ британских колоний в течение следующего столетия. Когда они впервые отправились в Ирландию, которая в то время была пограничной территорией, их отбирали очень тщательно. С тех пор шотландцы и ольстерские шотландцы повсеместно демонстрировали черты идеальных первопроходцев. Они сыграли главенствующую роль в заселении южной части Среднего Запада.

Следующим по значимости расовым элементом были немцы. Фактически, это был единственный небританский элемент, имевший значение в колониях. На момент революции немцев насчитывалось около четверти миллиона, а к 1790 году, по подсчетам, они составляли около 9 процентов от общего населения колоний. Они поселились в районах Пенсильвании, расположенных к западу от Филадельфии, вокруг Йорка и Ланкастера, где их можно встретить и сегодня. Они были мирным и трудолюбивым народом и в некоторой степени сохранили свой язык и обычаи до наших дней. Очень немногие из них присоединились к своим соседям, ольстерским шотландцам, в миграции на юго-запад. Они не были особенно лояльны к американскому делу ни во время революции, ни во время предшествующих французских войн, и их присутствие в колониях вызвало сильную враждебность. Это были беженцы, которые бежали вниз по Рейну из Эльзаса и Пфальца, спасаясь от французов, когда Людовик XIV вторгся в их страну и опустошил ее. Среди них было много беженцев из немецкоязычной Швейцарии, а также гуситы из Моравии. Хотя среди них было несколько лютеран и кальвинистов, большинство "пенсильванских голландцев", как их называли английские колонисты, принадлежали к небольшим и малоизвестным сектам. Данкарды, шванкенфельдеры, амиши и меннониты до сих пор сохранили свои особые религиозные общины. Их язык - алеманнский, и на этом немецком диалекте до сих пор говорят в Эльзасе и Швейцарии. Помимо колоний в Пенсильвании, существовало небольшое поселение моравских братьев в западной части Северной Каролины.

Мэриленд был первоначально заселен по хартии лорда Балтимора как убежище для английских католиков, но с самого начала эти последние были очень малочисленны и к 1690 году оказались в столь значительном меньшинстве, что были лишены избирательного права.

Виргиния, самая важная из колоний после Новой Англии, если рассматривать последнюю в целом, была чисто английской в районе приливов и отливов, то есть к западу от Ричмонда. Там было много ольстерских шотландцев, которые, надо помнить, в значительной степени были англичанами.

В Северной Каролине было примерно то же самое, за исключением того, что ольстерские шотландцы были относительно более многочисленны.

Южная Каролина имела английскую плантаторскую аристократию и была намного чище англичан и меньше ольстерских шотландцев, чем ее северный сосед. В ней также был значительный французский гугенотский элемент, самый многочисленный и влиятельный в колониях. Эти гугеноты, хотя и не очень многочисленные, почти все были людьми культурными и социально значимыми и сыграли большую роль в развитии страны.

По расовому составу Джорджия была практически такой же, как и Южная Каролина.

ПУРИТАНЕ В НОВОЙ АНГЛИИ

Рассматривая заселение колоний более подробно, мы можем начать с Новой Англии. Первые жители Массачусетса были преимущественно выходцами из восточной половины Англии. Здесь расположены графства, в которых нордическое влияние, вероятно, было наиболее сильным, и раннее заселение Массачусетса было в подавляющем большинстве нордическим, если судить как по месту происхождения, так и по семейным и личным именам. Изучение происхождения первопроходцев Плимута, Уотертауна и Дедхэма показывает, что две трети из них были выходцами из региона вдоль английского побережья между Лондоном и Уошем и в основном из южной части этого участка территории.

Несмотря на то, что историки отводят колонии Плимут важное место из-за ее приоритета и романтических происшествий, связанных с ее основанием, она, в силу своих небольших размеров, сыграла лишь незначительную роль в раннем развитии американской нации. Ее поселенцы, как показывают подробные рассказы о многих из них, были людьми низшего и среднего классов, в основном с хорошим характером, но привлекали в свои ряды также авантюристов и людей более сомнительных качеств.

Через пять-шесть лет после высадки у Плимутской скалы численность плимутских поселенцев уже превышала численность других поселенцев в Новой Англии, а сам Плимут стал родоначальником ряда других поселений, опередивших его. В течение десятилетия 1630-40 годов он превратился в провинцию, состоящую из восьми небольших городов, семь из которых протянулись на пятьдесят миль вдоль берега залива Кейп-Код, от Считуэйта до Ярмута, а Таунтон лежал в двадцати пяти милях вглубь острова. Возможно, вся колония перебралась бы в долину реки Коннектикут, если бы не слишком сильная конкуренция со стороны переселенцев из Массачусетского залива. Через два поколения после первоначального поселения число жителей Плимута было не больше, чем в самом начале.

В десятилетие 1620-30 годов происходило быстрое, но спорадическое заселение небольших городов на побережье Массачусетса или вблизи него, но первой великой миграцией стало прибытие флота губернатора Уинтропа в Массачусетский залив в 1630 году. Новоприбывшие поселились в Бостоне, Чарльзтауне, Медфорде, Уотертауне, Роксбери, Линне и Дорчестере. В течение следующего десятилетия продолжалась эмиграция пуритан из Англии, опять же в основном из северных и восточных графств, в подавляющем большинстве из почти чистого нордического населения, какое только могла показать Великобритания.

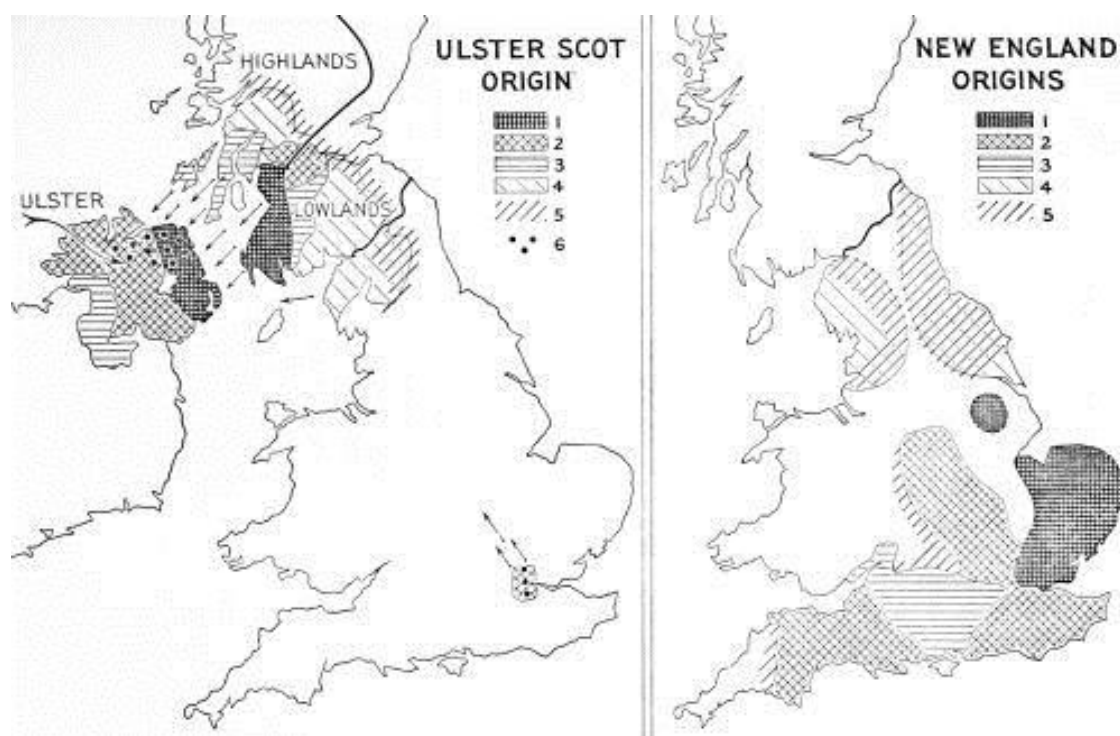
Горные и низменные районы Шотландии.

Разница в происхождении колонии Массачусетского залива и Плимута отражается в различиях географического и социального происхождения. Отцы-пилигримы, как всем известно, начали свой путь из Скруби в Йоркшире, в том месте, где это графство соединяется с Линкольнширом и Нортгемптонширом, под руководством Брэдфорда, местного почтмейстера, и Робинсона, священнослужителя. Капитал для этого предприятия был почти весь собран в Лондоне, и только треть первых поселенцев были членами общины Робинсона. Поэтому роль Скруби и Холланда в этой колонии часто преувеличивают. С другой стороны, английские основатели колонии Массачусетского залива были не просто религиозными диссидентами, а влиятельными представителями пуританской знати. Поэтому группа, которую привлекло их предприятие, отличалась несколько более широким социальным кругозором. По этой же причине она отличалась от большинства представителей более поздней эмиграции.

Люди, поселившиеся в колонии Массачусетского залива в десятилетие 1630-40 годов, несомненно, желали улучшить свое положение, и их рвение в захвате земель у индейцев показало, что они могли успешно воплотить это желание в жизнь. Однако мотив их эмиграции был более политическим, чем у многих более поздних колонистов, большинство из которых приехали, чтобы найти удачу в новой стране.

Среди них были члены важных графских семей и даже несколько представителей пуританского дворянства. Среди духовенства были широко представлены выпускники Кембриджа, а также несколько человек из Оксфорда, хотя, судя по всему, среди них было мало профессионалов. Многие из переселенцев происходили из семей купцов, среди которых пуританство достигло больших успехов в Англии. Однако основную массу составляли более или менее обеспеченные йомены и ремесленники.

Поскольку большая часть пуританской миграции, которая, вероятно, составила 20 000 человек между 1620 и 1640 годами, прибывала группами, часто следуя за местными священниками, довольно легко определить, из каких частей Великобритании прибыло раннее население Массачусетса. Все свидетельства указывают на то, что мало кто из них был родом с крайнего севера Англии, где пуританство достигло сравнительно небольшого прогресса. Большая часть поселенцев прибыла из оплота пуритан - Восточной Англии, включавшей графства Саффолк, Эссекс, Норфолк и восточный Херефорд. Следом за ними шла эмиграция из Уэссекса, включая Дорсет, Сомерсет и восточный Девон. Далее следовали выходцы из Кента, графств Букингема, Нортгемптона и Лестера, значительная группа из Уилтшира, Хэмпшира и западного Беркшира, а также некоторые из Глостершира, расположенного далеко на западе, у валлийской границы. Большая группа бостонцев прибыла из Линкольншира (там жили предки уроженца Бостона Бенджамина Франклина), и, конечно, был сильный контингент из Лондона, который был в основном пуританским и пресвитерианским. Города в Массачусетсе, как правило, заселялись выходцами из одного региона Англии; а поскольку распространение Массачусетса в значительной степени происходило за счет общин из отдельных городов, эти группы населения часто долгое время держались вместе. Часто название города указывает на старый дом. Так, Глостер был заселен выходцами из этого графства, а Дорчестер был назван в честь города в Дорсете, откуда его первые поселенцы прибыли вместе с преподобным Джоном Мавериком, хотя в нем был и элемент ланкаширцев из окрестностей Престона, Ливерпуля и Манчестера.

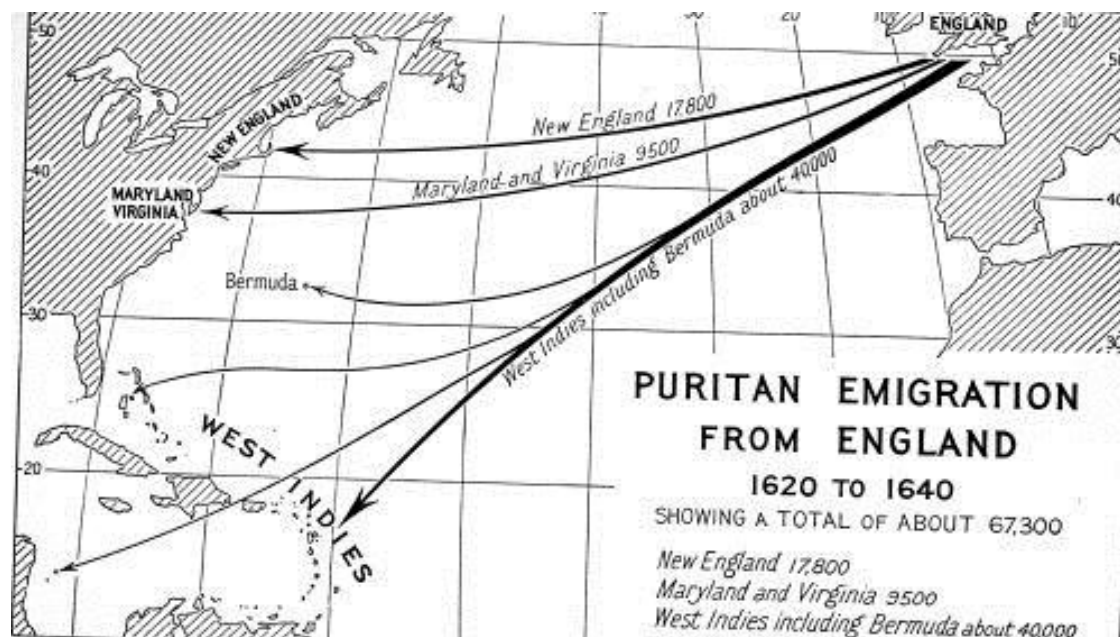
Ольстерские шотландские и новоанглийские корни - 1, самый тяжелый; 2, тяжелый; 3, легкий; 4, очень легкий; 5, неопределенный; 6, определенно английский.

Наряду с желанием переселенцев улучшить свое положение, получить землю в собственность и искать удачу в новых странах, неспокойная политическая обстановка в Великобритании особенно побуждала пуритан к миграции. Британские документы того периода дают представление о характере и масштабах этого движения. Так, лорд Мейнард в меморандуме архиепископу Лауду в 1638 году сетует на "намерение различных суконщиков, занимающихся большой торговлей, внезапно отправиться в Новую Англию". Он ежедневно слышит о невероятном количестве людей с очень хорошими способностями, которые продали свои земли, чтобы уехать, и говорит, что есть опасность обеднения многих приходов.

Поскольку некоторым из них правительство Массачусетса нравилось не больше, чем правительство на родине, поток эмигрантов направился в Вест-Индию, британские острова которой быстро заполнились нордическим населением. История нордического заселения Вест-Индии малоизвестна и очень поучительна в связи с изучением заселения Нового Света. Бермудские острова были колонизированы в 1612 году, Сент-Китс - в 1623, Барбадос и Сент-Круа - в 1625, а Невис - тремя годами позже. К 1640 году в Массачусетсе насчитывалось около 14 000 поселенцев, но на острове Сент-Китс их было почти столько же, а на Барбадосе - значительно больше. Число англичан, переселившихся в Вест-Индию, было, пожалуй, в три раза больше, чем число тех, кто отправился во всю Новую Англию.

До конца XVIII века Вест-Индия была процветающей, густонаселенной и богатой, но затем эти острова перестали иметь мировое значение - не только из-за экономических и сельскохозяйственных изменений, затронувших, например, сахарную промышленность, но и потому, что белый человек в тропиках не мог конкурировать на равных с негром. Позже будет отмечено, что эти острова теперь практически негритянская территория, и они стали центрами эмиграции в Соединенные Штаты чернокожего населения с низким экономическим и социальным статусом - нордики вымерли, или потеряли свои первоначальные характеристики, или уехали в другие места.

С 1640 года эмиграция из Великобритании в Новую Англию почти прекратилась, и прилив и отлив повернулся в другую сторону; многие поселенцы в Массачусетсе либо вернулись в Англию, либо отправились на в Вест-Индию. Естественный прирост населения с тех пор объясняет большую часть роста колоний Новой Англии. Однако даже здесь Штат залива отставал от Виргинии по темпам прироста белого населения.

ЭМИГРАЦИЯ ПУРИТАН ИЗ АНГЛИИ

1620-1640 ГГ.

ВСЕГО ОКОЛО 67 300 ЧЕЛОВЕК

Новая Англия 17 800

Мэриленд и Виргиния 9500

Вест-Индия, включая Бермудские острова, около 40 000 человек.

Почти сразу после того, как они обосновались в районе Массачусетского залива, группы поселенцев начали разбегаться во все стороны, отчасти чтобы получить лучшую или более дешевую землю, а отчасти чтобы получить большую независимость действий. Таким образом, заселение Коннектикута началось уже в 1634 году. В следующем году в Коннектикут прибыли эмигранты из Дорчестера и Уотертауна в Массачусетсе, а в 1636 году - из Ньютона. Они основали поселения в долине реки Коннектикут, которые носили названия городов Массачусетса, откуда они прибыли, пока не были заменены названиями Виндзор, Уэтерсфилд и Хартфорд. В 1638 году появились поселения в Нью-Хейвене, Гилфорде, Милфорде и других местах. Стратфорд, Фэрфилд, Норвалк и Стэмфорд были основаны несколькими месяцами позже как вызов голландцам из Нью-Йорка, которые считали эту часть Коннектикута своими владениями. К 1640 году в Коннектикуте насчитывалось не менее нескольких тысяч поселенцев; Хартфорд, Нью-Хейвен и Нью-Лондон, в свою очередь, стали главными воротами иммиграции во всю страну. Однако в целом заселение Новой Англии шло с юга на север, по речным долинам.

Рыбные промыслы и отличные запасы древесины для военно-морского строительства привели к появлению разрозненных поселений на побережье штата Мэн еще раньше. Отсутствие судоходных рек задерживало проникновение во внутренние районы, но уже в XVII веке жители Массачусетса обосновались вдоль большинства речных долин. И по сей день внутренние районы штата Мэн в значительной степени представляют собой глухие леса. Эта

территория была заявлена Массачусетсом как часть его собственных владений, от которых он отделился только в 1820 году, когда в результате знаменитого компромисса Генри Клея он был принят в качестве независимого штата в качестве компенсации Миссури.

По мере того как индейцев постепенно вытесняли, население Массачусетса продолжало продвигаться на запад. В 1676 году окончание войны короля Филиппа на время сняло страх перед индейцами и привело к особенно активному движению населения вглубь страны. Тем временем были основаны поселения в Нью-Гэмпшире и Род-Айленде. Первое поселение в Нью-Гэмпшире было основано шотландцем Дэвидом Томсоном, обосновавшимся на побережье, но его население прибыло из Плимутской колонии, а затем из других частей Массачусетса. Распространение англичан в горах и лесах Нью-Гэмпшира, где индейцы долгое время оставались враждебными, шло медленно, и даже к моменту Революции в Нью-Гэмпшире было мало сколько-нибудь значительных поселений. Наибольшего развития он достиг к концу рассматриваемого периода. В 1700 году здесь проживало всего 5000 или 6000 душ. До 1760 года только прибрежные города имели сколько-нибудь значительное население, но мир 1763 года, окончательно устранивший угрозу со стороны французов и индейцев, привел к быстрому проникновению поселенцев, главным образом из Коннектикута. Считается, что за следующие пятнадцать лет только из Коннектикута в Нью-Гэмпшир въехало 30 000 человек, и было основано сто новых городов.

На Род-Айленде уже было несколько поселенцев до того, как Роджер Уильямс основал Провиденс (1636 год), хотя именно этот город принято считать началом колонии. Портсмут был основан в 1638 году, Ньюпорт и Уорик - в 1639 году, а в 1644 году эти поселения были объединены под единым правительством. Из-за своих небольших размеров Род-Айленд играет в некотором смысле лишь незначительную роль в истории формирования раннего населения Северной Америки. Однако он служил местом прибытия колонистов из всех источников, а также привлекал переселенцев из других колоний благодаря своей ярко выраженной политике политической и религиозной терпимости. С другой стороны, небольшие размеры Род-Айленда способствовали тому, что он стал источником колонизации. Имеющиеся земельные ресурсы были настолько малы, что большие семьи вскоре исчерпывали их, и не оставалось ничего другого, кроме как покинуть колонию. Поэтому остров был инкубатором для колонистов и давал больше эмигрантов пропорционально своему населению, чем другие колонии, обладавшие большими ресурсами, чтобы заботиться о собственном населении. Можно сказать, что если Массачусетс является родителем всей Новой Англии, то вся Новая Англия в каком-то смысле является родителем Род-Айленда. В любом случае, расовая однородность населения бросается в глаза, а небольшие группы поселенцев, представлявших не нордическую расу, незначительны по численности, как бы ни взывали они к гордости своих потомков.

Вермонт был заселен поздно, его основное население появилось только после революции. Сначала он был частью Нью-Гэмпшира и привлекал случайных поселенцев из этого штата и соседних, но вряд ли можно сказать, что здесь было постоянное поселение, пока в 1740 году не был основан Брэттлборо.

Заселение Массачусетса к западу от реки Коннектикут началось в 1725 году, когда были захвачены Беркширы и основан Шеффилд. Поселенцы неуклонно продвигались на север и запад и постепенно завладели территорией между рекой Коннектикут и озером Шамплейн. Река Коннектикут была первой американской границей, а Аляска - последней.

Во времена революции Вермонт был в значительной степени пограничным штатом, в котором незаконные и непокорные люди, известные как Парни с Зеленых гор, властвовали и никому не подчинялись. В течение шести недель после провала восстания Шейса более 700 семей переселились из западного Массачусетса в Вермонт. Многие солдаты из Новой Англии, сражавшиеся за эту землю во время революции, отметили ее как место, пригодное для жилья, и пришли сюда, чтобы занять землю и расчистить ее, привезти свои семьи и основать изолированные поселения, которые постепенно превратились в нечто похожее на оседлую страну. Растущий приток жителей Новой Англии привел к отказу Нью-Йорка от претензий на эту территорию, и в 1791 году он стал независимым штатом, первым из тех, что были добавлены к первоначальным тринадцати.

Итак, картина Новой Англии - это картина сообщества, которое получило основную часть своего фундамента за очень короткий промежуток времени, с 1620 по 1640 год, и почти полностью из одного источника, а именно из Англии, и особенно из самых северных ее районов. Капитан Джон Смит не был просто фигурой речи, когда дал этому региону пророческое название Новая Англия. В XVIII веке к потомкам первых поселенцев добавились разрозненные группы людей другого происхождения, но в большинстве случаев они представляли собой лишь капли в ведре. Несомненно, одна из причин, по которой изучение генеалогии и гордость за свое происхождение получили наибольший расцвет в Новой Англии, заключается в том, что столь значительная часть старого населения ведет свою родословную от одного и того же периода и от одной и той же группы людей. Даже после революции большая часть поселенцев Новой Англии представляла семьи, которые в четырех или пяти поколениях жили на американской земле.

Если в то время в Новой Англии заметно не было иммигрантов из очень знатных семей, то, с другой стороны, можно сказать, что общий уровень был здоровым и интеллигентным. Иммигрантское население Новой Англии состояло из небольшой группы семей, преобладающих в бизнесе и профессиях, и подавляющей части представителей английского йоманства, владельцев небольших земельных наделов, чьи сыновья часто плавали на кораблях или занимались рыболовством. Этот же тип составлял основную часть населения средних колоний и заселял задворки южных колоний. Поскольку большинство поселенцев в Новой Англии в начале миграции были мужчинами, которые привезли с собой семьи, созданный таким образом фонд был на более высоком уровне, чем в некоторых других колониях, куда мужчины прибывали без жен и поэтому были вынуждены жениться на женщинах любого рода, которых могла предоставить колония. Определенно нордический характер новоанглийского населения, его раннее формирование и выживание способных и энергичных людей в регионе, где природа жестоко расправилась со слабаками, привели к появлению в Новой Англии населения, которое оставило свою печать на последующей американской истории, как ни одна другая группа.

Что касается ольстерских шотландцев, то следует помнить, что ирландский вопрос был столь же серьезным препятствием на пути английских государственных деятелей в XVI и XVII веках, как и раньше или позже, и предпринимались многочисленные попытки если не покончить с ним, то хотя бы облегчить ситуацию путем колонизации протестантского населения в Ирландии. В 1611 году Яков I начал поощрять эмиграцию людей из низменных районов Шотландии, особенно из западной части, и с севера Англии в Ольстер. Он рассчитывал создать в Ирландии стойкое протестантское население, которое в конечном итоге превысило бы численность католиков и стало бы контролирующим элементом в политической сфере. По этой причине поселенцы подбирались с особой тщательностью. План удался настолько, что через поколение или чуть больше в северной части острова было

колонизировано около 300 000 человек, а к концу столетия их число возросло почти до миллиона.

Это и есть "шотландские ирландцы" американской истории. Это название - гротескная ошибка, наводящая на мысль о некоем гибридном происхождении и гибридном характере, не имеющем под собой никакой основы. Они не были ирландцами ни в каком смысле этого слова, и хотя большинство из них были шотландцами, очень многие были англичанами. В этой книге они обозначены как "ольстерские шотландцы".

После основания Ольстера на севере Ирландии началась активная эмиграция британцев на восток Ирландии. Это было вызвано отчасти экономическими факторами, а отчасти желанием Кромвеля, в свою очередь, решить ирландскую проблему путем колонизации, следуя прецеденту, который создал Яков I. Этих английских протестантов в восточной Ирландии слишком часто игнорировали. Они также не имели ничего общего с более древним римско-католическим населением восточной части острова. Многие из протестантов-"ирландцев" были квакерами.

Эти приемные дети Ирландии также свободно мигрировали в американские колонии, и слишком легко было предположить, что они были римскими католиками. Хотя точные данные на этот счет получить крайне сложно, есть основания полагать, что число англичан-протестантов на востоке Ирландии в XVII веке было столь же велико, как и число шотландцев-протестантов на севере, и эта первая группа вносила свою лепту в английское население колоний. Именно эта группа навязала ирландцам английский язык. До конца 1840-х годов лейнстерские протестанты и ольстерские пресвитериане были практически единственными иммигрантами из Ирландии в эту страну.

Великое переселение ольстерских шотландцев в Америку, хотя и имело совершенно иной масштаб, по своему влиянию на последующую историю континента уступило, пожалуй, только переселению из английских графств. Он начался во второй половине семнадцатого века, но достиг своего апогея лишь в первой четверти восемнадцатого. Летом 1718 года прибыло пять кораблей, что дало возможность Коттону Мазеру с предвкушением отметить в своем дневнике заслуги, которые он получит за проявление "доброты к неимущим". После этого в большинстве историй можно встретить такие статьи, как "В 1719 году с севера Ирландии прибыло сто двадцать пресвитерианских семей, которые поселились в Массачусетсе" или "В 1719 и 1720 годах более ста пресвитерианских семей прибыли с севера Ирландии и поселились в Лондондерри в Нью-Гэмпшире" и т. д.

Конгрегационалисты приморского побережья были не слишком гостеприимны к этим пресвитерианам и почти в каждом случае вынуждали их переселяться вглубь страны, подальше от давно заселенных территорий, на которых бостонская теократия пыталась сохранить свое господство, и в основном в Нью-Гэмпшир и Коннектикут. Лондондерри напоминает о своем происхождении своим названием, а шотландцы, поселившиеся в нем, не только ввели в Нью-Гэмпшир свои мануфактуры, но и привезли с собой еще более ценный импорт, так называемый ирландский картофель, который, будучи вывезенным из Южной Америки в Ирландию задолго до этого, таким окольным путем был возвращен в свое собственное полушарие. Другие группы отправились в Вустер, Пелхэм, Палмер, Андовер и другие населенные пункты в небольшом количестве; многие другие отправились в Мэн. Однако общее количество было очень небольшим.

В то время Массачусетс проводил определенную политику, поощряя, если не требуя, чтобы иммигранты такого рода селились на границах. Таким образом, они создавали меньше конкуренции и играли полезную роль в сдерживании индейцев.

Эмиграция шотландцев и североангличан, проживших в Ольстере не одно и не два, а максимум три поколения, была вызвана недовольством своим положением. Они создали важное производство шерстяных и льняных тканей, которое с тех пор славилось по всему миру; но в 1698 году зависть конкурирующих промышленников в Англии привела к принятию парламентского закона, который подорвал промышленность в Ольстере и лишил многих людей работы. В 1704 году и в последующие годы также начались религиозные преследования пресвитериан. Эти экономические и религиозные препятствия были настолько велики, что после нескольких лет терпеливого ожидания население потеряло надежду, и в течение полувека около половины всего числа переселилось в Новый Свет. Наиболее значительный поток шел в средние и южные колонии, о чем будет рассказано далее.

Этот исход вызвал тревогу как в старой стране, так и в новой. "Слухи [об отъезде в Америку] распространились, как заразная болезнь", - сетует ирландский писатель в 1728 году; "и хуже всего то, что они касаются только протестантов и царят в основном на севере"; в то время как другой сетует, что "сейчас в Белфасте семь кораблей, которые увозят туда около 1000 пассажиров; и если бы мы знали, как остановить их, поскольку большинство из них не могут получить ни пропитания, ни работы дома, было бы жестоко это сделать".

В дальнейшем мы будем часто упоминать об иммиграции ольстерских шотландцев. В этой связи необходимо подчеркнуть, что, во-первых, по расовому составу они мало чем отличались от предшествующего английского поселения: обе группы были определенно нордическими по своему составу. Во-вторых, она была ценным дополнением к колониям по качеству и энергии своих членов. В-третьих, оно всегда было небольшим в пропорции к английскому элементу.

Новая Англия в 1790 году, несмотря на многочисленные неанглийские группы, многие из которых отличались хорошими индивидуальными качествами, хотя и были незначительны по общей численности, должна рассматриваться как определенно пересаженное английское население, большая часть которого прожила в Северной Америке так долго, что его привычки мышления и действия стали дифференцированными - можно сказать, определенно американскими, а не английскими.

Третий источник переселенцев из Новой Англии в этот период, небольшой по численности, но ценный по качеству, представлен французскими гугенотами, которые прибыли в основном в течение десятилетия или двух после отмены Нантского эдикта.

Переселение гугенотов в Америку делится на две общие эпохи. С 1555 года, когда у адмирала Колиньи возникло видение протестантской Франции в Новом Свете, до отмены в 1685 году Нантского эдикта, французской хартии протестантской свободы, - это первая эпоха, в течение которой иммиграция была рассеянной. С 1685 года и примерно до 1750 года - вторая эпоха, когда гугеноты, спасаясь от притеснений и смерти, искали убежища во многих странах. В этот период их иммиграция в Северную Америку достигла значительных масштабов. Провиденс и Бостон были пунктами въезда для многих из них, хотя большее число отправилось в южные колонии, и многие современные американские семьи с гордостью ведут свою родословную именно от них.

Эти французские гугеноты, по-видимому, были преимущественно представителями среднего класса или ремесленного слоя населения с примесью мелкого дворянства. Но их энергия, способности и характер обеспечили им важную роль в принятой ими стране, непропорциональную их малочисленности. В отличие от других неанглийских групп, они не стремились создавать собственные колонии или поселения, а широко рассеялись и свободно влились в общую массу населения. Это было тем труднее, что они происходили из самых нордических районов Франции и по расовому составу едва ли отличались от англичан.

Точно так же северные и восточные графства Англии, которые обеспечили большую часть миграции в Америку, в течение предыдущего столетия получали непрерывное вливание континентальных гугенотов, общее число которых иногда доходило до 250 000 человек, которые также стали по примеси и наследственному сходству неотличимы от своих соседей.

Индейское население Новой Англии, хотя никогда не было большим, было в значительной степени истреблено войнами, болезнями, виски и разрушением их культурной и экономической среды. За столетие до поселения в Плимуте оспа, завезенная с испанского материка, охватила все побережье Новой Англии и настолько истребила туземцев, что противостоять белым остались лишь ослабленные остатки.

Напротив, в XI веке норманны, пытавшиеся основать поселения на побережье Новой Англии, встретили дикое сопротивление со стороны туземцев, которых они называли скрелингами.

Браки между белыми и индейцами были практически неизвестны, за исключением редких случаев, когда колонист попадал в плен. Антипатия английских поселенцев к индейцам была слишком велика, чтобы привести к такому скрещиванию, которое поощрялось французами в их части континента и о котором будет сказано позже. В британских колониях на полукровку смотрели как на индейца, в то время как во французских колониях, как и во всех колониальных странах с римской имперской традицией и римско-католической религией, полукровок ассимилировали с европейской группой. Некоторые из оставшихся индейцев на атлантическом побережье смешивались с беглыми рабами-неграми, но лишь немногие из них пополняли белое население, и термин "полукровка" был в целом презрительным. Только при жизни ныне живущих людей вливание индейской крови стало предметом гордости, особенно в Окла-хома, если не делать исключений для таких отдельных историй, как несколько гротескная традиция Покахонтас в Виргинии.

Преобладающее влияние Массачусетса во время Революции легко понять. Он обладал, в необычной степени, единством в различных областях, в которых единство наиболее ценно для нации - единство расы, единство языка, единство культуры, единство религии, единство институтов - и, более чем где-либо еще в Соединенных Штатах, его единство было достигнуто путем длительного, независимого роста на американской земле.

Угроза со стороны французов и индейцев сдерживала быстро растущее население Новой Англии по меньшей мере на поколение. Сельскохозяйственные районы несли на себе больше населения, чем могли прокормить, и ждали благоприятного случая, чтобы распространиться. Такая возможность представилась после свержения Монткальма в Квебеке в 1759 году. Парижский мир 1763 года оставил дорогу открытой, и население Новой Англии начало продвигаться на север, запад и юг с энергией, которая отражалась в активности общин на родине. Последующие полвека справедливо считаются золотым веком Новой Англии. Когда в 1790 году была проведена первая перепись населения Соединенных Штатов, ее сельские районы были более густонаселенными, чем с тех пор. Затем начался спад, который будет прослежен в следующем разделе, и десятилетие за десятилетием

города и деревни Новой Англии в удивительно большом проценте случаев либо стоят месте, либо действительно уменьшаются в количестве жителей.

Историю американской колонизации обычно пишут только с точки зрения прироста населения. Вычитания из него могут быть не менее важными. Вычитание за счет миграции на запад было менее значительным, потому что во многих случаях граница просто разрасталась, отправляя излишки за границу, не снижая собственных стандартов или численности.

Первая национальная потеря населения произошла после 1640 года, когда изменившиеся политические условия в Англии и тирания властей Массачусетского залива изгнали многих людей из Массачусетса. Эта потеря, какой бы серьезной она ни была, незначительна по сравнению с огромной потерей высшего населения во время Революции. Лоялисты составляли неопределенную часть населения, возможно, до одной трети. Те, кто проявлял наибольшую активность, во многих случаях были вынуждены бежать, и преследования с конфискацией их имущества продолжались даже после войны. Большинство лоялистов, покинувших колонии, отправились либо в Канаду, либо в Вест-Индию. В общей сложности потери из этого источника могли составить до 100 000 человек, представлявших в целом превосходный отбор населения. По расовому ущербу, нанесенному американскому населению, это сравнимо с потерями, которые понесла Франция от изгнания гугенотов.

К революции колонизаторский импульс Новой Англии не только начал заполнять западный Нью-Йорк, о чем будет рассказано ниже, но и привел к созданию спекулятивных земельных компаний для заселения долины Вайоминг в Пенсильвании и даже низовьев Миссисипи. Тяжелые времена после революции привели к значительному росту миграции, которая, как правило, была быстрой в тяжелые времена и более медленной в периоды процветания. Вермонт, как уже говорилось, ощутил этот импульс в полной мере. Мэн, похоже, также рос наиболее быстро в течение десятилетия или двух лет после принятия Декларации независимости, хотя Портленд и Фалмут были единственными городами, достойными этого названия. Нью-Гэмпшир, также развивавшийся медленнее других частей Новой Англии, начал наверстывать упущенное, привлекая тех, кто готов был улучшить свое положение за счет смены места жительства. Коннектикут уверенно развивался, и в нем было меньше неанглийских элементов, чем почти в любой другой колонии Новой Англии, хотя эти элементы были повсюду. Рост Массачусетса происходил в основном во внутренних районах, и Бостон добился меньшего прогресса, чем многие другие города. Люди переезжали из Массачусетса в другие колонии. Многие переезжали через Бостон, но не оставались в нем. Важный в политическом и культурном отношении центр Вселенной переживал промышленный застой до начала эпохи мануфактурного производства.

VI

ВОРОТА НА ЗАПАД ИЗ НОВОЙ АНГЛИИ И ВИРДЖИНИИ

В 1609 году английский мореплаватель Генри Хадсон, действуя по поручению голландской Ост-Индской компании, исследовал реку, которая теперь носит его имя. В течение следующего десятилетия вдоль реки были основаны небольшие голландские поселения, торговые посты, но первое настоящее поселение обычно датируется 1623 годом, когда сюда прибыли тридцать семей валлонов. Это были выходцы из северной Франции и южных

Нидерландов, которые были загнаны в Голландию из-за религиозных преследований и хотели спастись от несимпатичного обращения, которое они получали в южной части Голландии. Их язык был не голландским, а французским.

Если говорить в целом, то голландское поселение Новые Нидерланды вначале было торговым предприятием и основывалось на опорном пункте в устье реки и еще одном - в начале навигации. В течение многих лет последнее поселение, первоначально называвшееся Форт-Оранж, а затем Олбани, было гораздо важнее, чем маленький городок Новый Амстердам на острове Манхэттен.

Ограничения на владение землей сдерживали колонизацию, и во время голландской оккупации ее границы не выходили за пределы плодородных фермерских земель долины Гудзона к северу от Форт-Оранжа, хотя был основан форпост на западе в Скенектади, а также разрозненные поселения в Нью-Джерси и на Лонг-Айленде.

Во всех этих отдаленных районах давление переселенцев из Новой Англии было слишком сильным, чтобы скудное голландское население могло противостоять ему, и даже на Манхэттене жители Новой Англии рано стали важной частью населения.

Иммиграция респектабельных голландских семей в целом началась только после 1638 года, когда была отменена монополия Вест-Индской компании. Многие из семей, ставших крупными землевладельцами в северной части долины реки Гудзон, были выходцами из Гелдерланда, расположенного к востоку от Зюйдер-Зее, а город Майерка был одним из главных центров эмиграции. Хотя многие из этих голландских семей были отличными торговцами, ошибочно полагать, что они представляли социальную элиту своей страны.

Хотя голландцы оставили неизгладимый след в долине реки Гудзон, вклад, который они внесли в будущее население штата, был невелик. Когда в 1664 году Англия захватила колонию и голландская иммиграция прекратилась, во всем регионе, вероятно, насчитывалось не более 10 000 жителей, и из них от четверти до трети были англичанами.

Голландия в то время вовсе не была колонизатором. Ее заморские предприятия были направлены на торговлю, и у нее не было достаточного избытка населения, чтобы заселять колонии на постоянной основе.

Поэтому количество голландской и гугенотской крови, запечатлевшееся в последующей истории колоний, было невелико по сравнению с английской, но по большей части принадлежало к той же расовой группе. Шесть или семь тысяч голландцев в нынешнем штате Нью-Йорк в 1664 году можно сравнить с 35 000 англичан в Виргинии и 50 000 в Новой Англии на ту же дату.

Дальнейшей общей и организованной эмиграции из Голландии в Америку не было вплоть до окончания Революции. В это время некоторые амстердамские банкиры, ссудившие миллионы долларов революционному правительству, решили попытаться капитализировать свои вложения и купили почти 4 000 000 акров земли в Нью-Йорке и Пенсильвании. Большинство поселенцев на этих землях не были голландцами; и хотя голландские имена все еще играют важную роль в социальных реестрах Нью-Йорка и Олбани, голландская кровь незначительна в современном составе населения Соединенных Штатов.

Южный прилив жителей Новой Англии, омывший голландскую колонию и другие южные районы, в первую очередь состоял из тех, кому не пришлось по вкусу религиозные убеждения их единомышленников в Массачусетсе и Коннектикуте.

Маленькие "форты" голландцев в долине Коннектикута были затоплены вскоре после 1630 года, а к 1639 году жители Коннектикута английского происхождения обосновались в Гринвиче в тридцати милях от Нового Амстердама и в других городах, расположенных еще ближе. Лонг-Айленд был заселен из того же источника, и Томас Белчер занял участок на месте нынешнего города Бруклин в том же году, когда англичане начали строить в Гринвиче. До двадцатого века Бруклин был типично новоанглийской общиной, совершенно не похожей на другие районы Большого Нью-Йорка. Восточная часть Лонг-Айленда долгое время была отделена от западной и заселялась непосредственно из Коннектикута. Хэмптон практически до сих пор является частью Новой Англии.

Освоение южной части штата Нью-Йорк, и особенно долины реки Гудзон, задерживалось на неопределенный срок из-за огромных земельных владений так называемых "патронов", или крупных лендлордов. Нью-Йорк по-прежнему оставался космополитичным и непримечательным городом, построенным на коммерции и торговле и не отличавшимся особой расовой принадлежностью. Даже к моменту Революции он уступал по размерам и влиянию Филадельфии и Бостону, а штат Нью-Йорк занимал седьмое место по численности населения среди тринадцати колоний.

Настоящей основой величия Имперского штата стала колонизация Северной и Западной части Нью-Йорка новоанглийцами, в результате которой образовалась территория, которая по своему политическому облику, экономическим и социальным интересам была и остается совершенно отличной от долины реки Гудзон и расположенной в ее устье метрополии.

Коммерческое величие Нью-Йорка началось с открытия канала Эри в 1825 году, благодаря которому Нью-Йорк стал выходом к озеру. Тем временем, однако, произошло несколько других иностранных вторжений.

Французские гугеноты, нордические по расовой принадлежности и почти идентичные британцам, начали прибывать в колониальный Нью-Йорк после 1685 года, основав город Нью-Рошель в память о французском городе, из которого их прибыло так много. Здесь, как и в других местах, их влияние намного превышало их пропорционально малую численность.

В 1711 году губернатор Нью-Йорка Хантер проникся грандиозными идеями по освоению ресурсов своей провинции и начал искать источник дешевой рабочей силы для ее эксплуатации. Он нашел его в немецких районах на Рейне, широко известных как Пфальц, где собрались различные национальные элементы, не только немецкие и эльзасские, но и французские, швейцарские, моравские и другие, и где религиозные преследования, которым они подвергались как протестанты, и чрезмерные лишения, которые они были вынуждены терпеть от вторжений армий Людовика XIV, довели их до больших страданий.

Население созрело для эмиграции и стало единственным значительным элементом не нордического происхождения в колониальной истории Америки. Нет необходимости подробно описывать бесчисленные мелкие секты и национальные элементы, часто два или три раза удаленные от своей первоначальной родины, из которых состояла эта "палатинская" эмиграция. Для нашей цели она была преимущественно немецкоговорящей, и в значительной степени круглоголовой альпийской расы.

Примерно в 1709 году палатинцы начали неистово пытаться спастись от своих несчастий, и в течение нескольких лет около 30 000 человек перебрались в Голландию и даже в Англию, где им не были рады. Британское правительство с радостью субсидировало их дальнейшую эмиграцию, и несколько тысяч из них были перевезены в долину реки Гудзон. Там они вскоре стали недовольны и в конце концов были колонизированы на реке Шохари в Нью-Йорке. Здесь, в свою очередь, их вытеснило то, что они считали политическим джобберством, и многие из них перебрались на реку Мохок, приток Гудзона, а другие продолжили свой путь по реке Саскуэханна в Пенсильванию. В целом, таким образом, палатинов следует считать лишь временными жителями штата Нью-Йорк. Хотя многие из них остались, отчеты, которые они присылали о своем обращении, были настолько неудовлетворительными, что в дальнейшем иммиграция палатинов в основном избегала Нью-Йорка и высаживалась в Пенсильвании, где она будет встречаться в дальнейшем.

Следующий приток, особенно после 1719 года, был связан с ольстерскими шотландцами, подобными тем, что уже упоминались в качестве вторгшихся в Новую Англию. Большая часть округа Оранж на западе реки Гудзон была заселена этими ольстерцами, начиная с 1729 года, и в течение последующего полувека проникновение этого нордического элемента было непрерывным, хотя большее его количество прибывало через Новую Англию, чем непосредственно в гавань Нью-Йорка. К моменту Революции ольстерские шотландцы занимали большую часть восточной части северного Нью-Йорка, а в 1760 году у них было достаточно представителей в Олбани, чтобы основать там пресвитерианскую церковь.

Примерно в то же время сэр Уильям Джонсон, получивший грант на 100 000 акров земли к северу от реки Мохок за свою доблесть при защите колоний от французов у Краун-Пойнта и озера Джордж в 1755 году, начал подыскивать подходящих арендаторов и натолкнулся на идею импорта шотландских горцев римско-католической веры. Несколько сотен из них прибыли на перед самой революцией и, как и сэр Джон Джонсон, сын сэра Уильяма, поддерживали лоялистов. После революции они перебрались на север Онтарио, где находится город Гленгарри, напоминающий их прежний дом в Инвернесе. Там такие семьи, как Макдоннеллы, Макдугаллы, Камероны, Макинтайры и Фергюсоны, стали важным элементом силы Канады.

Как уже отмечалось, штат Нью-Йорк во время Революции был еще явно неважной колонией, и его величие связано с вторжением жителей Новой Англии сразу после войны. Коннектикут, в силу своей близости, был главным источником этих поселенцев, хотя почти все районы Новой Англии внесли свой вклад. О переселении шотландцев из Ольстера уже упоминалось, но не следует думать, что это был главный элемент в заселении штата. В основном иммигранты принадлежали к старой пуританской английской семье, которая до сих пор преобладает во всем верхнем Нью-Йорке, за исключением тех мест, где колонии недавних иммигрантов в некоторых крупных промышленных городах изменили местную картину.

Западные берега озера Шамплейн и некоторые старые города долины реки Гудзон уже через несколько лет едва ли можно было узнать тем, кто знал их раньше. Простая голландская ферма в 1784 году за четыре года превратилась в процветающий город Хадсон, типичный торговый город Новой Англии со складами, причалами, янки-судоходцами и магазинами, наполненными янки-затейниками.

Посетитель Уайтсборо на реке Мохок в 1788 году сообщил, что "поселенцы постоянно прибывают из Коннектикута". Бингемтон был заселен совместно Коннектикутом и Массачусетсом. Тот же дух вызвал смешение населения в пределах Новой Англии, так что, например, жители Миддлфилда, небольшого холмистого городка на западе Массачусетса,

по результатам опроса оказались выходцами почти из шестидесяти разных городов Массачусетса и Коннектикута.

После революции более предприимчивые молодые люди из Массачусетса и Коннектикута стали покидать свои родные города. Из тех, кто уехал, половина отправилась в другие места Новой Англии, четверть - в западный Нью-Йорк, четверть - в Огайо и другие точки тогдашнего "Дикого Запада".

Крайняя западная часть штата Нью-Йорк еще не начала развиваться к тому времени, о котором мы говорим. Канандайгуа был самым крупным городом в 1790 году, и в нем проживало всего сто человек. Пионеры пришли из Нью-Джерси и Пенсильвании по рекам Саскуэханна и Тиога, дошли до озера Сенека, а затем до Каюги; другие из Коннектикута вошли в долину реки Мохок через Олбани и форт Шуйлер. Небольшие поселения возникли в Бате, Неаполе, Женеве, Авроре, Сенека-Фолс, Пальмире, Ричмонде, Форт-Стенвиксе и Марселлусе. О канале Эри еще и не мечтали.

Картина населения штата Нью-Йорк в 1790 году выглядит двояко. Большая часть штата, если судить по площади, представляла собой колонию англосаксонского происхождения, почти идентичную штатам Новой Англии. Долина Гудзона была менее значимым придатком к ней, а в ее устье находился Нью-Йорк - разношерстное поселение людей разного сорта, чьи интересы были в основном торговыми.

Нью-Йорк был одним из тех штатов, которые больше всего пострадали от миграции лоялистов в конце революции. Этот превосходный нордический элемент уходил двумя большими потоками: один по морю в Новую Шотландию, а другой по суше в Канаду. Особенно сильно пострадал Лонг-Айленд, куда в 1783 году одним флотом отправилось 3000 человек. Приток лоялистов в Новую Шотландию, насчитывавший около 35 000 человек, стал тяжелым бременем для этой маленькой колонии. Те, кто отправился в Канаду по суше из Нью-Йорка, были легче ассимилированы, и многие важные поселения вдоль северных берегов озер Эри и Онтарио, такие как Кингстон, возникли именно в это время. Этим поселенцам Онтарио было дано, согласно указу Совета в 1789 году, почетное название "Лоялисты Объединенной империи", и они составили костяк Верхней Канады, как тогда называлась провинция Онтарио, и были главным элементом в поражении планов американских стратегов в 1812 году по захвату Канады и присоединению ее к Союзу.

Хотя Нью-Йорк, как правило, считается колонией, в которой во время Революции было больше лоялистов, чем в любой другой колонии, она также предоставила больше войск для армии патриотов, чем любой другой штат, кроме Массачусетса.

Нью-Джерси, в отличие от своих соседей с обеих сторон, была одной из самых англоязычных колоний. Поселения голландцев на севере и разборки нескольких сотен голландцев, шведов и финнов на юге не оставили заметного следа на населении, когда колонизация началась всерьез. Настоящая история колонии начинается в 1664 году, когда английские владельцы, которым она была пожалована, приступили к ее серьезной колонизации.

Северная часть Нью-Джерси представляла собой хаос изрезанных холмов и лесов, которые мало что предлагали поселенцам и до сих пор остаются по большей части пустырями. Южная часть штата также в значительной степени представляет собой пустырь, состоящий в основном из сосновых болот, так что раннее заселение практически ограничивалось двумя районами. На Северной реке, как называли Гудзон, привлекательными были земли вдоль лугов напротив острова Манхэттен, а на Южной реке, как первоначально называли Делавер, была широкая полоса плодородных фермерских земель, которая и привлекла первых

поселенцев. Среди прочих центров Нью-Хейвен основал здесь колонию около 1640 года, но был изгнан голландцами. Кроме того, вокруг Фрихолда и других городов на линии между Нью-Йорком и Филадельфией были чрезвычайно плодородные земли.

Поскольку эти два района были так недоступны друг для друга по прямому сообщению, штат разросся на два отдельных поселения: вдоль западной стороны нью-йоркской гавани, известное как Восточный Джерси, и на берегу реки Делавэр, известное как Западный Джерси. Хотя эти два поселения были объединены административно в 1702 году, они никогда не были полностью объединены фактически, и две части штата даже сегодня достаточно разнообразны, чтобы показать их несколько разное происхождение.

Земли вдоль реки Делавэр были колонизированы, по большей части, непосредственно из Англии квакерами, которые завладели их долей и основали два единственных значимых города в Западном Джерси в колониальный период - Берлингтон в 1667 году и Салем в 1675 году. Те, кто основал Берлингтон, были в основном выходцами из Йоркшира, а также большой группой из Лондона, и они заняли противоположные стороны города: йоркширцы распространились на север, а лондонцы - на юг. Географические трудности препятствовали распространению на юг, поэтому Кейп-Мей был заселен отдельно выходцами из Коннектикута и с Лонг-Айленда. Позже часть французских гугенотов переехала в Западный Джерси, но он всегда оставался по сути английской колонией, в основном квакерской, на которую влияло близкое соседство с единоверцами из Пенсильвании.

Восточный Джерси, как и западный Нью-Йорк, представляет собой более непосредственный форпост Новой Англии. Элизабеттаун был основан в 1665 году эмигрантами, отправленными прямо из Великобритании, а Ньюарк почти в то же время был колонизирован выходцами из Коннектикута, которые поначалу дали ему название своего старого дома, Милфорда. Несколько позже Элизабеттаунская ассоциация продала часть своей территории выходцам из Нью-Гэмпшира и Массачусетса, которые основали два поселка - Вудбридж и Пискатакуа, ныне Нью-Брансуик.

В 1666 году пуритане из Коннектикута также основали на реке Пассаик сначала Гилфорд, а затем Брэнфорд, оба из которых вместе с Милфордом слились в город Ньюарк. Приток новоанглийцев продолжался до тех пор, пока берега залива Ньюарк не стали еще одной новоанглийской колонией. Такие поселения, как Оранж, были в основном пересаженными пуританскими городками.

Вскоре владение Восточным Джерси перешло в руки шотландцев, и около 1684 года началась их постоянная иммиграция. Столица Восточного Джерси, Перт-Эмбой, была названа в честь одного из владельцев, Джеймса Драммонда, графа Перта. Колония вскоре стала и с тех пор остается одним из оплотов шотландского пресвитерианства в Америке, которое нашло свой интеллектуальный центр в создании Принстонского университета.

Долгое время обе части Нью-Джерси были примерно одинакового размера и значения. По мере того как страна между ними постепенно заполнялась, штат медленно рос, и к моменту революции его население оценивалось примерно в 120 000 человек. Еще пятнадцать лет продолжался здоровый рост, и первая перепись населения, проведенная в 1790 году, показала 184 139 жителей. Несколько запутанные детали его развития не должны заслонять тот факт, что Нью-Джерси был одним из самых чисто белых, протестантских, нордических поселений в колониях.

Хотя до прибытия Уильяма Пенна на реке Делавэр, на территории, которую сейчас занимают Пенсильвания и Делавэр, проживало несколько тысяч поселенцев, настоящее заселение

этого региона принято относить к началу его деятельности в 1681 году, когда в качестве штаб-квартиры был основан Упланд, ныне Честер. Годом позже была основана Филадельфия, которая, несмотря на столь позднее начало, росла так быстро, что Уильям Пенн, квакер, после своей смерти с удовлетворением узнал, что Город братской любви был самым большим в Северной Америке.

Хотя основу колонии составляли английские квакеры, у Пенна были амбициозные идеи создания штаб-квартиры для других единомышленников, и к этому идеализму, очевидно, примешивались солидные коммерческие амбиции, которые заставили его и его агентов широко рекламировать достоинства колонии. Земельная система, в отличие от Вирджинии или Новых Нидерландов, благоприятствовала поселенцам с небольшими средствами. Английские и валлийские фермеры быстро присвоили себе территорию вдоль западной стороны реки Делавэр от Трентона до Уилмингтона.

Пенн поддерживал дружеские отношения с протестантскими лидерами на юге Германии, и, похоже, он и его агенты обладали необыкновенным талантом находить неясные и своеобразные секты и уговаривать их эмигрировать в новую колонию. Один только список странных религиозных конфессий, которые вскоре расцвели в Пенсильвании, вызывает недоумение, а попытка определить их особенности, которые для них казались более чем вопросами жизни и смерти, совершенно не под силу современному студенту, не сведущему в теологии XVII века.

Джермантаун был основан в октябре 1673 года, став первым форпостом альпийской расы на нынешней территории Соединенных Штатов. Его основателями были меннониты, но позже к ним присоединились данкарды или тункера, то есть дипперы, которые придерживались действенности крещения погружением.

В целом, немцы, приехавшие в Пенсильванию в первые четверть века ее заселения, принадлежат к этим различным сектам, в то время как после этого иммиграция состояла из несколько более однородной массы приверженцев лютеранской или реформатской церкви. Это различие вскоре стало признанным для легкого разделения "пенсильванских голландцев", как стали называть эту смешанную группу альпийцев, не очень правильно, от ассимиляции *пенсильванских дойчей*. При упоминании такого человека можно было спросить: "Он принадлежит к сектам или к церковному народу?"

Некоторые из них, например, лабадисты из Фрисландии, поселившиеся в округе Нью-Касл, штат Делавэр, были выходцами из Голландии или частей Германии, граничащих с Голландией, но основная масса "пенсильванских голландцев" происходила из Рейнских провинций, особенно из Эльзаса и Пфальца, с обильным вкраплением северных французских протестантов, которые были вынуждены пересечь границу, а другие - из Австрии и Пруссии и даже из Северной Италии. Собственно говоря, вплоть до мировой войны американцы называли всех немцев "голландцами".

Хотя Пфальц составлял лишь часть иммигрантов, его имя вскоре стало использоваться всеми подобными переселенцами, так что термин "палатин" стал общим обозначением немецкоязычного иммигранта; в старых записях можно найти даже такие аномалии, как упоминание о "палатине из Гамбурга". Важным центром их рассеяния был город Крефельд у границы Голландии.

Колонии в целом, будучи в подавляющем большинстве типично британскими, с подозрением смотрели на любые чужеземные группы, а Новая Англия, в частности, вероятно, вообще не поощряла приезд альпийцев. Виргиния с ее Англиканской церковью и самосознанием англичан также не была расположена к гостеприимству по отношению к такой большой группе иностранцев.

Губернатор Оглторп привлек некоторых из них в Джорджию, но не очень успешно, о чем будет сказано ниже. Одна из важных групп его поселенцев, частности, моравцы, покинули Джорджию около 1739 года, потому что им пришлось взять в руки оружие против соседних испанцев во Флориде. Они перебрались в Пенсильванию, где в 1741 году основали город Вифлеем, который с тех пор является их штаб-квартирой.

Изначально Нью-Йорк принял палатинов, но вскоре обошелся с ними настолько плохо, что впоследствии почти все суда с немецкими иммигрантами шли прямо из голландских портов на Делавэр, а если случайному кораблю приходилось высаживаться в Нью-Йорке, его пассажиры быстро переправлялись через Джерси на более гостеприимную территорию.

Даже в Пенсильвании вторжение немцев в конце концов стало вызывать тревогу среди англоязычной и преобладающей части населения. В Виргинии такое отношение к якобы чуждым расам сохранялось с момента появления первого постоянного поселения. Вдохновленные идеей создания великой промышленности, владельцы этой колонии отправили со "вторым запасом" небольшую группу из восьми ремесленников из Германии и Польши, которые были искусными стеклоделами. Английские колонисты обвинили их в измене индейцам, а летописец поселения с отвращением называет их "проклятыми голландцами".

Бенджамин Франклин, который в 1753 году в письме к Питеру Коллинсону высказал свое мнение о некоторых из своих сограждан, всего лишь отразил отношение к ним, которого в целом придерживались английские колонисты, когда заявил:

"Те, кто приезжает сюда, как правило, самые глупые из своей собственной нации, и, поскольку невежество часто сопровождается легковерием, когда доброта может ввести его в заблуждение, и подозрительностью, когда честность может все исправить; и поскольку немногие из англичан понимают немецкий язык и поэтому не могут обращаться к ним ни из прессы, ни с кафедры, почти невозможно устранить любые предрассудки, которые они могут иметь. Их духовенство имеет очень мало влияния на народ, который, кажется, получает удовольствие от того, что по каждому пустяковому поводу оскорбляет и отстраняет священника. Не привыкшие к свободе, они не знают, как скромно ею воспользоваться. И как Холбен говорит о молодых хоттентотах, что их не считают мужчинами, пока они не покажут свою мужественность, избивая своих матерей, так и эти, похоже, не считают себя свободными, пока не почувствуют себя свободными, издеваясь и оскорбляя своих учителей. Таким образом, они не сдерживаются церковным правительством; однако в настоящее время они ведут себя достаточно покорно по отношению к гражданскому правительству, и я хотел бы, чтобы они продолжали это делать, ибо я помню, как они скромно отказывались вмешиваться в наши выборы, но теперь они приходят толпами и несут все перед собой, за исключением одного или двух графств".^[7]

"Мало кто из их детей в стране знает английский язык. Они импортируют много книг из Германии; и из шести типографий в провинции две полностью немецкие, две наполовину немецкие, наполовину английские, и только две полностью английские.

У них есть одна немецкая газета и одна полунемецкая. Рекламные объявления, предназначенные для общего пользования, теперь печатаются на голландском и английском языках. Вывески на наших улицах имеют надписи на обоих языках, а в некоторых местах только на немецком. В последнее время они начинают составлять все свои облигации и другие юридические документы на своем языке, что (хотя я думаю, что этого не должно быть) разрешается в наших судах, где немецкие дела настолько увеличиваются, что постоянно требуются переводчики; и я полагаю, что через несколько лет они будут необходимы и в Ассамблее, чтобы объяснять половине наших законодателей, что говорит другая половина.

"Короче говоря, если поток их импорта не направить из этой колонии в другие, как вы очень разумно предлагаете, они скоро настолько превзойдут нас, что мы, по моему мнению, не сможем сохранить наш язык, и даже наше правительство станет шатким. Французы, которые следят за всеми преимуществами, теперь сами создают немецкое поселение, позади нас, в стране Иллинойс, и с помощью этих немцев они могут со временем прийти к взаимопониманию с нашими; и, действительно, в последней войне^[8] наши немцы проявили общий нрав, который, казалось, не предвещал нам ничего хорошего. Ибо, когда англичане, которые не были квакерами, встревоженные опасностью, вытекающей из незащищенного состояния нашей страны, единодушно вступили в ассоциацию, и в рамках этого правительства и Нижних графств собрали, вооружили и дисциплинировали около десяти тысяч человек, немцы, за исключением очень немногих в пропорции к их численности, отказались участвовать в ней, выдавая, один среди другого, и даже в печати, что, если они будут вести себя тихо, французы, если они возьмут страну, не будут приставать к ним; В то же время они поносили филадельфийцев за то, что те снарядили каперы против врага, и представляли хлопоты, опасности и расходы на защиту провинции как более серьезные неудобства, чем те, которые могут возникнуть в результате смены правительства. И все же я не за то, чтобы полностью отказать им в приеме в наши колонии. Все, что мне кажется необходимым, - это распределить их более равномерно, смешать с английскими школами, где они не слишком густо расселены, и позаботиться о том, чтобы предотвратить практику, в которую в последнее время впали некоторые судовладельцы, считая немецкие тюрьмы, чтобы восполнить число своих пассажиров. Я говорю, что не против приема немцев в целом, ибо у них есть свои достоинства. Их промышленность и бережливость достойны подражания. Они отличные земледельцы и вносят большой вклад в благоустройство страны".

К 1727 году англичане в Пенсильвании были достаточно встревожены масштабами нашествия палатинцев, чтобы потребовать тщательного учета количества прибывающих каждый год, так что с этого момента ведется полный официальный учет всех иностранцев, прибывающих в порт Филадельфии. К тому времени в провинции уже находилось, вероятно, пятнадцать или двадцать тысяч немцев, а упомянутая запись показывает, что между 1727 и 1745 годами на кораблях прибыло около 22 000 человек. К этому числу, конечно, следует добавить высокий естественный прирост уже поселившихся.

Поскольку англичане заранее захватили большую часть желаемых земель вдоль реки Делавер и вокруг Филадельфии, немцы, для которых приобретение сельскохозяйственных земель было доминирующей страстью, в основном ушли на запад от английских поселений и образовали пояс, где на их языке говорили и, в разрозненных группах, говорят по сей день. Они заполнили долины рек Лихай и Шуилкилл и заняли полосу плодородных земель, начинающуюся в восточной Пенсильвании на реке Делавер, проходящую на запад к реке

Саскуэханна через города Аллентаун, Рединг, Ливан, Ланкастер и далее вниз к долине Камберленд на границе с Мэрилендом, где у них был естественный выход в западную Виргинию и на юг. Ярус графств к северу от этого пояса и вдоль границ Нью-Йорка был сравнительно мало задействован ими, и его заполнили в основном поселенцы из Коннектикута. Приток английских и немецких сектантов был настолько быстрым, что за три года после основания провинция Пенна достигла такого же роста, как и Новые Нидерланды за первые полвека своего существования.

Первые квакеры, принадлежавшие к привилегированной группе, стали преуспевать, и многие из них, обнаружив, что строгие таинства их секты несколько угнетают, стали англиканами. Таким образом, Англиканская церковь заняла важное положение в Филадельфии, которое она сохраняла вплоть до революции. В целом она представляла лоялистский элемент и поэтому частично распалась, когда они покинули город в конце войны. Революция была в значительной степени кальвинистской, и в большинстве северных колоний к лоялистской церкви относились с пренебрежением.

Вторжение ольстерских шотландцев в Пенсильванию началось вскоре после того, как началась немецкая иммиграция. В течение нескольких лет подавляющее большинство ольстерских иммигрантов в Америку направлялось прямо к берегам Делавэра. Пресвитерианские общины существовали в важных городах колонии около 1700 года, а в течение следующего десятилетия шотландцы создали многочисленные поселения в округе Нью-Касл, штат Делавэр, и по обе стороны границы между Пенсильванией и Мэрилендом в месте ее пересечения с линией Делавэра.

Когда в 1720 году начался большой поток эмиграции из Ольстера, шотландцы обнаружили, что лучшие и наиболее доступные земли в Пенсильвании заняты англичанами, а следующий пояс прочно удерживают немцы. Поэтому в целом они были вынуждены обойти эти две территории и поселиться дальше на западе, в частности в долине Камберленда, важными центрами которой сегодня являются Геттисберг, Йорк и Карлайл. В этом районе географическая изоляция привела к созданию на юге отдельной церкви, Камберлендской пресвитерианской, несколько отличающейся по своим догматам от пресвитерианства Филадельфии и Делавэра.

Число шотландцев, покинувших Ольстер и переселившихся в Пенсильванию, точно не известно, но, возможно, оно превысило 40 000 или 50 000 человек. В сочетании с иммиграцией из Палатина в тот же период приток в Пенсильванию в 1730-х годах стал крупнейшей миграцией из Европы в Новый Свет, которая когда-либо происходила до наступления эпохи паромства.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РОСТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

В поисках новых и более свободных земель шотландцы вместе с некоторыми немцами начали двигаться по горным долинам, идущим на юго-запад от Пенсильвании. За несколько лет они не только заполнили долину Шенандоа, но и проникли в глубинные районы южных колоний и в восточную часть нынешнего штата Теннесси.

Хорошей иллюстрацией этой миграции является Дэниел Бун, выходец из английской семьи, который родился на реке Делавэр в нескольких милях от Филадельфии. Вскоре семья Бунов переехала в Рединг. Затем, двигаясь на юго-запад вместе со своими соотечественниками, Дэниел Бун поселился на возвышенностях Северной Каролины, в долине реки Ядкин, затем перешел за пределы Кентукки и, после того как это место стало цивилизованным, отправился в качестве первопроходца в Миссури. Его сын чуть позже стал одним из первых поселенцев Канзаса, а внук - первопроходцем в Колорадо.

Когда в 1768 году земли к западу от Аллеганий были открыты для заселения, шотландцы из Ольстера стали стекаться к горным перевалам. Помимо склонности к пограничной жизни и неутолимого желания найти новую и дешевую землю, они хотели уехать подальше от своих соседей, пенсильванских голландцев, с которыми обычно жили не в самых лучших отношениях. Питтсбург быстро превратился в нордическую территорию, заселенную в основном шотландцами из Ольстера.

Этих потоков иммиграции к 1740 году было достаточно, чтобы Пенсильвания обогнала и обошла по численности населения все остальные колонии, кроме Мэриленда, Массачусетса и Вирджинии, хотя большинство из них были основаны на поколение раньше, чем поселение Пенна. Десятилетие спустя Мэриленд был обойден, а сразу после революции Массачусетс был превзойден, в то время как Филадельфия оставалась метрополией Соединенных Штатов, пока в первой половине девятнадцатого века ее окончательно не превзошел Нью-Йорк.

Высказанное Бенджамином Франклином предположение о том, что в конце колониального периода треть населения принятого им штата составляли англичане, треть - шотландцы и треть - немцы, было недалеко от истины. Несмотря на то, что население штата в то время

составляло уверенное большинство британцев по происхождению и англоговорящих, немцы оставались элементом, который невозможно ассимилировать, пока они продолжали жить обособленно в своих собственных общинах, среди которых Ланкастер был крупнейшим внутренним городом в тринадцати колониях.

Те из немцев, которые уехали в пограничные штаты, были ассимилированы северными группами без особых проблем; но опыт фермерских общин пенсильванских голландцев напоминает опыт некоторых городских трущоб прошлого века, представляя собой группы, почти не поддающиеся американизации. Даже в настоящее время этот альпийский островок населения все еще сохраняет многие из своих чужеродных черт. По этой, а также по другим причинам немецкий элемент в Пенсильвании во время революции играл относительно незначительную роль в делах штата, о чем свидетельствует приведенная выше цитата из Франклина. Доминирующим элементом была группа вокруг Филадельфии, состоявшая в основном из исконно английских квакеров; но пенсильванские голландцы на своих фермах и шотландцы на границе составляли большой контингент, с которым политикам приходилось иметь дело, хотя они редко были представлены в правительстве и на руководящих кораблях колонии. Немецкий элемент был склонен следовать за руководством квакеров, по приглашению которых он прибыл в Пенсильванию. Шотландцы, с другой стороны, были склонны к восстаниям, когда возникал повод, как, например, во время восстания виски, которое стало одним из первых испытаний власти федерального правительства в период президентства Вашингтона.

Утверждение о том, что половина ольстермцев была приверженцами "установленной церкви", а не пресвитерианами, несомненно, является крайностью, но подчеркивает типично неирландский и протестантский характер этого элемента населения, а также тот факт, что многие ольстермцы не были шотландцами, и даже не шотландцами низменности, чьи предки перебрались на север через границу из Англии; они были прямыми эмигрантами из Англии в Ирландию, некоторые даже позже и даже после эпохи Кромвеля.

Делавэр был рассмотрен вскользь в том, что было сказано о Пенсильвании, поскольку он был частью Пенсильвании в первый период колонизации. Незначительные попытки поселиться там предпринимали голландцы и шведы, из которых наиболее известны шведы, но население региона к моменту прибытия Пенна состояло в основном из англичан, переселившихся туда при герцоге Йоркском.

В 1633 году английский дворянин лорд Балтимор, который уже много лет добивался расположения монархии Стюартов, объявил, что обратился в папство, и, с рвением новообращенного, пожелал основать в Новом Свете колонию, где католики, в то время находившиеся в Великобритании под тяжелыми ограничениями, могли бы пользоваться религиозной свободой. Он подал прошение, и Карл I выдал ему хартию на основание полуфеодалного владения с условием, что свобода вероисповедания должна преобладать.

Если задуматься о том, какой вой возмущенной добродетели поднял бы народ Великобритании и какой ураган обрушился бы на голову монарха, если бы он предоставил католикам хартию, не оговорив свободу вероисповедания, то становится ясно, что хваленая "толерантность" колонии лорда Балтимора была не совсем свидетельством его собственных широких взглядов. Однако эта терпимость имела свои пределы. Неверие в доктрину Троицы было смертным преступлением.

В 1634 году маленький городок Сент-Мэри был основан как центр новой колонии. Немногие католики на родине, похоже, захотели воспользоваться открывшимися возможностями, и лорд Балтимор начал искать арендаторов в других местах. Уже в 1634 году он писал в Бостон

и призывал жителей Массачусетса эмигрировать, но первое большое нашествие пуритан произошло в 1649 году.

Воодушевленные энтузиазмом в отношении дела короля, после того как он потерял голову, виргинцы под руководством губернатора Беркли приняли постановления, изгоняющие нонконформистов из их колонии, и тысяча из них, которые ранее отправились из Новой Англии в Виргинию, были изгнаны и нашли убежище в Мэриленде, основав поселение, которое позже стало Аннаполисом.

В течение следующего поколения большинство прибывших в Мэриленд были либо пуританами, либо квакерами. Политика веротерпимости не распространялась на квакеров, которые по закону 1659 года должны были быть выпороты из любого города, в который они въезжали, но эта мера, похоже, применялась недолго, и английские квакеры из других колоний вскоре составили важную часть населения.

В 1689 году до Нового Света дошла весть об изгнании Якова II и занятии британского трона бескомпромиссным протестантским домом Оранских. Пока Яков II находился на троне, в колониях возникла общая тревога по поводу перспектив католической агрессии.

Во многих колониях проживали беженцы-гугеноты, изгнанные из Франции всего за несколько лет до этого из-за своего протестантизма, и поэтому в каждой колонии были люди, знавшие об отмене Нантского эдикта и последовавших за этим страшных преследованиях. Трагедия Тридцатилетней войны также была еще свежа в памяти многих.

Поэтому в Америке не было склонности рассматривать католиков как группу, которая, придя к власти, сможет отличиться политикой широкой веротерпимости, и единственная колония, в которой было сколько-нибудь заметное число католиков, а именно Мэриленд, естественно, наиболее остро ощущала ситуацию. Однако на тот момент число католиков в колонии, даже с учетом негров, составляло всего несколько тысяч человек, а их столица Сент-Мэри была деревушкой, состоящей всего из шестидесяти домов. Вероятно, одиннадцать-двенадцать двенадцатых населения Мэриленда составляли протестанты, и большинство из них были пуританами. Не теряя времени, они предприняли шаги по защите своей свободы, которую, как они знали, католическая церковь никогда бы не потерпела, если бы могла поступить иначе, и в результате самодельной революции свергли собственническое правительство и установили жесткий протестантский режим. Однако при новом правлении немногочисленные католические жители не пострадали, но были поставлены примерно в те же условия, в которых они уже давно жили в Великобритании. После этого маленькому римско-католическому княжеству в Соединенных Штатах пришел конец, и тогдашний лорд Балтимор, четвертый обладатель этого титула, вскоре смирился, вернувшись к протестантской вере своих предков.

Революция 1689 года стоила Сент-Мэри существования, поскольку пуритане перенесли столицу в свой собственный город Провиденс (переименованный в Аннаполис), и штаб-квартира римских католиков вскоре отошла в глушь.

Мэриленд продолжал оставаться почти полностью английской колонией, с более чем достаточной долей негров и перевезенных каторжников, а также с очень незначительной примесью иностранцев, как и во всех других колониях. Когда в 1755 году из Новой Шотландии были перевезены акадийцы, значительное их число было высажено в Мэриленде.

Балтимор, основанный в 1729 году, прозябал четверть века, но в десятилетие перед революцией начал расти с такой быстротой, что через несколько лет стал одним из полудюжины самых значительных городов континента.

Внутренняя часть Мэриленда была заселена независимо от Пенсильвании, в значительной степени шотландцами из Ольстера и Палатина, хотя на эту дешевую землю также постоянно посягали люди из прибрежных районов, которые не могли получить фермы в более дорогом и фешенебельном, а также процветающем регионе.

К революции население Мэриленда достигло 250 000 человек. Возможно, одна седьмая часть этого населения приходилась на округ Фредерик, где палатины начали селиться еще в 1710 году и куда они стали прибывать в большом количестве примерно после 1730 года. Несмотря на этот элемент глубинки, Мэриленд на момент первой переписи населения следует признать англосаксонской колонией по культуре, традициям, языку и численности населения.

ССЫЛКИ:

[7] Он пишет о Пенсильвании.

[8] Французская и индейская война.

VII

ВИРДЖИНИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Заселение Виргинии, начавшееся с Джеймстауна в 1607 году, отличалось от заселения северных и средних колоний. Это был не колонизационный проект, предпринятый семьями, а эксплуатация авантюристами. В каком-то смысле его можно сравнить с Клондайкской золотой лихорадкой в конце XIX века. Люди отправлялись на поиски удачи, рассчитывая вернуться через несколько лет с вновь приобретенным богатством. Пестрый набор колонистов, отправленных в Джеймстаун Компанией в течение первого десятилетия деятельности, кажется, был набран из всех частей Британских островов и всех слоев общества.

Через десять или дюжину лет владельцы поняли, что богатство их плантаций будет заключаться не в золоте и жемчуге, а в реальном проекте колонизации, который может быть построен только на фундаменте семейной жизни. Раннее признание этого факта было одним из главных источников силы во всех британских колонизациях, и владельцы колонии Вирджиния, продолжая поощрять мужчин всех мастей отправляться в свое поселение на реке Джеймс, предприняли одно из знаменитых евгенических предприятий в истории, отправив несколько кораблей с молодыми женщинами, чтобы создать дома для своих поселенцев. Судя по всему, это начинание было осуществлено с добрыми намерениями и здравым смыслом, и результат оказался весьма успешным. Однако чуть позже постоянный спрос на жен привел к своеобразному трафику, который, вероятно, привел к менее тщательному отбору женского населения для плантаций. В целом, вероятно, будет справедливо сказать, что "Первые семьи Виргинии" представляли собой более высокий социальный стандарт в мужской, чем в женской линии.

1619 год был насыщен расовыми событиями. В Джеймстаун прибыл первый корабль с "неподкупными девками в жены" и первый груз негров. Следующие полвека привели к развитию плантационной системы и распространению негритянского рабства, а проблема смешения негритянских женщин с самым низким и неинтеллектуальным типом белых слуг вышла на первый план. Так возникла группа мулатов, которая с тех пор является характерной чертой негров в Соединенных Штатах. Тем поклонникам мулатов, которые хвастаются, что в их жилах течет голубая кровь аристократических семей Юга, не мешало бы почитать реальные записи Вирджинии и других колоний XVII века и посмотреть, какая белая раса на самом деле легла в основу этой половины гибридной группы.

Первые четверть века колония продолжала расти за счет привлечения добровольных искателей приключений, на которых правило выживания сильнейших их действовало так сильно, что, вероятно, выжившие были довольно приспособленными людьми. Отказ от первоначальной компании собственников в 1624 году привел к заметным изменениям в способе заселения колонии, и в течение следующего поколения основной массе переселенцев так или иначе помогали добраться до Виргинии и позволяли отработать деньги, полученные за их труд после прибытия.

В лучшем случае колонизационные планы, которые британские колонии всегда использовали, чтобы заполучить желанных поселенцев из "дома", мало чем отличались друг от друга. В случае с Виргинией это привело к появлению энергичного населения всех мастей, а название "наемный слуга" охватывает не только домашнюю прислугу на кухне и рабочих на табачном поле, но и подмастерьев ремесленников и студентов-медиков. В крайне тяжелых условиях многие из этих иммигрантов не смогли выжить. Губернатор Беркли утверждал, что четверо из пяти умерли в течение первого года проживания, а дневник Эвелин заявил, что пятеро из шести скончались. Такие заявления, по крайней мере, указывают на чрезмерно высокую смертность, которая, должно быть, чаще всего пощадила тех, кто был физически и умственно сильнее и хорошо приспособлен к тому, чтобы стать одним из основателей новой колонии. Поэтому кажется очевидным, что значение этих наемных слуг в последующем развитии Виргинии, как и других колоний, не следует считать пропорционально количеству прибывших, а оценивать по гораздо меньшему числу тех, кто выжил и основал семьи.

Еще один тип иммигрантов, о котором много слышали, - это депортированные заключенные. Некоторые из них, очевидно, были людьми, обманувшими виселицу, поскольку виргинцы постоянно протестовали против их прибытия. Однако очевидно, что гораздо большее их число составляли люди, превосходящие их по многим параметрам. Когда в Англии почти триста преступлений карались смертной казнью, многие из осужденных не были людьми, отличавшимися большой моральной испорченностью, и так называемый "перевезенный каторжник" с равным успехом мог быть пиратом или проповедником, упорно продолжавшим излагать Евангелие без соответствующей лицензии церковных властей на это.

Многие были политическими заключенными, временно оказавшимися на стороне проигравших; еще больше было просто военнопленных. Во времена Протектората после таких побед, как Данбар и Вустер, и подавления Кромвелем ирландского восстания в 1652 году последовала депортация военнопленных в колонии, и правительство сочло вполне оправданным возместить часть расходов на перевозку, продавая услуги этих трудоспособных и умных мужчин на семь лет тому, кто больше заплатит. Несомненно, большая часть такого фонда, сохранившегося для увековечивания, была бы полностью пригодна для колонизации. В тот же период многие кавалеры нашли убежище в Виргинии.

Когда после 1660 года роялисты вновь оказались у власти, в колонии хлынул поток солдат Содружества и нонконформистов. Восстание шотландцев в 1670 году принесло Вирджинии еще одну ак уступку, а в 1685 году сюда были сосланы многие из пленных в битве при Седжмуре. Виргинцы приветствовали такой труд, заметно отличаясь от настоящих преступников, которых, судя по всему, было всего несколько тысяч. Примерно после 1700 года распространение негритянского рабства снизило спрос на белую подневольную рабочую силу, и ее стало поступать меньше.

Среди огромного разнообразия мужчин и женщин, привезенных этими и другими путями, есть те, кто входит в родословную лучших семей Вирджинии в настоящее время, и те, кто с самого начала был неудачником в колонии. Те из них, кто выжил после тяжелых испытаний табачных полей, либо сбежали, либо, когда срок их службы истек, ушли на границы поселения.

Владения в Виргинии были большими и далеко не по карману простому человеку без капитала, что заметно контрастировало с условиями в Новой Англии, где подавляющее большинство поселенцев были мелкими землевладельцами. Поэтому освобожденные кабальеры вынуждены были отправляться на границу или спускаться в Северную Каролину или другой регион, где им не мешала нехватка средств. Самые беспечные и не очень умные из них, как правило, собирались на менее ценных землях на окраине цивилизации или уходили в другие подобные поселения дальше на запад и юг. Так возник один из своеобразных элементов населения Юга - "бедные белые отбросы". Их число пополнялось из поколения в поколение такими же, как они, в то время как способные, предприимчивые и изобретательные члены постоянно уходили в города или искали лучшей земли в других местах. Эти "бедные белые" в Аллеганах и на болотистых землях Северной и Южной Каролины были интересной особенностью населения на протяжении трех столетий. В значительной степени принадлежащие к чисто нордической расе, они являются для евгенистов ярким примером результатов изоляции и нежелательного отбора.

Во времена Стюартов Виргиния была прибежищем многих пуритан. Однако преобладающие роялистские настроения смотрели на них с неприязнью, а деятельность сэра Уильяма Беркли на посту губернатора была такова, что не менее тысячи человек покинули колонию. Их место заняли роялисты, которым губернатор предложил найти убежище в Виргинии, как только пришло известие о казни Карла I. В течение следующих двенадцати месяцев появилась, вероятно, тысяча роялистов, среди которых было много фамилий, с тех пор занимающих видное место в Старом Доминионе. Ричард Ли приехал немного раньше, в 1642 году, но именно после смерти Карла I в Вирджинии можно встретить такие фамилии, как Рэндольф, Кэри, Парке, Робинсон, Маршалл, Вашингтон и Ладвелл.

Место происхождения большинства роялистов в Великобритании не так легко проследить, как место происхождения пуритан из Массачусетса, которые приезжали в Америку группами, иногда целыми общинами, но случайные выборки семей, которые впоследствии составили выдающихся лидеров, показывают, что они приехали практически из всех уголков Англии и Шотландии: Уошингтоны из Нортгемптоншира, Маршаллы и Джефферсоны из Уэльса, Лисы из части Шропшира, примыкающей к Уэльсу, а Рэндолфы из Уорикшира. Предки Джеймса Монро были шотландцами, а отец Патрика Генри родился в Абердине. Их объединяло, по крайней мере, одно: они были выходцами из Англии и Северной Европы. Изучение списков земельного управления в Ричмонде показывает, что 95 процентов имен землевладельцев семнадцатого века были явно англосаксонскими.

Население прибрежных районов было плодовитым и неуклонно распространялось до линии падения рек за счет собственного размножения. Мужчины и женщины рано вступали в брак. Полковник Берд описывал свою дочь, Эвелин, как "античную девственницу", когда ей было двадцать. "То ли наши молодые парни недостаточно умны для нее, то ли она слишком умна для них", - стонал он. В условиях высокой смертности вторые браки были обычным делом. В последнее время сентиментальные феминистки часто ссылаются на то, что большие семьи колониального периода создавались мужьями, которые таким образом убивали одну жену за другой. Подобная чепуха легко опровергается изучением генеалогий и надгробий. Многие мужья были вынуждены жениться на нескольких женах из-за высокой смертности, но столь же многие жены были вынуждены выходить замуж за нескольких мужей по той же причине.

Тяжелая работа, антисанитарные условия и роды без надлежащего ухода у женщин-первопроходцев уносили не больше жизней, чем тяжелая работа, антисанитарные условия и войны с индейцами у мужчин. Если полковник Джон Картер женился на пяти женах подряд в эпоху, когда разводы были неизвестны, то Элизабет Манн вышла замуж за шестерых мужей.

В то время как чисто нордическое население занимало прибрежную Виргинию к востоку от Голубого хребта, другое нордическое вторжение из совершенно другого источника проникало в горную Виргинию по другую сторону гор. Долина Шенандоа - это практически продолжение внутренних долин Пенсильвании; и хотя отдельные пионеры прокладывали себе путь к ней через горы с восточной стороны, настоящее заселение началось через боковую дверь примерно в 1725 году и достигло масштабов вторжения около 1732 года.

Ольстерские шотландцы, пришедшие через Пенсильванию, начали то проникновение в Пьемонт с севера на юг, которое так ярко характеризует историю южноатлантического побережья в течение следующего столетия. Вместе с ними было несколько альпийцев, в основном немцев из Палатина, представителей так называемых пенсильванских голландцев.

Когда генерал Брэддок, чья армия была почти уничтожена французами и индейцами в 1755 году, вздохнул: "Кто бы мог подумать?" и ушел из жизни, он, тем не менее, расчистил дорогу для быстрого распространения этой иммиграции по горным долинам не только в Виргинию, но и дальше через Каролины и в Джорджию. Его путь через несколько лет продолжил путь генерала Форбса через ту же страну, и путь был открыт.

Таким образом, горные и возвышенные районы Вирджинии оказались представлены группой людей с совершенно иным мировоззрением, чем жители прибрежных районов, где доминировали крупные землевладельцы. Это разнообразие первоначальных поселений, которое имело достаточное значение, чтобы во время Гражданской войны произвести раскол штата и утвердить Западную Виргинию в качестве свободной земли, все еще проявляется и дает о себе знать в двадцатом веке.

Северная Каролина представляет собой поток, хлынувший из Виргинии на Юг. Это была граница Старого Доминиона, где безземельным людям было легче найти новые дома, чем на западе, где они сталкивались с Голубым хребтом. В 1653 году виргинцы, не согласные ни с установленной религией, ни с политическим управлением своей колонии, основали поселение в Альбемарле. Большинство из них были квакерами.

Приняв необычайно либеральный свод законов, который приветствовал несостоятельных должников, списывая их долги, эта колония привлекла элемент, к которому более консервативные виргинцы относились с подозрением. Постоянное проникновение

искателей земли привело к устойчивой колонизации, и постепенно прибрежная часть Северной Каролины превратилась в отдельный регион, не очень густо заселенный, не очень процветающий и ничем не выделяющийся. После отмены Нантского эдикта сюда перебрались несколько французских гугенотов. В 1710 году группа палатинцев, покинувших свои немецкие дома из-за религиозных преследований и нашедших убежище в Англии, была переправлена в Северную Каролину благодаря предприимчивости пары швейцарских промоутеров, искавших колонистов. Из вежливости к промоутерам поселение получило название Нью-Берн, что привело к всеобщему предположению, что его жители были швейцарцами. На самом деле почти все они были немецкими альпийцами.

Еще одна иммиграция, на этот раз нордическая, началась несколько лет спустя, когда шотландские горцы, разочарованные результатами восстания 1715 года, поднятого на стороне Старого Претендента, бежали из страны и прибыли в Северную Каролину, основав поселение на реке Кейп-Фир. Позже, после краха "Молодого притворщика" в 1745 году, горцы снова оказались в плохой ситуации на родине. Корабль за кораблем прибывали в Уилмингтон в 1746 и 1747 годах. Эта эмиграция шотландских горцев продолжалась вплоть до революции, во время которой они, как ни странно, проявили себя лояльными к Ганноверской династии и в основном сражались как лоялисты против континенталов.

Общий распад клановой системы и сопутствующее ему бедственное положение в Горных горах стали причиной большей части этой эмиграции, хотя некоторые шотландцы были депортированы в качестве военнопленных. Кэмпбеллтаун стал центром их поселения, и жаль, что его нынешнее название Файеттвилль скрывает его интересную историю. Говорят, что некоторые из горцев взяли с собой скот, и они продвигались в глубь штата из-за больших площадей сочной травы и гороха, тянувшихся к горам, которые служили отличным кормом для их стад.

Сочувственное покровительство Габриэля Джонстона, губернатора провинции с 1734 по 1752 год, было в значительной степени ответственно за прием, оказанный этим горцам. Будучи сам шотландцем, он находился под сильным подозрением в том, что не слишком лоялен к короне. Во всяком случае, благодаря его гостеприимству в Северную Каролину прибыла самая большая группа горцев-шотландцев, приехавших в колонии. Эти люди чистейшей нордической крови представляют собой антропологически избранную группу. Не случайно, что самый высокий средний рост населения в Соединенных Штатах в настоящее время наблюдается именно в тех округах Северной Каролины, которые были заселены шотландскими горцами после того, как "Бонни Принц Чарли" перестал быть политической возможностью.

В то время как в глубь Северной Каролины с морского побережья проникали шотландские горцы, шотландцы из низменных районов стекались в нее вдоль подножия гор из Пенсильвании и Мэриленда через Виргинию. Это был основной источник роста населения в XVIII веке, который до сих пор придает штату характерный цвет. Вместе с шотландцами из Ольстера приехали, как уже говорилось выше, и некоторые немецкие поселенцы, привнеся таким образом в штат небольшой альпийский элемент. Южный регион приливов и отливов также развивался одновременно с северным продолжением поселений из Южной Каролины.

Южная Каролина была заселена лишь немного позже Северной Каролины: в 1665 году здесь был основан Старый Чарльз-Таун. Это поселение, вскоре переместившееся через реку и

вверх по ней в более удобное место, процветало и расширялось, пока не стало Южной Каролиной.

Изначально этот регион был своего рода ответвлением Вест-Индии, но спустя несколько лет он привлек внимание беженцев-гугенотов, возможно, потому, что за сто лет до этого Колиньи выделил его как желательный дом для них. Она привлекла большую часть французских беженцев, чем любая другая колония; и хотя поначалу они были нежелательны для англичан, которые владели ими, вскоре они ассимилировались с англосаксонским населением, с которым были идентичны по расовой принадлежности, и стали важным элементом в строительстве государства. В колониальные и революционные времена Гендрон, Югер, Лезеррьюрье, де Соссюр, Лоренс, Ланье, Севьер и Равенель - все гугеноты, отличившиеся на службе государству.

Создание крупного сельского хозяйства с плантациями риса или индиго резко ограничило возможности заселения прибрежной части Южной Каролины, и она превратилась в страну крупных хозяйств, на которых работали негры-рабы под руководством надсмотрщиков. При этом владельцы в основном строили свои дома в Чарльстоне или в его окрестностях и вывели его на место четвертого по значимости города колонии.

Рост колонии был бы медленным, если бы не приток ольстерских шотландцев, пришедших с севера вдоль подножия гор после середины XVIII века. Таким образом, возвышенность стала сильно отличаться от прибрежной зоны, причем настолько, что в Южной Каролине, как и в Северной Каролине и Вирджинии, за несколько лет до Гражданской войны встал вопрос о том, не расколется ли штат по вопросу рабства, и население возвышенности было подстрекаемо к отделению только благодаря резким действиям политических лидеров рабовладельческих регионов.

Другие мелкие элементы легко влились в нордическое население штата, но потери колонии были велики, когда лоялисты покинули ее после революции. 13 и 14 декабря 1782 года из Чарльстона отплыли 300 кораблей, на которых находились не только солдаты, но и более 9000 гражданских лиц и рабов. Половина из них отправилась в Вест-Индию, а большинство - во Флориду, где те из них, кто впоследствии не уехал, предположительно были реинкорпорированы в состав Соединенных Штатов спустя поколение. С другой стороны, сотни гессенских дезертиров оставались в общине, как это происходило и в других колониях, что положило начало первой заметной иммиграции северных немцев в штат. Как уже отмечалось ранее, большая часть так называемой палатинской иммиграции немцев в XVIII веке была альпийской, что резко контрастировало с северогерманскими нордиками, которые в большом количестве приехали в эту страну в середине XIX века после бесплодных революций 1848 года.

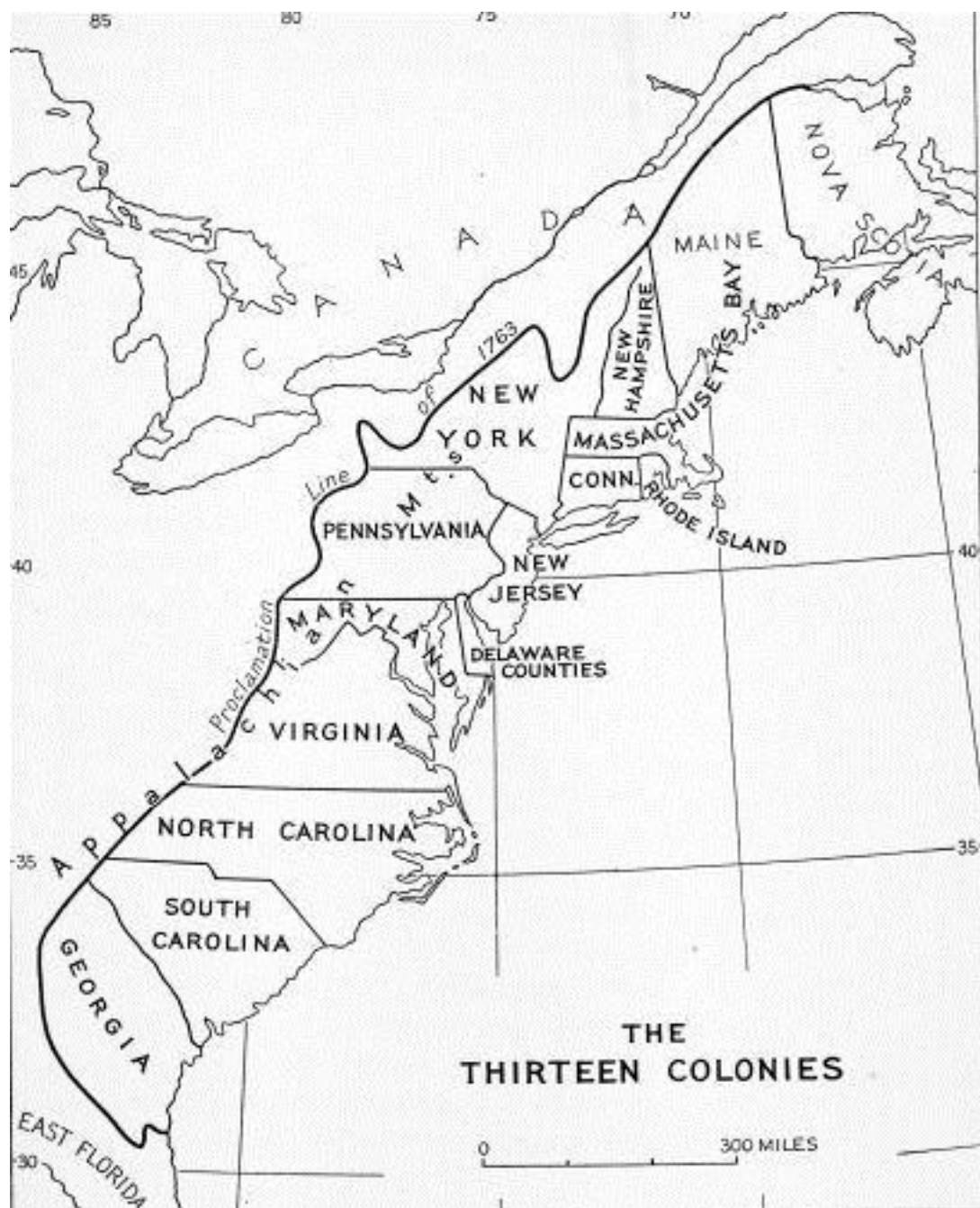
Джорджия была последней из тринадцати заселенных колоний. Даже во время революции она была настолько слаба, что многие колониальные лидеры считали ее скорее обузой, чем активом для конфедерации. Ее создание в 1732 году Оглторпом было основано скорее на чувствах, чем на практических взглядах. Как и в случае с некоторыми другими подобными схемами в современную эпоху, парламент убедили выделить около ста тысяч фунтов стерлингов на помощь угнетенным всех стран. Большинство из нескольких тысяч человек, поселенных первоначальными попечителями, были англичанами, и их отбирали с максимальной тщательностью из числа тех, кто, по всей видимости, "попал впросак" и мог бы процветать, если бы освободился от долгов и вернулся на землю. Многие из этих

несостоятельных должников, несомненно, стали жертвами политических и экономических перемен, но вскоре выяснилось, что в слишком многих случаях человек, не имевший достаточных возможностей для того, чтобы зарабатывать на жизнь в Англии, также не имел достаточных возможностей для того, чтобы зарабатывать на жизнь в новых и более сложных условиях Джорджии.

В дополнение к этим английским должникам Оглторп набрал на континенте небольшие группы угнетенных протестантов и основал еще несколько небольших поселений. В одном месте поселились вальденсы из Пьемонта в Италии, в другом - колония шотландцев, в третьем - немецкие моравы, в других местах - несколько французских семей, а также колония из Зальцбурга, состоящая преимущественно из альпийцев, которые пострадали за свои религиозные принципы достаточно, чтобы заслужить все сочувствие. Выносливые нордики (шотландские пресвитерианские горцы), которых поселили на южной границе, чтобы обеспечить защиту Джорджии от испанцев и индейцев, были почти истреблены испанцами, и из всех этих различных предприятий Саванна была единственным, которое процветало.

Пришлось отказаться от попытки создать процветающую колонию путем создания убежища для угнетенных. К сожалению, перемены сопровождались введением негритянского рабства. Тем не менее, когда Джорджия стала открыта для поселенцев извне, в колонию стали прибывать ценные переселенцы из северных колоний, одной из самых интересных групп которых было Дорчестерское общество, прибывшее в 1752 году. Эта протестантская община покинула Англию в 1630 году и основала Дорчестер в Массачусетсе. В 1695 году часть из них переехала в Южную Каролину, а два поколения спустя некоторые из них отправились еще дальше на юг, в среднюю часть Джорджии.

Их примеру последовали, а возможно, и опередили многие другие каролинские плантаторы, так что приток из этого источника стал настоящим элементом силы для более южной колонии. Вскоре после этого поток ольстерских шотландцев, прокатившийся по Пьемонту, достиг возвышенностей Джорджии и обеспечил ее будущее.

ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ

Современные жители Джорджии являются потомками колонистов Оглторпа лишь в незначительной степени. Северные поселенцы, прибывшие через Северную Каролину, англичане из прибрежных районов и ольстерские шотландцы с возвышенностей - вот настоящие основатели штата.

После революции Джорджия выиграла от царивших здесь беспорядков и миграционного прилива, хлынувшего во всех направлениях. Сюда прибывали переселенцы из всех южных и некоторых северных штатов, а также из Европы.

За поколение до революции Кентукки стал известен благодаря охотникам за дичью, которые привозили восторженные рассказы о красоте и плодородии равнинных земель в центральном Кентукки. В одном случае путь лежал вниз по реке Огайо на лодке, а в другом - через горы, через Камберлендскую пропасть, самый удобный из нескольких сложных перевалов. Опасность со стороны индейцев была настолько велика на реке Огайо, что большинство захватчиков предпочитали опасности другого рода, с которыми можно было столкнуться при входе в Камберлендскую пропасть. Именно этот маршрут проложил Дэниел Бун, действуя от имени земельной компании: узкая тропа длиной в шестьсот миль, ставшая знаменитой как "Дорога дикой природы".

К моменту революции в Кентукки проживало несколько сотен человек, и с каждым годом прибывало все больше из внутренних районов Вирджинии и, в меньшей степени, из Пенсильвании. Во время Революции население росло и падало в соответствии с местными условиями на границе и опустошениями индейцев. С окончанием революции начался большой прилив иммигрантов, частично состоявших из солдат, которым правительство Вирджинии предоставило земельные гранты. Вместе с ними приехали лоялисты, а также много семей из Мэриленда, которые стремились уехать подальше от неприятных ассоциаций на Востоке.

С 1780 года маршрут вниз по Огайо стал использоваться все чаще. Индейцы были оттеснены или лодочники научились справляться с их уловками, и ежегодная миграция стала исчисляться тысячами. В 1786 году по реке отправилось 3000 человек, в 1788-м - 10 000, а в 1789-м - 20 000. Тем временем иммиграция через Камберлендскую пропасть продолжалась непрерывно. Рост Кентукки достиг масштабов, не имевших до того времени аналогов в Северной Америке. За несколько десятилетий с того дня, как в регионе были построены первые хижины, в штат въехало 70 000 человек, а его население было вдвое меньше, чем в Массачусетсе.

По сравнению с шотландским тоном Теннесси, Кентукки в подавляющем большинстве случаев был английским. Его прародительницей, безусловно, была Виргиния, большая часть раннего населения которой прибыла через долину Шенандоа. Следующими по численности были Пенсильвания и Северная Каролина, в то время как другие регионы внесли свой вклад, но в незначительном количестве, а жители Мэриленда были, вероятно, самыми многочисленными. Правительство Виргинии было серьезно обеспокоено потерями населения по этой причине. После революции офицеры, служившие в виргинских войсках, получили компенсацию в виде земельных участков в районе Кентукки. Штат привлек и других поселенцев с более высоким социальным и экономическим статусом. Они задавали тон его обществу и закладывали основы местной аристократии. Кентукки долгое время оставался самобытным благодаря ярко выраженной английской атмосфере и социальной утонченности, которую он демонстрировал в отличие от некоторых своих соседей. Кентукки оставался частью Вирджинии до 1792 года, когда он был принят в состав штата.

Теннесси, по сути, был лишь западной частью Северной Каролины, которая первоначально простиралась за Аппалачами до Миссисипи. Французы основали торговый пост на месте Нэшвилла еще в 1714 году. Но на самом деле штат заселялся скорее с востока, чем с запада, и, более того, его западная треть не была заселена вплоть до XIX века. Первый район заселения находился в долинах рек у границы с Северной Каролиной, и этот район оставался основным в течение рассматриваемого здесь периода. Вторая, менее важная точка роста находилась в центре штата. На северо-востоке Теннесси первые поселения были

из Вирджинии, и поселенцы полагали, что они все еще находятся в пределах Старого Доминиона.

Переселенцы из Северной Каролины вскоре начали продвигаться через горные перевалы и основали группы, вошедшие в историю под названием поселений Холстон и Ватауга. Многие из ранних поселенцев, которых до революции насчитывалось несколько сотен, были, как уже отмечалось, выходцами из горной части Вирджинии и пресвитерианами из Шотландии, часто из Ольстера, а основной приток из Северной Каролины был связан с восстанием в Пьемонтской части этой колонии около 1770 года. Повстанческий элемент, известный как Регуляторы, выступил против королевского губернатора и, будучи побежденным, бежал за горы в поисках безопасности. Большая часть этих людей была из округа Уэйк. Они привнесли элемент баптистов, контрастирующий с пресвитерианством, которое, в целом, было характерно для штата с самого начала и остается таковым до сих пор из-за преобладания шотландцев в его заселении.

В то время как восточная община росла, в центральной части штата началось заселение района, известного как Камберленд. В течение многих лет он был практически изолирован от соседнего поселения на востоке, центром которого был Нэшвилл, в то время как восточное поселение направлялось в Ноксвилл, ставший столицей.

Во время революции заселение этой территории продолжалось постоянно, пока в штате не стало 10 000 или 12 000 жителей. Северная Каролина выделила земли Теннесси своим солдатам, сражавшимся в революции, и это продолжило поток иммиграции. К моменту инаугурации президента Вашингтона в восточной части штата проживало около 30 000 человек, в Камберлендском районе - около 7000, и оба района постоянно росли. Западная часть Теннесси все еще оставалась индейской территорией.

Население Теннесси в 1790 году по своему расовому составу было типичным для жителей горных районов Юга. Оно определенно является продолжением западной части Северной Каролины, хотя его жители часто рождались в Вирджинии и в меньшей степени в других штатах, как и жители самой Северной Каролины.

В долине Миссисипи в этот период существовало несколько поселений, основанных при французском и испанском режимах, которые привлекали разношерстную толпу авантюристов и торговцев. Поскольку эта территория стала частью Соединенных Штатов только после Луизианской покупки 1803 года, она будет более подробно рассмотрена в следующем разделе. В этот период мы имеем дело со сравнительно небольшими цифрами для всего региона.

Из почти 4 000 000 человек, как белых, так и черных, проживавших в Соединенных Штатах в 1790 году, во время первой переписи населения, 95 процентов жили к востоку от Аппалачей.

На территории нынешних Соединенных Штатов, кроме уже описанных поселений, существовало три небольших островка населения. Один лежал вдоль Миссисипи на юго-западе Иллинойса - остатки старых французских поселений с некоторыми английскими и американскими добавлениями. Второй находился в окрестностях Винсенса, штат Индиана, с населением, похожим на население поселений Иллинойса, но более американским. Третья - в Огайо, где заселение только начиналось, а первой серьезной колонизацией стала колонизация в 1788 году в Мариетте жителями Новой Англии.

Хотя Революция выросла из экономических и политических причин, она представляет собой прежде всего одну из тех дорогостоящих и неудачных междоусобных войн, которым нордики

были склонны предаваться с интервалами в течение двух или трех тысяч лет и которые сделали так много для ослабления их как расы.

Если бы не было осложнений, последствия Революционной войны могли бы быть не такими необратимыми. Победитель и проигравший жили бы в мире друг с другом, как это было в Англии после Гражданской войны и в Соединенных Штатах после Восстания. Но тяжелое чувство, сопутствующее любому конфликту, усиливалось несколькими факторами. В частности, шотландцы из Ольстера имели основания считать, что с ними плохо обращаются в Англии, и они перенесли в революцию и через нее необычную враждебность. Это чувство обиды разделяли и поддерживали многие другие американцы благодаря непродуманному поведению в Канаде ряда английских правительств после революции.

Стопятидесятилетняя традиция совместных действий колоний и материнской страны в противостоянии Франции была забыта в одночасье, и сентиментальное отношение, для которого было поразительно мало фактических оснований, привело к прославлению Франции и всего французского на поколение или более - отношение, которое не исчезло полностью и по сей день. Антагонизм по отношению к Великобритании поддерживался по политическим причинам в течение следующего столетия в основном ирландскими агитаторами. Это недоброе чувство препятствовало тесному сотрудничеству между двумя величайшими частями англоязычной расы, которое так много значило бы для мира и гармонии во всем мире и заложило бы основу для более тесного сотрудничества всех наций с преобладающим нордическим происхождением в интересах прогрессивной эволюции человечества. Первоочередной задачей государственного деятеля должно стать восстановление этой солидарности северных народов в интересах не только мирового прогресса, но и самого выживания цивилизации.

После революции в Соединенных Штатах почти не возникало конфессиональных вопросов, поскольку существовавшее ранее ожесточенное сектантское чувство быстро исчезало, а римские католики еще не могли поднять вопрос о фанатизме, поскольку страна была в подавляющем большинстве протестантской. Из примерно 4 000 000 человек, проживавших в Соединенных Штатах в 1790 году, католические авторы по-разному утверждают, что их вероисповедание составляло 35 000 или 45 000 человек. Не останавливаясь на вопросе, сколько из тех, кого причисляли к Риму, были лишь номинальными приверженцами, а сколько - неграми, можно заметить, что в лучшем случае примерно один американец из каждых ста мог иметь какую-то принадлежность к Римской церкви. Когда в 1789 году иезуит Джон Кэрролл был впервые назначен епископом Балтимора, он сообщил своему начальству, что в Мэриленде насчитывается около 16 000 католиков, включая детей и негров; около 7000 в Пенсильвании, около 3000 французов в окрестностях Детройта и около 4000 рассеяны по остальной части страны. К этим 30 000 можно добавить неизвестное, но небольшое число номинальных католиков на границе, в долине Миссисипи и в других регионах, где не было священников, которые могли бы их обслуживать, и где их дети, по крайней мере, были почти уверены, что вырастут вне церкви. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что никогда еще не было нации, которая была бы настолько полностью и определенно протестантской, а также нордической, как Соединенные Штаты сразу после Американской революции.

Общая численность белого населения Соединенных Штатов по результатам первой переписи (1790 г.) составляла 3 172 444 человека. К этому следует добавить население тех частей континента, которые сейчас, но тогда не входили в состав Соединенных Штатов, а именно Луизианы и Флориды. В последней проживало всего несколько тысяч человек. На территории Луизианской покупки проживало 36 000 человек, из которых почти половину составляли негры. Численность французов оценивается примерно в 12 000 человек.

Профессор Хансен называет цифру в 20 000 белых только на территории Луизианской покупки в 1790 году. Добавление негров, вероятно, значительно увеличит эти цифры. В этот период Техасу можно выделить 5000 (испанских) белых, Нью-Мексико и Аризоне - 15 000, а Калифорнии - 1000. Но позже будет показано, что использование слова "белый" на в этих испано-американских землях часто является "титлом вежливости". Наконец, переписчики не добрались до Старой Северо-Западной территории, где уже насчитывалось около 11 000 жителей, примерно поровну поделенных между американцами и французами. Таким образом, общая численность белого населения территории, входящей сегодня в состав континентальных Соединенных Штатов, в 1790 году составляла примерно 3 250 000 человек.

Если не принимать во внимание французов и испанцев в отдаленных регионах, то единственной расой, помимо нордической, которая была достаточно значимой, чтобы быть учтенной в этот период, была альпийская, представленная немцами. В штате Мэн один из ста жителей мог быть немцем, но в других штатах Новой Англии альпийцев было ничтожно мало.^[9] В средних колониях они были важным элементом, возможно, одним из каждых десяти или двенадцати в таких штатах, как Нью-Йорк, Нью-Джерси и Мэриленд, и одной третью всего населения в Пенсильвании. В южных штатах они составляли, пожалуй, каждый двадцатый, проживая в основном на возвышенностях, а распространившись с этих возвышенностей и из Пенсильвании на запад, они составляли примерно каждый седьмой в Кентукки и Теннесси.

Таким образом, девять десятых всего белого населения 1790 года было нордическим по расе, а девяносто девять сотых - протестантским по вероисповеданию. Все оно было англоговорящим, за исключением маленького островка пенсильванских голландцев, а также французов и испанцев на границах. Все они жили в условиях политической и культурной традиции, характерной для Великобритании.

На момент революции в Англии проживало около 6 000 000 человек, а в колониях - примерно вдвое меньше.

Предыдущие страницы были посвящены описанию условий жизни в английских колониях в конце колониального периода. Теперь рассмотрим ситуацию на континенте в целом.

Никогда ранее в истории нордической расы не было события, сравнимого по важности с оккупацией Северной Америки к северу от Рио-Гранде англичанами и шотландцами. Канадские французы были слишком малочисленны, чтобы стать серьезным препятствием для развития страны, и, как будет показано на следующих страницах, остальная часть Канады по расе, языку, религии и культурным традициям была идентична исконным британским колониям.

Таким образом, мы имеем самую энергичную из существующих рас, с несколькими внешними элементами, которые полностью соответствовали доминирующему типу, на самом богатом и благодатном континенте в мире. О том, что эта страна была здоровой и хорошо приспособленной для выведения высокоотборной расы, свидетельствует сравнение судьбы колонистов, отправившихся в Вест-Индию, с судьбой тех, кто отправился в Новую Англию.

Эти пуританские переселения в целом были идентичны, но удручающий климат Карибского моря оказался смертельным для нордиков, отправившихся туда, в то время как энергичность

новоанглийцев в целом возросла благодаря уничтожению слабаков в суровом, но благотворном климате.

Чтобы понять, насколько отборной расой были американцы в то время, достаточно вспомнить о необыкновенной группе талантливых и способных людей, около пятидесяти пяти человек, которые представляли колонии на Конвенте 1787 года в Филадельфии. Эти люди составили Конституцию Соединенных Штатов, которая после ста пятидесяти лет напряжений и стрессов до сих пор остается образцом для подобных документов во всем мире.

Пусть читатель подумает, смогут ли наши сегодняшние 110 000 000 белых произвести на свет такое же количество людей с соответствующими способностями и столь же высокими мотивами, несмотря на то, что наше население более чем в тридцать раз больше, чем в 1787 году.

Итак, в 1790 году мы видим практически пустой континент, восточная половина которого скрыта под мантией леса, с береговой линией, изрезанной портами и короткими судоходными реками. Через невысокие горные хребты мы видим сначала обширную центральную долину, на сотни миль пересеченную широкими реками; затем пояс безлесных равнин, покрытых сочной травой для бизонов; далее регион, давно называемый "Великой американской пустыней"; затем горный хребет, смутно известный колонистам как "Каменистые горы"; за ними большая щелочная пустыня, далее хребет Сьерра, и, наконец, гениальное Тихоокеанское побережье. Западная половина континента изобиловала минеральными богатствами, в то время как в центральной долине девственная земля ждала плуга. Подобные условия были характерны и для Канады. Дичь водилась в изобилии, приглашая торговцев пушниной исследовать отдаленные места и позволяя поселенцу найти готовую пищу, пока он строил свою хижину и сажал урожай.

Таков был континент и таковы были возможности. На следующих страницах мы увидим, как распорядилась этими возможностями британская раса.

Прежде чем оставить колониальный период, стоит еще раз обратить внимание на историю фронта. В течение ста и более лет граница подвергалась нападениям дикарей, часто подстрекаемых французами в Канаде. Индейцы убивали и мучили одиноких поселенцев, сжигали их бревенчатые хижины. Эти беспорядочные войны стоили англичанам многих сотен, если не тысяч жизней на границах Новой Англии, а также Пенсильвании и Виргинии.

Индейцы, которых встретили английские поселенцы по прибытии в Америку, были, вероятно, самыми грозными бойцами из всех туземных племен, с которыми сталкивались белые. Они были не только грозными воинами в своем окружении, но и, вне всякого сомнения, самыми жестокими представителями человечества. Ассирийцы, из всех древних народов, считались самыми чудовищно жестокими, но какими бы плохими они ни были, они не шли ни в какое сравнение с американскими индейцами. Описания пыток пленников, захваченных в ходе открытых войн, слишком отвратительны, чтобы их описывать. Эти пытки осуществляли скво, в то время как самцы сидели вокруг и смеялись над мучениями своих жертв. Ничего подобного в истории не было ни в одной части света, и в результате индейцы-аборигены стали считаться хищными волками или еще хуже и лишились всякого сочувствия, в то время как белые крали их земли и убивали их дичь. Никто из тех, кто знал истинную природу индейцев, не испытывал никакого сожаления по поводу того, что они были изгнаны со своих охотничьих угодий. Такое отношение проявлялось везде, где белые вступали с ними в конфликт, и объясняет, почему их почти не считали за людей.

Существование индейцев на границе замедляло продвижение поселений на запад и заставляло жителей глубинки поддерживать связь со своими соотечественниками в тылу. Если бы не было враждебных индейцев, поселенцы рассеялись бы повсюду и создали бы независимые общины, как это было сделано в Кентукки и Теннесси после революции. В этом отношении индейцы были благом для белых.

К концу периода, закончившегося в 1790 году, несмотря на потерю многих ценных элементов во время Революции, американская раса была однородной, шотландской и английской до глубины души. Она разрывала узы старой границы и была готова пролиться людским потоком через горы и затопить Запад.

ССЫЛКИ:

[9] Изучая процентное соотношение различных национальностей в колониальные и более поздние времена, можно ориентироваться отчасти на данные об иммиграции, отчасти на имена жителей, зафиксированные в переписях и других отчетах. В англосаксонском регионе всегда существовала тенденция к искажению имен других национальностей, иногда таким образом, чтобы они казались английскими. Этот факт необходимо учитывать во всех расчетах в этой области.

VIII

СТАРАЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Второй период, который мы рассмотрим, охватывает годы от первой переписи населения 1790 года до кануна Гражданской войны 1860 года и связан с организацией нашего правительства и распространением поселений на запад до Тихого океана. Свободные земли и очень высокая рождаемость среди коренных американцев привели к значительному росту населения, так что белых жителей Соединенных Штатов, составлявших около трех миллионов с четвертью в 1790 году, стало двадцать семь миллионов с половиной в 1860 году, хотя иммиграция за семидесятилетний период не превышала четырех с четвертью миллионов.

С 1790 по 1820 год официальных записей о прибытии иммигрантов не велось. За эти тридцать лет, несомненно, прибыли тысячи людей, но представляется вероятным, что почти все они были англичанами и шотландцами.

Как окончание предыдущего периода в 1790 году ознаменовалось расовыми потерями, вызванными изгнанием лоялистов, так и более поздний период завершился междоусобной гражданской войной, стоившей стране три четверти миллиона нордических жизней, считая только убитых и умерших от ран. Потомки тех людей, которые отдали свои жизни за свою страну с обеих сторон, заполнили бы Запад, вместо того, чтобы он был в значительной степени заселен иммигрантами, которых мы опрометчиво пригласили на наши берега.

В указанный период (1790-1860 гг.), как уже говорилось, не было большой иммиграции, кроме как из двух источников - Ирландии и Германии, и оба они пришли на более позднюю часть периода.

Вытеснение сельского хозяйства овцеводством в Шотландии в начале девятнадцатого века привело к тому, что тысячи фермеров переехали в Америку, иногда при активном содействии своих домовладельцев. Население некоторых районов, таких как Пертшир, Аргайлшир и Инвернессшир, резко сократилось, потому что люди, больше не имея возможности зарабатывать на жизнь, уезжали. Излюбленным местом назначения была Северная Америка.

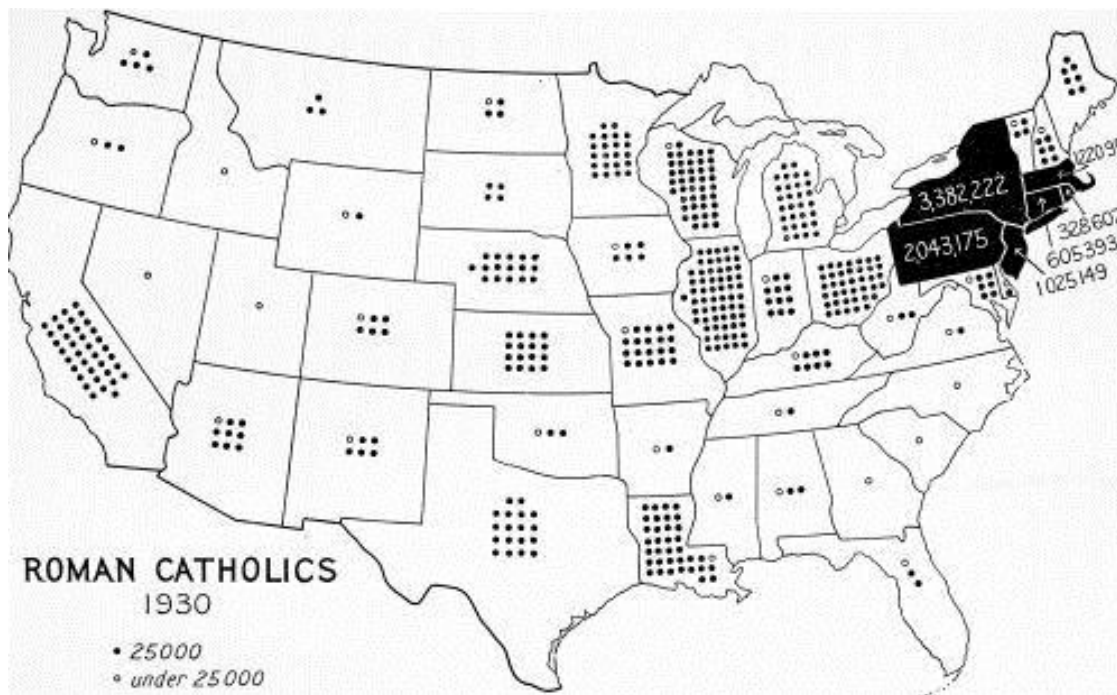
Юг Англии пережил аналогичное движение. Цены на сельскохозяйственную продукцию, которые были вынужденно повышены во время наполеоновских войн, долгое время неуклонно падали. Фермеры не могли заработать на жизнь. Главными центрами эмиграции стали графства Кент, Хэмпшир, Сомерсет и Суррей. Эти люди также повернулись лицом к Северной Америке.

Ирландия также находилась в состоянии вечного брожения, и эмиграция с этого острова усилилась в результате неудачных революционных попыток "Объединенных ирландцев" в 1798 и 1803 годах. После того, как лидер последних, Роберт Эммет, был казнен, его старший брат, Томас А. Эммет, приехал в Нью-Йорк, занялся юридической практикой и в течение десяти лет стал генеральным прокурором штата. Эмметы, как и большинство других ирландских беженцев, были протестантами по вероисповеданию.

Позже, в 1845 году, в Ирландии не уродился картофель, и вскоре голодающие крестьяне, многие из которых были выходцами из низших слоев населения западной Ирландии, хлынули сюда. Женщины стали домашней прислугой, а мужчины - поденщиками, выполняя тяжелую работу по рытью канав и строительству железных дорог. Они были католиками, и этот факт вызывал враждебность во многих районах страны. На Западе им не были рады, когда они приезжали туда. На пограничных железнодорожных станциях и в объявлениях нью-йоркских газет нередко можно было увидеть: "Ирландцы не требуются". Произошло несколько актов насилия, и была организована американская партия, чтобы предотвратить их участие в местной политике, к которой они проявили большие способности.

С тех пор эти ирландцы были вытеснены вверх по социальной шкале прибывшими позже иммигрантами, перед которыми они имели преимущество в знании английского языка. Они стали в Америке ядром нынешней Римско-католической церкви, которая быстро распространилась в этой стране. Ирландцы не занимались сельским хозяйством и никогда не проявляли особой любви к крупной промышленности.

Общее число ирландских иммигрантов в сороковые и пятидесятые годы составило более полутора миллионов человек, и за этой первой миграцией последовал непрерывный поток южных ирландцев вплоть до последних нескольких лет, когда вступили в силу ограничения по квотам.

РИМСКИЕ КАТОЛИКИ 1930

Как только они обрели определенное богатство и поднялись по социальной лестнице, они основали собственные школы и колледжи, учение и существование которых противоречит системе государственных школ Соединенных Штатов, и в этой степени они нарушили единство нации. Некоторые полки ирландцев сражались на стороне северян в Гражданской войне, но призывные бунты в Нью-Йорке были вызваны ирландцами, которые не хотели сражаться за Союз. В дополнение к ирландцам из лачуг приехало несколько важных семей среднего класса.

Вторая важная иммиграция произошла несколько лет спустя, когда большое количество немцев было вынуждено переехать сюда из-за провала революции в Германии в 1848 году. Эти немцы сильно отличались от тех, кто переселился в Пенсильванию в восемнадцатом веке. Многие из них были родом из северной Германии и являлись нордиками, в том числе людьми с определенной культурой и выдающимися способностями. Они поселились в некоторых городах Запада, в частности в Цинциннати, Милуоки и Сент-Луисе. Однако в большинстве своем они занимали общественные земли и становились трудолюбивыми фермерами. В массе своей они не улучшили уже проживавшее здесь население ни интеллектуально, ни расово, ни физически, и нарушили наше национальное единство, по крайней мере на время, введением своего языка.

В конце рассматриваемого периода в Соединенных Штатах насчитывалось более одного с четвертью миллиона уроженцев Германии, из которых около четверти были римскими католиками. Эта церковь, которая в 1790 году не контролировала ни одного из ста человек населения, в 1860 году могла рассчитывать на каждого девятого белого.

За исключением ирландцев и немцев, которые в большинстве своем были нордическими, иммиграция не имела большого значения. Перепись 1860 года зафиксировала 4 138 697 человек, родившихся за границей, из почти 27 000 000 белых. На Англию, Шотландию и Канаду приходилось большинство тех, кто не был ни ирландцем, ни немцем. Таким образом,

к концу этого периода расовое единство Соединенных Штатов все еще было практически не нарушено.

Численность французов на старой Северо-Западной территории была ничтожно мала и составляла всего несколько тысяч человек. Число мексиканцев в Техасе, Аризоне и Нью-Мексико, когда мы захватили эти страны, было на несколько тысяч больше. Эти мексиканцы считали себя испанцами, но на самом деле религиозная, языковая и культурная оболочка была очень тонкой, а по расовому признаку большинство из них были по меньшей мере на семь восьмых индейцами. В 1846 году в Калифорнии царило такое же состояние; число мексиканцев было даже меньше, чем в Техасе.

Многие из первоначальных колониальных хартий, выданных английскими королями, предусматривали северную и южную границу по широте, но западная граница часто определялась как "Южное море", и неестественно, что многие из этих границ пересекались. После революции первоначальные колонии были вынуждены уступить федеральному правительству свои неопределенные и противоречивые претензии на западные земли. Эта общая и важная уступка территории имела два результата: она дала обедневшему федеральному правительству земли, которые можно было продать в своих интересах, и привела к созданию общин, которые во всем обращались к федеральному правительству, что само по себе было большим шагом к единству правительства.

В 1787 году западные границы Нью-Йорка и Пенсильвании были установлены в том виде, в каком они существуют сейчас, а из страны к югу от Великих озер, к северу от реки Огайо и к востоку от Миссисипи была образована Северо-Западная территория под особым попечительством федерального правительства.

Эта "Северо-Западная территория" была захвачена во время революции необычной группой авантюристов и пограничников под руководством генерала Джорджа Роджерса Кларка. Таким образом, на момент подписания Парижского договора в 1783 году эти территории к югу от Великих озер находились в физическом владении тринадцати колоний. Без такого фактического владения Старый Северо-Запад остался бы частью Канады, что ограничило бы рост Соединенных Штатов на запад или, что более вероятно, привело бы к новой войне. Нежелание британских властей, управлявших форпостами на этой территории, сдать свои форты в соответствии с условиями договора и их предполагаемая поддержка индейцев стали одной из причин, приведших к войне 1812 года.

По мере роста населения на этой территории последовательно создавались новые штаты - Огайо (1803), Индиана (1816), Иллинойс (1818), Мичиган (1837) и Висконсин (1848).

Первые разрозненные поселенцы Огайо перебрались на северо-запад через реку Огайо во время революции, но первое настоящее, постоянное поселение было создано компанией Новой Англии, которая основала Мариетту в 1788 году. Эта иммиграция из Новой Англии, хотя и была вскоре вытеснена иммиграцией из других штатов, сыграла важную роль в организации территории и в формировании ее будущей политики.

Едва массачусетская группа во главе с генералом Руфусом Патнэмом вступила во владение своим огромным грантом вокруг Мариетты, как новая группа во главе с судьей Дж. К. Симсом

из Кентукки заняла грант в миллион акров между реками Большой и Малый Майами, включая места Цинциннати, Дейтона и многих важнейших ранних поселений на территории.

Вирджиния зарезервировала военный округ площадью более четырех миллионов акров для поощрения своих солдат Революции, и он быстро начал заселяться в основном ветеранами из Кентукки, который в то время, напомним, все еще был частью Вирджинии.

С другой стороны, Коннектикут предусмотрел создание собственного Западного резерва площадью почти 3 000 000 акров, вытянутого в длину на 120 миль от границы с Пенсильванией вдоль озера Эри, и поселение Кливленд стало его ядром.

Таким образом, в течение нескольких лет после революции в Огайо появилось четыре разных точки роста. Виргинский элемент рос быстрее всего, отчасти из-за близости к Кентукки, отчасти из-за легкого доступа к реке Огайо, так что англичане и шотландцы из Ольстера в южной части штата вскоре стали доминировать во всем штате.

Аналогичный элемент постоянно прибывал через границу Пенсильвании из страны Мононгахела, и вскоре эмиграция из Пенсильвании в Огайо стала самой большой из всех штатов, заполнив центральную часть, где находился большой пшеничный пояс. Даже после Мексиканской войны четвертая часть членов законодательного собрания Огайо была уроженцами Пенсильвании, что превышало число членов, родившихся в любом другом штате, или во всех штатах Новой Англии вместе взятых, или в самом Огайо.

Через Кентукки прибывали не только виргинцы, но и постоянный поток ольстерских шотландцев из Северной Каролины, многие из которых, однако, ранее были виргинцами. Таким образом, южные районы штата приобрели черты рабовладельческих штатов, а северные - культуру Новой Англии и центральных штатов, многие приехали из западного Нью-Йорка, который с нынешней точки зрения следует рассматривать лишь как продолжение Новой Англии.

Таким образом, в течение нескольких лет население штатов к югу и востоку от Огайо, которые, запруженные враждебными индейцами, были готовы переполниться в течение некоторого времени, хлынуло на новую территорию. Затем поток ослаб до окончания войны 1812 года, когда он возобновился с новой силой. Люди со всех концов Соединенных Штатов, служившие в западных и северных войсках во время войны 1812 года, увидели красоты новой страны и решили поселиться там, как только будет объявлен мир и они смогут распорядиться своими владениями дома. В Новой Англии эта тенденция усилилась благодаря двум удивительно холодным зимам 1816 и 1817 годов, о которых не помнят самые старые жители. Общие экономические и социальные условия благоприятствовали широкому перемещению населения. Северо-западная часть Огайо была очищена от индейцев и открыта для заселения.

Второй поток иммиграции в Огайо в целом носил тот же характер, что и первый: со всех сторон в штат прибывало почти чисто нордическое население британского происхождения, за исключением небольшого элемента пенсильванских голландцев, которые некоторое время держались особняком, сохраняли свои обычаи и свой язык и таким образом в значительной степени отрезали себя от движения прогресса. Их алеманнский диалект быстро становился почти таким же далеким от литературного языка Германии, как и от английского языка их родного дома.

Позже в Огайо прибыло четверть миллиона немецких и ирландских иммигрантов. Но из 2 339 511 жителей штата, проживавших в нем в 1860 году, полтора миллиона родились в самом штате.

Индиана, типичный американский штат, ничем не обязана исконно французскому населению. В ранние времена ее считали не более чем продолжением Кентукки. Виргиния выделила большой участок земли для вознаграждения людей из экспедиции Джорджа Роджерса Кларка, и они стали, так сказать, первоначальными земельными агентами территории. Но по всей границе через реку Огайо сюда стекалось пограничное население. В 1850 году в Индиане было вдвое больше южан, чем выходцев из Средних штатов и Новой Англии, вместе взятых. Значительная часть из них была родом из Кентукки, что означает, что они или их родители ранее были выходцами из Вирджинии или Северной Каролины.

То, что Индиана по своим симпатиям была северным штатом, свидетельствует о том, что у этих мигрантов было мало общего с более старым рабовладельческим населением, кроме первоначального расового состава. Самым многочисленным элементом были шотландцы из Ольстера, хотя среди них было также много квакеров из Северной и Южной Каролины, некоторые из которых имели гугенотское происхождение. Именно этот элемент сделал Индиану главным маршрутом "Подземной железной дороги", как называли систему контрабанды беглых рабов из рабовладельческих штатов. Но и в южной части штата рабовладельцы пользовались большим сочувствием.

Заселение Индианы почти полностью приходится на девятнадцатый век: число жителей до 1800 года было незначительным и ограничивалось по большей части землями под защитой маленького городка Винсенс. На северной стороне реки Огайо, у водопадов, полным ходом шло заселение участка площадью 149 000 акров, который Виргиния передала в 1786 году генералу Кларку и его солдатам.

Быстрое заселение Индианы было частью великого движения на запад, начавшегося после паники 1819 года и последовавших за ней тяжелых времен. Цена на хлопок на Юге неуклонно падала, и бедным фермерам, погрязшим в долгах, было легко продать землю или просто собрать вещи и уйти, перебравшись на свободные и более богатые земли в новой стране. Многие ольстерские шотландцы на Юге были настроены враждебно по отношению к рабству, а другие, придерживавшиеся джексонианских взглядов, выступали против нулфикации и разделяли сожаление героя Нового Орлеана на смертном одре о том, что он не повесил Джона К. Кэлхуна. Поэтому Южная Каролина отправила на новую территорию большой контингент ольстерских шотландцев в дополнение к общей иммиграции, о которой уже говорилось.

Южный поток был встречен на старой Северо-Западной территории потоком жителей Новой Англии, прибывших по линии канала Эри после пересечения Гудзона у большого перелома в нагорье близ Олбани. Многие из поселенцев северной Индианы на сезон задержались в Огайо и двинулись на запад, когда у них появилась возможность получить незаработанный доход, выгодно продав свои фермы и переехав, чтобы занять более дешевую землю и начать все сначала.

Индиана пропустила основной поток иностранной иммиграции в поколение, предшествовавшее Гражданской войне. Немцы уезжали в другие страны из-за клановости, а

ирландцы избегали Индианы из-за отсутствия больших городов. К тому времени, когда в Индиану хлынул поток скандинавов, стоимость земли в штате была уже высокой, и новые поселенцы устремились дальше на запад и север.

Таким образом, Индиана из всех штатов Северо-Западной территории - самый северный по населению и самый американский, и в конце рассматриваемого периода в нем преобладало коренное население, происходившее, в не очень равных долях, из северных и южных штатов соответственно. Хотя иностранный элемент быстро набирал силу, он не начал давать о себе знать даже в 1833 году, когда северная Индиана была дикой местностью, в то время как южная Индиана уже была хорошо заселена выходцами из Кентукки, Теннесси и Каролины.

Развитие внутренних улучшений вместе со всеобщей миграцией из северных штатов на запад привело к полному изменению политической ситуации в штате. Только в 1836 году в Индиане было продано 3 000 000 акров земли, а за десятилетие с 1840 по 1850 год население графств, граничащих с новым каналом Огайо, увеличилось на 400 процентов, в то время как штат стал смотреть на Нью-Йорк как на место сбыта своей продукции, а не на Новый Орлеан.

С 1820 года, когда был основан Индианаполис, по 1860 год население Индианы увеличилось в четыре раза, причем почти полностью из американцев. Подсчитано, что за эти сорок лет на Северо-Запад из рабовладельческих штатов Юга прибыл миллион человек. На момент начала Гражданской войны население Индианы составляло 1 350 000 человек, из которых только каждый одиннадцатый был иностранного происхождения. Более половины иностранцев были выходцами из Германии, и Индиана, похоже, особенно привлекала нордический элемент, поскольку Пруссия предоставила наибольшую квоту. Ирландия в то время была представлена всего 24 000 человек, и, как и небольшие группы французов и англичан, они были разбросаны по штату и вскоре затерялись в общей массе.

Этот особый характер Индианы, почти чисто американский, протестантский и нордический в 1860 году, дает ключ к большей части ее истории с тех пор. Как и везде, основную часть населения составляли ближайшие штаты. Перепись населения показала, что десять штатов, в которых родилось наибольшее количество хуситов в том году, были следующими, в порядке убывания значимости: Огайо, Кентукки, Пенсильвания, Вирджиния, Нью-Йорк, Северная Каролина, Теннесси, Мэриленд, Нью-Джерси и Иллинойс. Что касается элемента Новой Англии, то он был представлен почти полностью через другие штаты.

Иллинойс, как и Огайо, до революции привлек несколько поселенцев, в основном в район полудюжины небольших французских торговых постов. Французское население этого района никогда не было многочисленным, и когда в 1763 году он был захвачен Великобританией, большинство французов, которые смогли уехать, поспешили это сделать, либо вернувшись в Канаду, либо отправившись вниз по реке в Сент-Луис или Новый Орлеан.

После вывода небольших французских гарнизонов на территории осталось всего несколько сотен человек французского происхождения. Они были двух разных происхождений. Часть из них пришла из Канады и представляла собой французов-"обитателей", которые в основном были альпийцами. Остальные поднялись вверх по реке из Нового Орлеана и представляли собой более разнородную и, вероятно, неполноценную группу. Некоторые канадцы привезли с собой семьи, но в основном французский элемент состоял из одиноких мужчин, которые заключали свободные союзы с индейскими скво. По этим причинам влияние французов на последующее население региона слишком незначительно, чтобы оправдать его рассмотрение.

Рейд, совершенный кентуккийцами под командованием Джорджа Роджерса Кларка во время революции, позволил американцам получить более подробные сведения об этом регионе, и к 1800 году несколько тысяч из них уже перебрались через границу и основали поселения. Иммиграция продолжалась вплоть до начала военных действий с индейцами в 1811 году и войны 1812 года, которая почти полностью остановила развитие поселений на старой западной границе.

После объявления мира и открытия продажи земли в 1814 и 1816 годах в Иллинойсе начался настоящий бум. К этому времени самые выгодные места в штатах Огайо, Индиана и Кентукки были либо заняты поселенцами, либо куплены спекулянтами, так что новоприбывшие в поисках выгоды обращались к Иллинойсу или Миссури.

В соответствии с общим правилом миграции в Соединенных Штатах, которое не нарушалось до тех пор, пока золотая лихорадка в Калифорнии в 1849 году не создала новые условия, Иллинойс заселялся в основном из ближайших к нему штатов, а в начале почти полностью с Юга, особенно из Кентукки, Теннесси и Вирджинии. Незначительный маленький Шоунитаун, расположенный на реке Огайо чуть ниже устья Вабаша, обеспечил легкий доступ к нижней части Иллинойса - тому "Египту", который до сих пор является оплотом южных демократов. В течение короткого времени он даже был резиденцией правительства.

Присутствие северян из Пенсильвании вызывало недовольство, а бродячие янки были нетерпимы. Заселение северной части штата жителями Новой Англии происходило в значительной степени колониями или организованными группами, и с начала тридцатых годов прошлого века мы постоянно читаем о движении караванов из всех штатов Новой Англии и западного Нью-Йорка. Открытие канала Эри вновь открыло доступ к северу Иллинойса по воде. До этого времени главной достопримечательностью были свинцовые рудники в северо-западной части Иллинойса и юго-западной части Висконсина, которые почти полностью разрабатывались южанами.

В целом можно сказать, что до этого времени три четверти населения Иллинойса составляли выходцы с юга от линии Мейсона и Диксона, причем наибольший вклад вносил Кентукки, хотя уже тогда прибывал небольшой иностранный элемент, в основном с Британских островов.

К моменту образования штата в 1818 году в Иллинойсе, можно сказать, доминировали шотландцы из Ольстера, прибывшие из южного Пьемонта. В целом они представляли собой класс, который из-за недостатка богатства и по другим причинам не был рабовладельцем и не испытывал особой симпатии к рабству, на личном опыте убедившись, что наличие рабского труда невыгодно для значительной части белого населения. На самом деле, вероятно, не более одной из четырех семей Юга когда-либо владели рабами.

В 1818 году численность населения, необходимая для принятия нового штата в Союз, составляла 40 000 человек. К началу Гражданской войны население Иллинойса выросло до миллиона и трех четвертей. Очевидно, что это изменение, произошедшее за неполное поколение, лишь в малой степени отражало естественный прирост первопоселенцев из Кентукки и Вирджинии. Силы прогресса действовали в Иллинойсе так быстро, что многие из старожилов собрали вещи и уехали, как это случилось в предыдущем поколении с их родителями, и Иллинойс в следующем поколении будет сильно представлен в ранней миграции в Калифорнию, Канзас, Небраску и Колорадо. Чтобы показать, насколько мало рабовладельческих настроений было в раннем населении Иллинойса, несмотря на его

южное происхождение, интересно отметить, что большинство иллинойского контингента в Канзасе составляли люди из свободных штатов, которых Юг считал врагами своего дела.

На каждого старожила, переехавшего дальше на запад, приходилась дюжина янки, а также множество пенсильванцев, в то время как иммиграция южан почти полностью прекратилась, направляясь в Техас или на территории за Миссисипи.

Люди, покинувшие рабовладельческие штаты в десятилетие, предшествовавшее Гражданской войне, в основном искали свободную землю. Этому перемещению лучших представителей северных народов с Юга накануне и в начале Гражданской войны не придали того значения, которого оно заслуживает. Оно стало одним из факторов ослабления Юга и усиления Севера. Хотя рабство было проклятием, по мнению многих владельцев огромных плантаций, они были втянуты в эту систему и чувствовали, что не могут выбраться. С другой стороны, беднякам условия все меньше нравились, и многие более разумные люди решили уехать из страны, где они были вынуждены конкурировать с рабами-неграми и где на них свысока смотрели белые соседи. Таким образом, земли вдоль Иллинойской центральной железной дороги стали прибежищем для амбициозных и недовольных фермеров из Теннесси, Алабамы и даже Джорджии. С началом военных действий этот ручеек временно превратился в поток, поскольку политические беженцы, не желавшие оставаться в рабовладельческой республике, воюющей с Американским Союзом, стали искать более свободного воздуха.

Железные дороги стали специализироваться на перевозке целых семей с мебелью и сельскохозяйственным инвентарем в пункты Иллинойса, Айовы и Висконсина, в то время как пароходы поднимались вверх по Миссисипи, переполненные беженцами, и огромное количество миссурийцев переправлялось через реку в Иллинойс со всем своим скарбом. Многие из них вернулись домой после того, как Миссури отделился, но их место заняли новые потоки южан, освобожденных победами союзных армий и прибывших к друзьям и родственникам в южный и центральный Иллинойс.

Упадок лидерства на Юге после войны не был полностью обусловлен потерей людей на поле боя. Хотя это был, безусловно, главный фактор, другим важным фактором стало бегство с Юга многих из тех, кто не симпатизировал политикам-поджигателям, принуждавшим к отделению часто не желающие этого общины.

Однако еще до этого времени потоки иностранцев, хлынувшие в долину Миссисипи, уже начали влиять на состав населения Иллинойса, так что даже в 1850 году каждый четвертый был иностранцем по происхождению. Самым многочисленным элементом были немцы, которые образовывали фермерские общины, главным образом в северной и центральной частях штата. К 1860 году в Иллинойсе их было 130 000 человек, а также другие выходцы из Пенсильвании.

Ирландцы были второй по значимости группой, и великие внутренние улучшения этого периода были в значительной степени результатом их труда. Как и везде, ирландцы не проявляли особой склонности к фермерству, которое оказалось столь разорительным для них в Ирландии, и составляли беспокойное плавающее население в больших городах. В 1860 году их доля в населении Чикаго была в четыре раза больше, чем в населении штата в целом.

Штат привлек большую английскую иммиграцию. Центральная железная дорога Иллинойса была построена в значительной степени на английский капитал, и акционеры увидели шанс увеличить стоимость своих акций, поощряя эмиграцию на земли, принадлежащие компании, так что к 1860 году в штате насчитывалось 41 000 англоязычных уроженцев.

Другой многочисленный элемент английского происхождения, который появился в штате необычным образом, уже покинул его. Это была группа новообращенных мормонов, которых привозили начиная с 1840 года. К 1844 году, по оценкам, из 16 000 прибывших мормонов 10 000 были англичанами. Большинство из них позже ушли на запад, в Юту, или были рассеяны в течение нескольких лет.

Последним важным нордическим элементом в штате были скандинавы, которые начали прибывать только перед Гражданской войной, и в то время их в штате было чуть больше 10 000 против 87 000 ирландцев.

В Мичигане, благодаря его близости к Канаде и важности Детройта как штаб-квартиры, с самого начала существовала отчетливая французская атмосфера. В отличие от жителей некоторых более отдаленных поселений, французы в Детройте не часто вступали в браки с индейцами, и поэтому они представляют собой относительно чистую французскую канадскую популяцию. Американская иммиграция была медленной, и только в 1805 году жители стали достаточно многочисленными, чтобы выделить их в отдельную территорию. К началу войны 1812 года четыре пятых из 5000 жителей Мичигана составляли французы. В 1817 году в водах озера Эри появился первый пароход и был проложен канал Эри, и с этого времени американизация территории пошла быстрыми темпами.

К 1830 году на озерах курсировало сто судов, как паровых, так и парусных, а между Буффало и Детройтом ежедневно курсировал пароход. В 1836 году, когда была принята Конституция штата, население составляло около 100 000 человек, в основном выходцев из Новой Англии и ее продолжения на западе Нью-Йорка. Имперский штат можно с уверенностью назвать родителем Мичигана.

Многие фермеры из Новой Англии, купившие фермы у крупных земельных компаний на западе Нью-Йорка, оказались не в состоянии или не захотели завершить выплаты и продали свои акции, чтобы купить государственные земли в Мичигане и перевезти свои семьи, в то время как со скалистых холмов Вермонта шел непрерывный поток без всяких промежуточных остановок. К этому времени многие франко-канадцы уехали, и из восьмидесяти девяти имен, подписанных к Конституции 1835 года, не более трех можно назвать французскими.

Прилив иммиграции иностранцев в этот период поздно достиг Мичигана. Среди них были голландцы, которые, как и некоторые другие ранние поселенцы, приехали в поисках религиозной терпимости и свободы. Город Холланд стал центром для них с 1847 года. Из 749 113 жителей штата в 1860 году пятую часть составляли уроженцы других стран, которые неравномерно делились на англичан, ирландцев, немцев и смешанных канадцев.

Первое поселение в Висконсине возникло на свинцовых рудниках юго-западной части штата и привлекло в основном ольстерских шотландцев из Вирджинии, Кентукки и Теннесси. Чуть позже к ним присоединилась еще одна нордическая группа - англичане из Корнуолла, которые составили важный элемент в этом регионе.

Вторая миграция рассеяла сельскохозяйственные общины по юго-восточной части Висконсина вдоль берега озера. Эта иммиграция была почти полностью из штатов Новой Англии и новоанглийской части штата Нью-Йорк и была осуществлена примерно в период с

1835 по 1850 год. К 1847 году, когда было получено статус штата, население территории составляло около 250 000 человек, и она была практически колонией Новой Англии.

Из семидесяти шести человек, вошедших в состав второго Конституционного конвента, треть была из Нью-Йорка, треть - из Новой Англии, а остальные были разрозненны.

За десятилетие, завершившееся Федеральной переписью населения 1850 года, рост штата составил почти 900 процентов - рекорд, редко превзойденный в Америке. Этот необычайный рост был во многом обусловлен внезапным прибытием иностранного элемента, который с тех пор делает Висконсин штатом, не похожим на все остальные. Уже в 1850 году треть населения штата составляли уроженцы других стран. Из всех иностранцев, приехавших в штат в территориальный период, около половины составляли выходцы с Британских островов, а другая половина - представители иноязычных групп. Англоязычные иммигранты вскоре смешались с коренным населением, за исключением ирландцев, исповедующих католицизм, которые ассимилировались не так легко. В десятилетие перед Гражданской войной в город хлынул поток бельгийских иммигрантов численностью не менее 15 000 человек. Прибыли также сотни русских, начали прибывать скандинавы, хотя они не играли важной роли до окончания Гражданской войны. Датчане и норвежцы начали прибывать в некоторых количествах, но шведов пока было мало.

Главной иммиграцией этого периода стала немецкая, которая внесла еще один частично альпийский элемент в подавляющее нордическое население Соединенных Штатов. Они начали прибывать после 1830 года, когда революция во Франции вызвала аналогичные, но менее успешные политические потрясения в прилегающих к Франции районах Южной Германии. Многие из политически недовольных решили покинуть страну или были вынуждены это сделать, и в Висконсине они нашли условия, которые пришлись им по вкусу. Во-первых, штат предлагал климат и почву, не отличающиеся от тех, в которых они выросли. Во-вторых, земля была дешевой и хорошей, и здесь было много лесных угодий, которым немцы отдавали заметное предпочтение. Владение древесиной было не только ценностью, но и признаком социального статуса немецкого иммигранта. Леса в Германии практически исчезли, за исключением крупных дворянских поместий. Поэтому владение участком лесной земли было признаком превосходства. В Германии лесные угодья могли позволить себе лишь немногие, но в Висконсине каждый мелкий фермер мог чувствовать себя не хуже герцога или принца, от ига которого он отказался. Третьим важным преимуществом после получения статуса штата стало положение, согласно которому иностранец мог голосовать только после одного года проживания. Это дало немцам возможность без промедления получить политическое значение, которым они не замедлили воспользоваться.

Немецкое поселение в Соединенных Штатах следует за поясом, начинающимся в Пенсильвании и идущим на запад через Огайо, Индиану, Висконсин, Айову и Миссури. Отчасти это было вызвано стремлением избежать южных штатов, с продукцией которых они не были знакомы, а земельная система и рабский труд не вызывали у них симпатии. Находясь в этом поясе, Висконсин сразу же занял и сохранил такое видное положение, что патриоты "отечества" всерьез потребовали превратить его в настоящую немецкую колонию.

Пенсильванские голландцы уже показали, как мало склонны немецкоязычные народы к тому, чтобы стать гражданами новой страны всем сердцем, и новый прилив иммиграции последовал за этим *ex ample*. Они с самого начала нападали на систему государственных школ и настаивали на том, чтобы иметь свои собственные школы и чтобы их дети обучались немецкому языку в американских школах. Они сохранили свою собственную социальную организацию и даже добились того, что в 1858 году в Индиане законы штата были

опубликованы на немецком языке. Эта тенденция к дефиниции сделала немцев менее ценным элементом в американском населении до настоящего времени, чем они должны были бы быть.

Ранняя немецкая иммиграция в Висконсин происходила в целом из южной и центральной Германии, и была преимущественно альпийской по расе и римско-католической по религии. Образование штата Висконсин совпало с неудачной революцией 1848 года в Германии, которая положила начало настоящему потоку немецкой иммиграции, достигшей своего максимума в 1854 году и продолжавшейся с заметной силой еще более поколения.

В 40-е годы основная эмиграция северных немцев происходила из Померании и Бранденбурга, а многие из южных немцев, хотя и были в основном альпийцами, были скорее протестантами, чем католиками. В 1863 году, сразу после окончания рассматриваемого периода, церковные власти сообщили, что в Висконсине проживает 225 000 немецких лютеран против 105 000 немецких католиков. После этого немцы все больше и больше продвигались в северные и центральные районы штата.

В конце рассматриваемого периода (1860 г.) Висконсин имел, вероятно, самое большое не нордическое население среди всех американских штатов, хотя даже здесь нордики составляли подавляющее большинство. С одной третью населения, родившегося за границей, его превосходила в этом отношении только Калифорния.

IX

ГОРЦЫ ЗАВОЕВЫВАЮТ ЮГО-ЗАПАД

Тем временем штаты в нижней части долины Миссисипи стремительно развивались.

В Алабаме до самой революции не было ни одного американского поселения, кроме единичных появлений авантюристов и торговцев. Но в 1798 году, когда была образована территория Миссисипи, включающая нынешний штат Алабама, уже началось движение поселенцев из прилегающих штатов на востоке и севере, и оно продолжалось быстро, пока не было остановлено войной с индейцами Крик в 1813 и 1814 годах. Эта война рекламировала территорию. Ее окончание открыло землю для заселения, и в течение пяти лет в Алабаме поселилось более 100 000 человек. Небольшой французский и испанский элемент в Мобиле и двух-трех других местах вскоре был сведен к незначительным пропорциям.

Штат заселяли либо те, кто спускался по некоторым рекам этого региона, в частности из Теннесси, либо те, кто приезжал через Джорджию, останавливаясь надолго в земельном управлении в Милледжвилле (тогдашней столице штата), чтобы сделать необходимые приготовления для приобретения права собственности на недвижимость. Через Монтгомери в Натчез вела неусовершенствованная, но проходима́я дорога, и по этой "Дороге трех нот" (так называемой по обозначавшему ее знаку) поток поселенцев из штатов Атлантического побережья устремился в широкий пояс богатых черных земель, которые быстро превратили Алабаму и Миссисипи в сердце Хлопкового королевства. Алабама в большинстве своем является потомком Вирджинии, Северной и Южной Каролины, Джорджии и Теннесси, а

потому почти полностью состоит из шотландской и английской крови. В 1860 году численность иностранного населения была ничтожно мала и составляла чуть более 12 000 человек, почти половина из которых были ирландцами, при общей численности населения практически в миллион человек.

Миссисипи: Как и в большинстве других штатов этой группы, предполагаемое влияние ранних французских и испанских поселений скорее сентиментально, чем реально. Американские поселенцы начали прибывать сюда после 1763 года, некоторые даже из Нью-Джерси, Пенсильвании и Новой Англии. Во время революции в страну Миссисипи перебралось несколько лоялистов, присоединившихся к британцам, которые в то время занимали в округе военные или административные должности. Одним из элементов этой лоялистской иммиграции были шотландские горцы из Северной Каролины.

Перепись 1850 года дала первую возможность установить происхождение населения. Основная иммиграция, естественно, происходила из других южных штатов - 145 000 человек против 5000 из северных штатов. В том же году 18 000 уроженцев Миссисипи проживали в других южных штатах, в основном в Луизиане, Техасе, Арканзасе, Алабаме и Теннесси.

Во время переписи, проведенной десять лет спустя, число уроженцев Миссисипи, проживавших в других южных штатах, увеличилось почти вдвое. Перепись дает интересное представление о том, как в то время, как и почти в любой другой период американской истории, население перетекало из одного штата в другой.

Поскольку население Миссисипи до Гражданской войны было почти идентично по составу населению других рабовладельческих штатов долины Миссисипи, большинство из которых были обязаны своим жителям Виргинии, а затем штатам, которые Виргиния колонизировала, неудивительно, что эти люди легко переезжали из одной части этого региона в другую. Из почти 800 000 жителей на момент начала Гражданской войны уроженцы других стран, в основном ирландцы, составляли лишь одного из ста. Но почти половину населения штата составляли цветные, а значит, не было элемента расовой силы. В этом отношении рекорд Миссисипи превзошли только Джорджия и Южная Каролина. Последний штат был единственным, в котором негров на тот момент было больше, чем белых. Другие южные штаты позже оказались в таком же незавидном положении, а в Южной Каролине оно сохранялось до тех пор, пока не произошел сдвиг в численности негритянского населения, последовавший за мировой войной.

Луизиана на момент покупки в 1803 году представляла среди своих 50 000 жителей более разнообразную группу, чем можно было найти в любом другом американском штате. Основу этого населения составляли французы, испанский элемент никогда не был важен. Эти французы, по-видимому, представляли собой гораздо более разнородную группу, чем ранние франко-канадцы. В Париже запускался один план колонизации за другим, и поселенцы набирались всевозможными способами, многие из них были более чем сомнительной ценности.

Однако здесь, как и в других колониях, следует помнить, что окончательное население представляло собой не тех, кто прибыл, а тех, кто выжил и оставил потомство. Этот факт слишком часто игнорируется в рассказах о происхождении американского населения. Если Франция поставляла проституток в Новый Орлеан, чтобы обеспечить жен для своих солдат,

то сейчас это имеет значение только в том случае, если эти люди оставили потомков. В одном случае, о котором сохранились подробности, в 1722 году из Франции были высланы сорок четыре девушки. Все они вышли замуж, но только одна оставила потомство.

Еще одним элементом населения были акадийские беженцы, которых ополченцы Новой Англии в 1758 году согнали почти во все части колоний. Некоторые добрались до Луизианы, как описал Лонгфелло в "*Эванджелине*", хотя и нарисовал весьма ошибочную картину. Другие были рассеяны по Мэриленду, Вирджинии и Каролинам, фактически почти по всем частям атлантического побережья. Общее число людей, изгнанных из Новой Шотландии в это время, вероятно, не превышало 6000, и многие из них, несомненно, погибли от трудностей. В любом случае лишь меньшинство из них было направлено в Луизиану, так что первоначальное поселение акадийцев должно представлять собой очень небольшую часть населения. Так называемое "каджанское" население некоторых южных приходов Луизианы в настоящее время в значительной степени имеет другое происхождение, в основном негритянское.

Другая группа французских беженцев прибыла с Гаити через Кубу после 1800 года, когда негритянское восстание там вытеснило белых. Многие из них были людьми с хорошими качествами, но многие, кто мог, уехали в другие места после восстановления мира.

Еще одним источником населения был пресловутый "пузырь Миссисипи", организованный шотландцем Джоном Лоу около 1717 года. В это время немцы из Пфальца и прилегающих регионов в большом количестве эмигрировали, как уже было подробно описано ранее, и 10 000 или более из них были убеждены отправиться в Луизиану. По общепринятым данным, на самом деле прибыло не более 2000 альпийцев, а когда пузырь лопнул, они поселились вдоль Миссисипи выше Батон-Руж в районе, который до сих пор известен как Немецкий берег.

Недоброжелательный английский путешественник Джон Дэвис, посетивший Луизиану за год до покупки 1803 года, оставил следующее представление об этих двух элементах, какими они ему показались:

"Акадийцы - потомки французских колонистов, перевезенных из провинции Новая Шотландия. В них сильно выражен характер их предков; они грубы и вялы, лишены честолюбия, живут убого на своих жалких плантациях, где выращивают индейскую кукурузу, разводят свиней и заводят детей. Вокруг их домов не видно ничего, кроме свиней, а перед их дверями стоят огромные деревенские мальчишки и крепкие девушки, жесткие, как железные прутья, и смотрят на проходящего мимо незнакомца, не зная, что делать.

"Немцы довольно многочисленны, и их легко отличить по акценту, светлому и свежему цвету лица, негостеприимству, грубым манерам и склонности к опьянению. Однако они трудолюбивы и бережливы".

Небольшое испанское поселение, Новая Иберия, было основано в 1779 году колонистами в основном из Андалусии и Канарских островов. По крайней мере, в первом элементе, несомненно, присутствовала мавританская кровь.

И, наконец, была иммиграция из американских колоний, которая происходила в течение нескольких поколений до Покупки. Одна из первых групп была из Северной Каролины. Время от времени другие небольшие группы переселенцев переходили через горы к реке Теннесси, где строили плоские лодки и плыли вниз к Огайо, а затем к Миссисипи. Несколько лет спустя прибыла группа шотландских горцев из Северной Каролины, которые поселились недалеко от Натчеза. Ранняя американская иммиграция в Луизиану происходила в основном из горных

районов южных штатов, и, следовательно, была шотландской и английской. После Приобретения Луизианы аналогичная иммиграция значительно увеличилась в численности.

Перепись 1860 года, по результатам которой в штате проживало 708 002 человека, показала, что только 81 000 из них были иностранного происхождения, причем немцев и ирландцев было примерно поровну. Почти все остальные, кто не был уроженцем штата, родились в соседних штатах долины Миссисипи, а белые составляли примерно равные пропорции между уроженцами штата и теми, кто родился в соседних штатах. Среди первых было много представителей старой французской и смешанной расы, вторые почти полностью принадлежали к британскому происхождению.

На момент покупки Луизианы в Арканзасе не насчитывалось и 500 белых. Поток иммиграции по Миссисипи пронесся мимо поста в устье реки Арканзас, не потрудившись свернуть в сторону. Вряд ли можно сказать, что заселение началось до 1807 года, а во время переписи населения, проведенной три года спустя, на территории насчитывалось всего 1000 человек.

Только после принятия Конгрессом в 1818 году Закона о земле первопроходцы, каждый из которых носил в кожаном кошельке сертификат, дававший ему право на получение участка, начали подниматься на своих лодках вверх по течению реки Арканзас. Постоянно, хотя и не быстро, прибывали поселенцы из Вирджинии, Каролины, Кентукки и особенно Теннесси, который часто рассматривается как родоначальник Арканзаса.

Были предприняты попытки проследить линию миграции от первого поселения в Северной Каролине, нежелательный характер которого упоминался ранее, через Теннесси и вниз в Арканзас, и приписать этому элементу населения отсталость некоторых частей последнего из названных штатов. Несколько поселенцев прибыли из Джорджии или Алабамы вверх по реке Миссисипи, но это было связано с долгой борьбой с сильным течением, и им было проще поселиться в черных землях Миссисипи или Луизианы.

В 1817 году, когда Арканзас стал территорией, в нем проживало около 14 000 человек. После этого население неуклонно росло, в основном за счет всех южных штатов долины Миссисипи, почти до самой Гражданской войны, когда Индиана и Кентукки начали присылать своих поселенцев. Поэтому население штата в целом почти полностью состояло из британцев. В 1860 году его население (435 350 человек) на четверть состояло из чернокожих, белые были почти полностью коренными жителями, тысяча немцев и тысяча ирландцев затерялись в общей массе.

Миссури следует рассматривать с двойной точки зрения. Будучи французским форпостом, Сент-Луис стал убежищем для большей части французского населения всей Северо-Западной территории, когда та перешла под контроль Англии, и в течение многих лет город оставался иностранным поселением. Разрозненные поселенцы начали занимать берега реки после или даже во время революции. В ходе продвижения населения на запад по восточному склону долины Миссисипи небольшие группы вскоре стали проникать в Миссури, пока по переписи 1810 года их численность не достигла 20 000 человек на сыновей, занимавших полосу земли вдоль Миссисипи с небольшим изолированным поселением на свинцовых рудниках.

С другой стороны, как территория, где было разрешено рабство, Миссури, естественно, привлекала эмигрантов из Вирджинии и Северной Каролины, Кентукки и Теннесси. Через десять лет после покупки Луизианы четыре пятых жителей Миссури были американцами, и они быстро продвигались от реки вглубь страны.

Река Миссури, естественно, была для этих людей путем сообщения. Внутренние районы штата вскоре стали называться "Лик Буна", поскольку в 1807 году Буны добывали соль в этом районе. Настоящий прилив в этот регион начался около 1817 года, и Кентукки продемонстрировал свою лояльность к приемному сыну (который, как следует помнить, был пенсильванцем по происхождению), обеспечив 90 процентов иммиграции. Штат называли дочерью Кентукки, и в некоторых пределах это вполне уместно. Теннесси, однако, был сильно представлен. Все население в целом состояло из выходцев из Вирджинии и Северной Каролины, в основном из ольстерских шотландцев, которые имели более отдаленное происхождение.

К 1830 году движение населения достигло западной границы штата. До этого времени поселения носили чисто британский характер, за исключением незначительных остатков французов на Миссисипи. Затем в Миссури начала прибывать часть иммигрантов - немецких альпийцев, благодаря чему Сент-Луис до сих пор остается одним из американских городов с наиболее выраженным немецким оттенком. В то же время некоторые из старых американцев, возражавших против рабства и его влияния, уходили на север и запад от Миссури в Айову, Канзас и Небраску. Однако в целом к концу этого периода Миссури оставался нордической общиной, в основном состоящей из виргинцев, восходящих в конечном итоге к Великобритании. Его население, превышающее миллион человек, на девять десятых состояло из белых и на восемь десятых из уроженцев Америки, причем немцев среди иностранцев было больше, чем ирландцев, два к одному. Кентукки был самым крупным поставщиком, за ним следовал Теннесси, затем Вирджиния, а Огайо, Иллинойс и Индиана вместе составляли лишь примерно столько же, сколько один Кентукки, то есть 100 000 человек.

Население Миссури, с его ольстерским шотландским оттенком, сыграло важную роль в заселении транс-миссурийского Запада. Оно составило значительную часть равнинников и горцев более позднего времени, а также ковбоев на скотопрогонах, не говоря уже об оружейниках и плохих людях пограничья.

Флорида не успела основать одну из самых ранних и, возможно, одну из величайших нордических колоний в Северной Америке, когда поселение гугенотов Колиньи было истреблено испанцами 20 сентября 1565 года. Последние не смогли эффективно использовать эту территорию, на которую правительство Мексики смотрело примерно так же, как на Виргинские острова сейчас смотрит правительство в Вашингтоне. В 1763 году Испания уступила Флориду Англии в обмен на Гавану, захваченную во время Семилетней войны.

Второе вторжение северян во Флориду произошло во время Американской революции, когда английские лоялисты из южных колоний нашли здесь убежище в количестве более 13 000 человек. Если бы они остались постоянными поселенцами, штат получил бы огромную выгоду, но большинство из них уехали в 1784 году, когда испанцы вновь заняли территорию и отменили свободу вероисповедания. Некоторые уехали в Англию, другие - в Вест-Индию или Новую Шотландию. Таким образом, освоение полуострова было отложено надолго.

Восточная и Западная Флорида стали частью Соединенных Штатов в 1819 году. Схема колонизации Флориды, не имеющая большого численного значения, заслуживает упоминания вскользь, поскольку она представляла собой первое реальное поселение на американской территории средиземноморских народов, которые стали столь важным элементом иммиграции последнего полувека. Это была колония, основанная британскими промоутерами, в которую они привезли 1500 греков, итальянцев и миноносцев около 1767 года. Болезни вскоре сильно сократили их численность, но несколько потомков этих людей живут в штате и в настоящее время.

К моменту Гражданской войны Флорида была одним из самых слабых американских штатов с населением всего 140 000 человек, из которых более трети составляли цветные. Почти все белые были выходцами из штатов Атлантического побережья на юг, из Джорджии или через Джорджию. Иностранцы были разрозненны и составляли лишь один из двадцати пяти человек белого населения.

X

ОТ МИССИСИПИ ДО ОРЕГОНА

После того как Старая Северо-Западная территория была заполнена, началось переселение на территории по Миссисипи, которые были предоставлены Луизианской покупкой.

Ранними поселенцами Миннесоты были французы и полукровки, пришедшие через границу из Канады, а также небольшое количество шотландцев, бежавших от распада колонии Ред-Ривер в Манитобе в первой четверти прошлого века. Ред-Ривер - это, конечно же, Северная Красная река, по которой проходит современная граница между Миннесотой и Дакотой.

Начиная с 1837 года с индейцами были заключены договоры, которые постепенно открыли эти земли для заселения, но в 1849 году, когда была проведена территориальная организация и первая официальная перепись населения, в регионе насчитывалось менее 5000 человек.

Тем временем поток иммигрантов достигал соседних штатов, и Висконсин и Айова росли огромными темпами. Вскоре иммигранты стали прибывать в Миннесоту по четырем основным маршрутам. Часть захватчиков прибывала из Милуоки через весь Висконсин по суше. Другие - из Чикаго по суше через северный Иллинойс и юг западного Висконсина. Другие добирались из Чикаго до Галены, где садились на речные пароходы. Еще одна группа высадилась в Сент-Луисе и проплыла 800 миль вверх по Миссисипи до Форта Снеллинг - ядра, вокруг которого начали развиваться Города-близнецы.

Когда в начале лета 1854 года к Миссисипи была проложена железная дорога Рок-Айленд и Пасифик, ворота действительно открылись. В следующем сезоне на территории Миннесоты побывало 50 000 человек. В 1856 году это число удвоилось. В 1854 году было продано 300 000 акров государственной земли, в 1856 году - 2 300 000. Большая часть этого населения, которое, очевидно, приехало на жительство, была из Средних штатов. Штаты Старого Северо-Запада и Новой Англии не сильно отставали, но мало кто из южной эмиграции

забирался так далеко на север. Годы 1855, 1856 и 1857 ознаменовали прилив иммиграции территориального периода, который с тех пор не повторился.

Скандинавская иммиграция, которая так сильно окрасила Миннесоту, началась в этом десятилетии и принесла с собой постоянный поток выносливых северян, которые избегали городов, стремясь приобрести землю, построить дом, развить ферму и стать американскими гражданами. Значительная часть немецкой миграции достигла и Миннесоты, так что в переписи 1860 года треть иностранного населения составляли немцы. К этому времени канадские элементы были полностью поглощены. Федеральная перепись 1860 года, проведенная через три года после принятия территории в статус штата, выявила 170 000 жителей в , из которых 58 000 были иностранного происхождения. Немцы в это время все еще несколько превышали по численности скандинавов. Коренные жители в подавляющем большинстве имели британское происхождение и представляли собой продолжение западного движения населения из Новой Англии, которое продолжалось более двух столетий. В это время Миннесота имела нордическое население и была преимущественно англосаксонской по своему характеру.

Дакота была включена в состав Миннесоты в 1860 году, когда в регион уже начали прибывать немногочисленные поселенцы. Территория Дакота, однако, едва ли заслуживает внимания до тех пор, пока не будет рассмотрен последний период.

В Айове не было настоящих поселений до весны 1833 года, когда несколько компаний американцев из Иллинойса и других стран обосновались в окрестностях Берлингтона, хотя Джон Дюбюк основал поселение в 1788 году на месте города, который теперь носит его имя, и вместе со своими потомками занимался добычей свинца и торговлей с индейцами в течение нескольких поколений. Затем поселения стали появляться и в других местах вдоль Миссисипи, а в 1838 году эта страна была отделена от Висконсина и выделена в отдельную территорию.

Как и в штатах Старой Северо-Западной территории, раннее население Айовы состояло в основном из выходцев из южных штатов; когда в 1834 году Дубьюк был официально объявлен городом, его 500 жителей были в основном из Теннесси, Кентукки и Северной Каролины.

Задержка в заселении Айовы, по сравнению со штатами к востоку от Миссисипи, объясняется главным образом тем, что ее удерживали индейцы. Война с Черным Ястребом не давала покоя стране в течение трех лет. В конце этого времени вождь был полностью разбит и в конце концов взят в плен, а в сентябре 1832 года был подписан договор, по которому индейцы отказались от территории, известной впоследствии как "Покупка Черного Ястреба" и составляющей примерно одну треть нынешнего штата Айова.

В то время в Айове, вероятно, не было и пятидесяти белых людей, но в дальнейшем заселение шло необычайно быстро. Пионеры с Юга поднимались вверх по Миссисипи, а те, кто был на Востоке, могли спуститься вниз по Огайо. Но поскольку целью большинства поселенцев было занятие фермерских земель, а необходимый для этого скот и инвентарь нельзя было легко перевезти на небольших речных судах, основная масса переселенцев добиралась по суше в повозках, запряженных волами, лошадьми или мулами.

В 1836 году на этой территории проживало 10 000 южан. За два последующих года их число более чем удвоилось, а по переписи 1840 года их было уже 43 000.

В небольшом количестве стали появляться иностранные иммигранты, однако вновь прибывшие все еще были в основном выходцами с южных возвышенностей, в основном шотландского происхождения. К Федеральной переписи населения 1850 года в Айове проживало около 200 000 человек, и, хотя поселение было ружье максимум семнадцать лет назад, четвертая часть населения была уроженцами Айовы.

Как и в случае со Старой Северо-Западной территорией, прямой вклад Новой Англии был невелик. Большинство поселенцев прибыло из прилегающих штатов, и, хотя многие из них вели свою родословную из Новой Англии, еще большее число в первые годы было выходцами из южных штатов. Так было и в Айове почти до самой Гражданской войны.

Прилив и отток населения в этих штатах был настолько быстрым, что проследить его подробности довольно сложно. Так, в 1843 году в различных пунктах Айовы проходили собрания, на которых формировались компании эмигрантов в Орегон. В 1849 году территория внесла свою лепту в калифорнийскую золотую лихорадку. Целые общины обезлюдели почти так же быстро, как и были заселены несколькими годами ранее, но многие из этих путешественников, вероятно, вернулись, не найдя в Золотом штате готовой удачи. Огайо отправлял переселенцев в три штата за его пределами. Индиана и Иллинойс привлекали большое количество поселенцев из Огайо, но отправляли других в Айову. Айова сама вносила значительный вклад в население Юты и Орегона. Но все они были старыми коренными англо-нордическими жителями.

К 1860 году население Айовы составляло 674 913 человек. Иностранцы составляли почти шестую часть от общего числа, две трети были немцами или ирландцами, а остальные - англичанами или скандинавами.

К началу Гражданской войны Айова стала северным штатом не столько из-за прямой иммиграции из Новой Англии (только 25 000 жителей штата родились в Новой Англии), сколько из-за общего движения населения, а также из-за того, что, как уже отмечалось, многие южане, приехавшие на Северо-Западную территорию, очень мало симпатизировали рабовладельческой точке зрения.

Айова вошла в Союз как штат почти полностью нордический и в подавляющем большинстве англосаксонский, населенный переселенцами из всех частей исходных штатов, которые двигались на запад в надежде найти выгоду. То, что сказал один иммигрант 1830-х годов о пионерах Айовы, с которыми он столкнулся, относится к большинству переселенцев на запад - они состояли из трех классов: "люди с семьями, стремящиеся улучшить состояние, люди с семьями, стремящиеся вернуть состояние, и молодые люди, стремящиеся к счастью". Если в первых пионерских экспедициях на новую территорию часто было много холостяков, то постоянное поселение создавали мужчины, которые привозили с собой семьи.

Заселение Канзаса-Небраски в десятилетие перед Гражданской войной - знакомый эпизод для каждого, кто помнит свою американскую историю.

Дэниел Морган Бун, сын Следопыта из Кентукки, часто утверждает, что он был первым американским поселенцем в Канзасе, отправленным туда правительством в 1819 году для помощи индейцам в сельском хозяйстве. Но серьезное заселение штата началось только в

1854 году, когда были заключены договоры с племенами, населявшими территорию, которая в то время была индейской.

В Миссури, примыкающем к Канзасу с востока, в то время проживало около 600 000 человек, а в округах, граничащих с Канзасом, насчитывалось около 80 000 белых, как показала перепись 1850 года. Естественно, эти люди были самым доступным материалом для заселения новых земель, и за короткое время они застолбили за собой лучшие участки в низовьях рек. Хотя они не пользуются хорошей репутацией в канзасских историях, где их обычно называют "пограничными хулиганами", они, достойно или нет, представляли собой чистую нордическую американскую породу. Большинство миссурийцев, переселившихся в Канзас в то время, просто искали новые дома и даже не были сторонниками рабства. Все неприятности, которые возникали на границе, были связаны с небольшими организованными бандами совсем другого цвета кожи.

Канзас представлял собой настоящее поле битвы между рабством и свободными землями, и в ряде южных штатов, особенно в Алабаме и Кентукки, были организованы колонии для переселения на новую территорию и обеспечения ее удержания в интересах дела. Большинство южных поселенцев, естественно, держались как можно ближе к границе Миссури. Поселенцы свободных штатов, напротив, стремились удалиться от границы, оставить позади пояс рабовладельческих поселенцев и обосновать свои претензии в глубине территории.

Компания помощи эмигрантам из Новой Англии была главным крестоносцем в кампании за освобождение Канзаса и широко провозглашала, что направит в регион 10 000 человек. Ее средства, как всегда, были скудны, и, помимо рекламы возможностей страны, она не оказывала существенной помощи эмиграции. Вопреки распространенному мнению, число поселенцев, прибывших в Канзас непосредственно из Новой Англии, было невелико. Как и в других регионах страны, большинство поселенцев прибывало из соседних штатов, таких как Иллинойс, хотя зачастую они были выходцами из Новой Англии.

В ходе первой переписи населения территории в 1855 году выяснилось, что более половины населения составляют выходцы с Юга, хотя представители рабовладельческих штатов заявили решительный протест против того, что перепись проводилась внезапно и в середине зимы, когда многие поселенцы из Миссури уже вернулись в свои старые дома. Кульминация иммиграции на Юг пришлась на 1856 год. После этого эмиграция из свободных штатов увеличивалась, и к 1860 году ее численность превышала численность уроженцев рабовладельческих штатов почти в три раза к одному. Перепись того года, приписавшая Канзасу 107 000 жителей, также показала, что Миссури и Кентукки были основными источниками иммиграции из рабовладельческих штатов, в то время как основные источники иммиграции из свободных штатов располагались в следующем порядке: Огайо, Индиана, Иллинойс, Пенсильвания и Нью-Йорк, а непосредственно из всех штатов Новой Англии вместе взятых - всего 3000 человек. Действительно, уроженцев Северной Каролины в Канзасе было почти столько же, сколько уроженцев Массачусетса.

В конце этого периода Канзас был западным штатом, почти полностью состоящим из британцев. Потоки скандинавов и немцев, которые после прихода в штат, едва начались в этот период. Канзас в значительной степени был потомком Новой Англии через центральные штаты, в то время как не более одной четвертой его населения, прибывшего из приграничных штатов, имело родословные, восходящие к Вирджинии.

Небраска, как и многие другие западные штаты, сначала была заселена трапперами, торговцами, миссионерами и солдатами. В 1845 году мормоны, изгнанные из Иллинойса и Айовы, остановились в Небраске, но большинство из них затем перебрались в Юту. Тем временем штат ежегодно пересекали сотни эмигрантских поездов, направлявшихся к Тихоокеанскому побережью, и таким образом он стал известен людям со всех концов Союза. В 1849 и 1850 годах, по оценкам, более 100 000 человек пересекли равнины Небраски таким образом. Некоторые из них останавливались здесь по разным причинам, а другие приезжали в штат, чтобы удовлетворить потребности эмигрантов. Таким образом, Небраска постепенно застраивалась за счет сухопутного транспорта. Ранняя миграция в Юту и Орегон сменилась наплывом в Калифорнию, и едва он утих, как в Колорадо начался бум, приведший в этот регион новые контингенты. Не успели они исчезнуть, как Трансконтинентальная железная дорога открыла территорию по-настоящему.

Первый бум на этой территории пришелся на 1856 год, когда сюда прибыло большое количество постоянных поселенцев. В 1860 году численность населения составляла 28 841 человек, и даже это время относительно небольшое число поселенцев зависело от сельского хозяйства, большинство из них все еще "жили за счет туристов", что стало признанной профессией в некоторых штатах полвека спустя.

Когда в 1847 году Бригам Янг привел туда своих Святых, штат Юта представлял собой пустыню в районе Большого Соленого озера, где почти не было индейцев. Раннее население было почти полностью нордическим, состоящим из выходцев из штатов Новой Англии, Нью-Йорка и тех штатов, в которых мормонская церковь временно обосновалась или через которые она последовательно переходила в Иллинойс, Айову, Миссури и Небраску.

Мормонские власти с самого начала предпринимали решительные усилия по привлечению новообращенных из Европы. Первый новообращенный прибыл из Ливерпуля в 1849 году. В то время английская миссия насчитывала 30 000 членов. Осенью 1849 года руководители мормонов учредили знаменитый Вечный эмиграционный фонд, который в дальнейшем использовался для помощи в перевозке новообращенных.

К 1850 году население мормонского поселения в Юте составляло 11 000 человек. Число новообращенных, привезенных из-за границы в течение первых десяти лет, оценивается в 17 000 человек, в основном из Англии. К 1887 году мормоны, по некоторым данным, привезли в Великий бассейн Скалистых гор более 85 000 представителей рабочего класса из Англии и Северной Европы.

В 1849 году Бригам Янг организовал на своей территории "Временный штат Дезерет", включающий территории нынешних штатов Юта и Невада, а также части Вайоминга, Колорадо, Нью-Мексико, Аризоны и Калифорнии. Это государство просуществовало недолго даже на бумаге, поскольку в 1850 году Конгресс принял закон об организации территории Юта, в которую также вошла нынешняя Невада.

К концу этого периода открытие богатых серебряных рудников на территории Невады стало привлекать сюда разношерстное население со всех уголков Запада. К 1863 году по результатам переписи мормонов в Юте проживало 88 206 человек, из которых, вероятно, большинство составляли иностранцы. Большую часть из них составляли англичане, особенно из фабричных городов, но несколько лет спустя Бригам Янг хвастался, что на его

территории было представлено пятьдесят национальностей. В целом, однако, население было почти полностью нордическим.

Предполагается, что первое поселение в Айдахо было сделано партией мормонов в 1855 году, когда он еще был частью территории Вашингтона. В конце рассматриваемого периода он все еще был частью территории Вашингтона и только начинал обрастать собственным населением благодаря золотой лихорадке 1860 года.

Первые поселенцы были из Орегона, Вашингтона и северной Калифорнии, среди них была необычная доля мужчин, родившихся в южных и юго-западных штатах.

Монтана в это время едва начала принимать поселенцев.

Тем временем приливы и отливы колонизации текли через "великие равнины", чтобы отложить свой груз на Тихоокеанском побережье.

Заселение Орегона можно удобно датировать экспедицией Маркуса Уитмена в 1836 году. Немногочисленных трапперов и торговцев, прибывших в ранние дни, можно не принимать во внимание. Так началась недолгая гонка между Соединенными Штатами и Великобританией за право колонизировать страну и за право владеть ею на основании фактической оккупации. Американская иммиграция всерьез началась только в 1842 или 1843 году, но продолжалась постоянно, пока открытие золота в Калифорнии не отвлекло многих на эту территорию.

Большинство первых американских поселенцев прибыли из Миссури или Айовы и представляли, таким образом, либо южных, либо новоанглийских первопроходцев. В целом можно сказать, что Орегон в то время был заселен из долины Миссисипи, и в основном людьми, которые приехали как настоящие поселенцы со своими семьями, что разительно отличается от авантюристов, захвативших Калифорнию.

Тем временем британские колонизаторы прибывали из Канады, многие из них были франко-канадцами, а остальные в основном имели шотландское происхождение. Но американское население росло так быстро, что к 1846 году, когда был заключен договор, определяющий параллель 49° как границу между двумя странами, на территории Орегона насчитывалось около 8000 американских поселенцев против примерно 1500 британских.

В 1860 году из 30 500 коренных иммигрантов в штате 40 процентов были выходцами с Юга. Почти половина из них была родом из Миссури, а большая часть - из Кентукки или Теннесси. Остальные представляли в основном население Новой Англии, которое всегда считалось основой Орегона.

Фактическое постоянное заселение страны Пьюджет-Саунд началось в 1845 году, но в течение нескольких лет дело продвигалось медленно. Едва успев начаться, золотая лихорадка переключила внимание всех на Калифорнию. Вслед за этим началась индейская

война 1855-1856 годов, а вскоре после нее Гражданская война нарушила все планы, оставив немногочисленных разрозненных жителей региона Пьюджет-Саунд посреди дикой местности, в окружении враждебных дикарей и неизбежного пренебрежения со стороны правительства, к которому они, естественно, обращались за помощью.

Вашингтон был отделен от Орегона и создан как независимая территория в 1853 году. По данным переписи населения, здесь проживало всего 3965 белых, что было слишком мало для того, чтобы взять на себя ответственность за самостоятельное политическое существование. Долина Уолла-Уолла была открыта в 1859 году, когда снятие военного запрета и исследование общественных земель позволили ожидающему населению численностью около 2000 человек устремиться туда и в течение короткого времени распространиться по всей восточной части Вашингтона.

XI

ТРОФЕИ МЕКСИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

Часто отмечалось, что Северная Америка досталась северянам, а не королю Испании, по чистой случайности, когда Колумб отклонился от своего курса, чтобы проследить за стаей птиц, и таким образом увидел Вест-Индию вместо материка, но несколько других происшествий сыграли не менее важную роль в передаче этой империи британцам. Разгром Непобедимой армады капитанами Елизаветы остановил экспансию Испании и тем самым дал британцам возможность начать колонизацию, а покупка Луизианы администрацией Томаса Джефферсона фактически сделала так, что большая часть североамериканского континента должна была принадлежать британцам, а не французам или испанцам. Сам Джефферсон, считавший покупку незаконной, видел ее огромные возможности, но никто в его время не мог понять, что эта акция будет означать для распространения нордической цивилизации до Тихого океана.

Освоение американцами Луизианы сделало возможным завоевание Техаса, чему в немалой степени способствовал тот факт, что в период после войны 1812 года на этой огромной территории проживало не более 5000 мексиканцев. Великие равнины простирались на юг как открытые владения, приглашая к заселению тех, кто был достаточно дальновиден и агрессивен, чтобы овладеть ими.

Начало американского заселения Техаса всегда относят к 1820 году, когда янки из Коннектикута Мозес Остин начал свою колонизацию. Сам Остин несколько лет прожил в Миссури, но большинство его поселенцев, как и большинство других первопроходцев Техаса, прибыли из нижней части долины Миссисипи или из Теннесси и Кентукки, с примесью авантюристов из Центральной и Новой Англии и даже из Европы.

К 1835 году, когда численность американцев настолько превысила численность мексиканцев, что сброс мексиканского ига стал неизбежен, на территории поселилось 30 000 или 35 000 нордиков. Их первоначальное происхождение легко вспомнить из того, что уже говорилось на этих страницах о заселении соответствующих штатов. В подавляющем большинстве это были англичане и шотландцы, преимущественно выходцы из трансаппалачской части Соединенных Штатов.

Мысль о том, что большинство этих поселенцев отправились в Техас с намерением приобрести этот регион для расширения рабовладельческих штатов, представляется малообоснованной. Большинство из них, как и большинство из них или их отцов несколькими десятилетиями ранее, отправились в Теннесси или Луизиану в поисках лучшей и дешевой земли, более свободных возможностей и возможного богатства. Именно случайность географического положения придала Техасу значение рабовладельческой территории и косвенно привела к войне с Мексикой.

С технической точки зрения объявление войны в 1846 году было мало оправдано, но с более широкой точки зрения это был один из самых важных и самых полезных актов, когда-либо предпринятых американским правительством, несмотря на чувства аболиционистов, потому что он стал заключительной процедурой в распространении американского суверенитета на Тихий океан.

Несколько лет спустя, во время Гадсденской покупки, Соединенные Штаты действительно лишились выхода к Калифорнийскому заливу, который они должны были иметь. Было ли это вызвано климатом этого региона, который заставил геодезистов уклониться от выполнения своих обязанностей, как гласит одна история, или пьянством картографов, которое заставило их провести пограничную линию криво, как гласит другая история, результат оказался плачевным и, возможно, может быть исправлен путем новой покупки. По логике вещей, Юго-Запад должен иметь выход на Персидский залив.

Это не подразумевает никакого желания захватить Нижнюю Калифорнию, которая является полуостровом, представляющим незначительную ценность для юридических целей, и содержит мексиканское население, которое ни при каких обстоятельствах не должно быть включено в состав Соединенных Штатов. С расовой точки зрения действительно удачно, что желание администрации Джеймса К. Полка включить весь полуостров Нижняя Калифорния в передачу суверенитета не было реализовано. Еще более катастрофическим было бы осуществление желаний важного элемента в Конгрессе, который хотел аннексировать большую часть северной Мексики.

Аналогичным образом, в наши дни вряд ли можно не быть благодарным за то, что Куба не получила независимость в первой четверти XIX века, а не в конце. Генри Клей и другие, поощряя кубинских патриотов, практически договорились о том, чтобы остров перешел под контроль Соединенных Штатов. В этом случае аболиционистские настроения на Севере, препятствовавшие расширению территории рабовладельцев, оказались более полезными для истинных интересов Америки, чем поколение спустя - ведь приобретение Кубы привело бы к появлению в Союзе неудобоваримой массы средиземноморцев и негров.

Когда подозрения и ревность в международных отношениях несколько утихнут, возможно, удастся внести небольшое исправление в границу Аризоны, что даст Юго-Западу выход к Калифорнийскому заливу. Такой шаг, несомненно, будет способствовать процветанию прилегающей мексиканской территории во всех отношениях. Если бы Мексику можно было убедить принять в дар некоторые владения Соединенных Штатов в Вест-Индии в обмен на эту услугу, вся сделка была бы весьма удовлетворительной.

Теперь легко понять, что Мексика не смогла бы удержать Техас ни при каких обстоятельствах, но катастрофа (с точки зрения мексиканцев) была ускорена и определена поощрением американской иммиграции, несмотря на отказ обсуждать продажу всей территории

Соединенным Штатам, и попыткой навязать приглашенным иммигрантам нежелательную государственную религию.

Во времена Республики Одинокой Звезды иммиграция быстро росла. Мексиканская война не только дала неограниченную рекламу региону, но и предоставила многим северянам возможность увидеть его воочию, и к концу этого конфликта в Техасе проживало около 200 000 американцев. В течение десятилетия с 1850 по 1860 год прирост населения штата был превышен немногими в Союзе.

К сожалению, большую часть этого населения составляли негры, которые с тех пор являются одним из настоящих препятствий для огромной американской империи. Как мы уже видели, большая часть населения восточного и южного Техаса была родом из прилегающих рабовладельческих штатов, и только во время Гражданской войны в северные графства начали прибывать переселенцы из Иллинойса, Миссури и Арканзаса. Война приостановила это движение, но позже оно возобновилось.

Тем временем в южный и западный Техас прибывала немецкая эмиграция, состоявшая в основном из альпийцев из штатов, расположенных вдоль Верхнего Рейна. Это движение достигло серьезных масштабов уже в 1842 году, когда группа дворян с неопределенными мотивами создала Земельную компанию Общества эмиграции. Движение продолжалось вплоть до Гражданской войны и не прекращалось вплоть до начала мировой войны. Хотя в 1860 году в Техасе насчитывалось всего 20 000 уроженцев Германии, они были настолько сконцентрированы, что половина всего населения южной части штата, в районе вокруг Сан-Антонио, составляли немцы. Здесь, как и в других местах, германы значительно снизили свою ценность для принявшей их страны, неразумно настаивая на сохранении обычаев и языка Отечества.

История любой страны показывает, что национальное единство - необходимое условие выживания нации. От тех, кто приехал в Соединенные Штаты по своей воле, чтобы воспользоваться открывшимися перед ними возможностями, вполне можно ожидать, что они будут искренне преданы стране, которая таким образом приносит им пользу, или переедут в другое место.

Население Нью-Мексико, когда оно стало частью территории Соединенных Штатов, состояло из местных жителей и мексиканских индейцев, причем в некоторых из них было достаточно испанской крови, чтобы считать себя белыми людьми. Самоназванное испано-американское население сегодняшнего дня, правильно говоря, состоит из тех, чьи предки находились на этой территории во время Мексиканской войны. Испанская часть описания должна рассматриваться в основном как титул вежливости, поскольку количество настоящей испанской крови в этом гибридном населении всегда было почти незначительным с биологической точки зрения, а под американской частью следует понимать коренных американских индейцев. Сохранение испанского языка и культуры, разумеется, лишь преходящий этап.

Федеральная перепись 1850 года насчитала в Нью-Мексико 61 000 жителей, не считая индейцев, но территория в то время включала всю Аризону и юго-восточное Колорадо. К 1860 году население той же территории составляло 82 979 человек, плюс 55 100 индейцев. В это время на всей территории насчитывалось менее 1200 коренных жителей Соединенных Штатов.

Численность белого населения Аризоны колебалась и зависела от процветания горнодобывающей промышленности, но когда федеральные войска были выведены с началом Гражданской войны, большинство белых мужчин также были вынуждены покинуть территорию. На тот момент единственным настоящим поселением был Тусон, где несколько сотен мексиканцев жили в средневековых условиях.

Когда испанцы, прибывшие из Мексики, вошли в Калифорнию, там уже жили индейцы. Большинство из них были очень низкого уровня интеллекта и социального развития. Испанские захватчики были в основном солдатами, и мало кто из участников этих ранних экспедиций привел с собой семьи. Поэтому, несомненно, с первых дней произошло некоторое смешение с индейцами. По обычаю других стран, те, в ком текла белая кровь, называли себя белыми, и цифры, приводимые ранними авторами о количестве испанцев в колонии, следует понимать именно в этом свете. Настоящей испанской крови было крайне мало, и большая ее часть текла в жилах миссионеров, которые не оставили после себя потомства.

Постоянное население составляли бывшие солдаты, которые оседали, женились на индианках и получали землю, а также случайные торговцы, бродячие моряки и искатели приключений. Население в 1820 году, не считая индейцев, вряд ли могло составлять более 500 человек. Мексиканская администрация пыталась поставлять в колонию женщин испанского происхождения, чтобы предотвратить слишком сильное смешение браков с индейцами, которое даже в то время считалось несколько позорным; но количество невест, которых можно было бы прислать в колонию такого рода, было невелико.

Население росло в основном за счет собственного естественного прироста, и малочисленность мексиканского населения в Калифорнии стала одним из главных факторов, приведших к включению этой территории в состав США. Подсчитано, что численность "испанского" населения, большую часть которого составляли индейцы, никогда не превышала 3000 человек. До американской оккупации в Калифорнии проживало не более 1200 иностранцев, три четверти из которых были американцами, а большинство остальных - британцами. Таким образом, эта огромная территория, вошедшая в состав США в 1848 году в результате Мексиканской войны, была относительно пустой. Поэтому количество испанской крови в современном населении Калифорнии должно быть весьма незначительным.

Всю тенденцию миграции изменило открытие золота в конце 1848 года. В феврале того года во всей Калифорнии насчитывалось не более 2000 американцев. К концу декабря их было уже 6000. К июлю 1849 года их число выросло до 15 000, а еще через полгода - до 53 000. Самые ранние переселенцы, естественно, прибывали из близлежащих регионов. Один только Орегон привлек более 5000 человек из своего скудного населения. Но каждый морской порт Тихого океана прислал свой контингент, и поток людей, хлынувший на золотые прииски, был самым космополитичным из всех, что когда-либо появлялись в Северной Америке. В газете *"Нью-Йорк Трибьюн"* за 15 декабря 1849 года появилось следующее сообщение из Сан-Франциско:

"Иностранные флаги в гавани: Английский, французский, португальский, итальянский, гамбургский, бременский, бельгийский, новогранадский, голландский, шведский, ольденбургский, чилийский, перуанский, русский, мексиканский, ганноверский, норвежский, гавайский и таитянский".

Когда 9 сентября 1850 года территория стала государством, ее население составляло не менее 150 000 человек, а через год, вероятно, достигло четверти миллиона. Многие из аргонавтов оставались здесь лишь на несколько месяцев и, не сумев разбогатеть в один миг, уезжали в другие места, так что состав населения заметно менялся от недели к неделе. Это было почти исключительно мужское население. Лишь немногие привозили с собой семьи; и хотя проститутки прибывали в Сан-Франциско из всех доступных морских портов, они практически не пополняли ряды постоянного населения.

Первый китайский иммигрант попал в Калифорнию в 1847 году, а к лету 1852 года за ним последовали еще 20 000 человек. Вероятно, 5000 мексиканцев также прибыли на территорию, которую они так недавно потеряли.

К переписи 1860 года, судя по всему, большая часть -бездельников снова покинула штат, и была заложена основа постоянного населения. Общая численность населения составляла 380 000 человек, из которых почти 40 процентов были иностранцами; этот процент достиг такой высокой отметки отчасти из-за большого количества китайцев. Население Калифорнии в большей степени представляло весь Союз, чем население любого другого штата - примерно равное количество составляли жители Новой Англии, средних штатов, Северо-Запада и нижней части долины Миссисипи. Это население, как следует помнить, почти полностью проживало в северной половине штата. Более однородное заселение южной половины началось лишь в середине следующего периода.

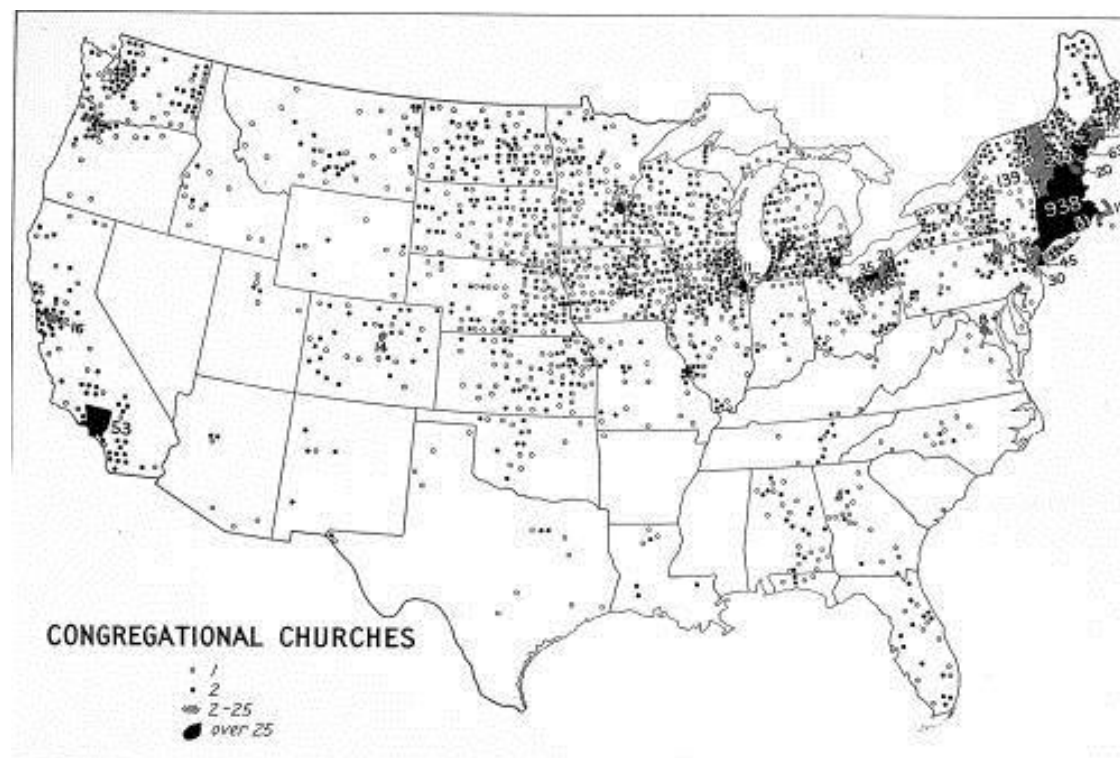
Калифорния существенно отличается от других приграничных регионов Соединенных Штатов тем, что ее заселяли со всех концов страны, а не в основном из прилегающих штатов. Огромные минеральные богатства нового штата с самого начала обеспечили его богатым капиталом для местных предприятий, поэтому он был свободен от комплекса должника, столь характерного для других приграничных сообществ.

Калифорния обращена на запад, к Тихому океану, и превратилась в уникальный и более или менее самодостаточный регион с определенным самодостаточным характером.

Пока Запад заполнялся и Соединенные Штаты выходили к Тихому океану, штаты на Атлантике продолжали расти в силе и численности населения, в основном за счет собственного естественного прироста, но отчасти и за счет иммиграции того периода. Французские канадцы начали стекаться в Новую Англию, что продолжается и по сей день. В едином штате Нью-Йорк к концу периода проживал миллион иностранцев, из которых половина была ирландцами, а четвертая часть - немцами. В Нью-Джерси иностранцев стало на одну пятую часть больше, в Коннектикуте - на одну шестую, в Пенсильвании - на одну седьмую. Расовый характер этой иммиграции не был особенно вреден, так как она была в основном нордической, но большой римско-католический элемент вызвал всеобщую тревогу.

Прибытие большого количества невежественных и нищих южноирландских католиков, занимавших здесь самый низкий социальный статус, привело к формированию тайной политической партии коренных американцев, прозванной "Знающие" из-за их отказа обсуждать или разглашать свои цели и действия. Для целей членства они определили, что коренной американец - это человек, все четыре бабушки и дедушки которого родились в этой стране. Политика этой партии на раннем этапе ее карьеры заключалась в том, чтобы действовать тайно, поддерживая кандидата, который наиболее точно отражал их взгляды, независимо от его партийной принадлежности. Партия сразу же набрала большую силу и в

1854 и 1855 годах победила на выборах в Массачусетсе, Нью-Йорке, Кентукки, Калифорнии и ряде других штатов. В 1856 году она сыграла большую роль в национальной политике, но ее организация была нарушена из-за растущей остроты проблемы рабства.

КОНГРЕГАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕРКВИ

Распределение 4447 конгрегациональных церквей в США. Цифры указывают на количество церквей в заштрихованных областях, в которых их слишком много, чтобы показать их точками и кружками. Поскольку Конгрегационная церковь в значительной степени отождествляется с Новой Англией, карта в общих чертах показывает движение на запад людей новоанглийского происхождения.

Принципом партии "Ничего не знаю" было противодействие политической власти больших масс новоприбывших иностранцев. Особенно это было направлено против католической церкви, поскольку считалось, что создание ими церковно-приходских школ противоречит системе государственного школьного образования, которую американцы того времени считали палладиумом своих свобод. Враждебное отношение к католикам усугублялось попытками использовать для церковно-приходских школ государственные средства, полученные от общего налогообложения, а также освобождением от налогов крупных церковных учреждений и церквей, на которое они часто претендовали.

Дальнейшее противодействие пришельцам было вызвано их организацией в компактные политические единицы, которые быстро деморализовали наши муниципальные органы власти, и этот скандал продолжается до сих пор.

Все это привело к широко распространенному убеждению, что эти иммигранты, прибывающие в большом количестве, отказываются искренне принимать обычаи, принципы и институты страны, в которой они нашли убежище. Это убеждение сохраняется до сих пор и порождает в каждом поколении, начиная со времен партии "Ничего не знаю", такие же мощные и тайные антииностранные организации. Наши инопланетные элементы и по сей

день крайне болезненно относятся к публичному обсуждению любых подобных вопросов. В этом отношении у американцев, вероятно, меньше свободы слова и свободы прессы, чем в любой из стран Европы.

В колониальный период естественный прирост англосаксонского населения в Новой Англии сделал постоянным источником населения для быстро открывающегося Запада. Однако ни один штат не внес такого большого вклада в население последующих Соединенных Штатов, как Виргиния, самая большая и густонаселенная из тринадцати колоний. Нельзя читать историю продвижения американской границы на запад, не осознавая важности Старого Доминиона в обеспечении переселенцев на Запад, сначала в Кентукки, затем в штаты верхней и нижней части долины Миссисипи, позже на Великие равнины, и, наконец, на Юго-Запад и Тихоокеанское побережье.

Но если Виргиния была самым плодородным источником переселенцев, то Новая Англия в большей степени наложила свой отпечаток на американскую цивилизацию; и это стало возможным во многом потому, что в Массачусетсе и родственных ему штатах имелась эмигрантская масса, способная лично нести этот отпечаток. Однако перед Гражданской войной рождаемость старого белого населения Новой Англии снизилась до такой степени, что оно, вероятно, не восполняло собственную численность.

В 1860 году религиозное единство Соединенных Штатов было несколько нарушено. Единство языка еще почти не подвергалось угрозе. Единство институтов, традиций и культуры было нарушено лишь на время. Расовое единство страны мало изменилось по сравнению с 1790 годом. Соединенные Штаты по-прежнему на девять десятых состояли из нордических народов.

Ранее на этих страницах приводилось описание пустого континента, который был открыт для заселения британцами по обе стороны канадской границы.

Давайте посмотрим, как была использована эта возможность в период с конца колониальной эпохи до Гражданской войны.

Континент был захвачен, и территория Союза была расширена на запад до Тихого океана. Леса были вырублены, а дикая природа уничтожена. Индейцы были выселены. Минеральные богатства западных гор были разграблены. Уголь был добыт, а некогда плодородная почва южных штатов сильно истощена безрассудным выращиванием табака и хлопка. Расточительство стало порядком дня в Америке.

Возможно, все это было неизбежно, но со времен Сезара, разграбившего Галлию, никогда еще столь большая территория не была разграблена за столь короткий срок. Вероятно, на мировой арене никогда не появлялось более разрушительного человека, чем американский пионер с его топором и винтовкой.

В 1860 году, в конце этого периода, мы видим, что основные элементы национального единства остались неизменными, но нам предстояло вступить в братоубийственную войну, которая должна была уничтожить лучшую кровь нации. Мы приняли большое количество ирландских и немецких иммигрантов, которые нарушили, в случае с ирландцами, нашу

религиозную систему и привнесли некоторые нежелательные расовые элементы. Приехавшие немцы были в основном протестантами и лишь временно нарушали наше единство, цепляясь за свой иностранный язык. Оба эти элемента, однако, были до преимущественно нордическими, и только в следующий, заключительный период из южной и восточной Европы сюда пришли неассимилируемые альпийцы и средиземноморцы. Трагедия Гражданской войны и внедрение дешевой рабочей силы были еще впереди, так что в 1860 году Соединенные Штаты находились на пике своего национального единства.

Индейцы были безжалостно уничтожены, что было неизбежно, поскольку нельзя было позволить нескольким охотничьим племенам владеть континентом, но негритянский вопрос можно было отложить, а людей, без нужды погибших на полях сражений Юга, можно было использовать для заселения штатов Дальнего Запада.

В следующей главе мы рассмотрим, как захлебнулась американская цивилизация, достигшая своего зенита в 1860 году.

XII

ИНОПЛАНЕТНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Период 1860-1930 годов, с которым мы сейчас имеем дело, характеризуется окончанием бесплатной государственной земли на Западе около 1880 года. Он также отмечен большим развитием промышленности на севере и востоке, что создало спрос на дешевую рабочую силу и привлекло массовую иммиграцию небританских и не нордических рабочих из южной и восточной Европы. Эта иммиграция в большинстве своем направлялась в города и промышленные районы.

Южные штаты, которые не начали промышленную экспансию до Гражданской войны, не приветствовали иммигрантов низкосортного фабричного типа, поэтому Юг остался типично американским. Одним из странных результатов Гражданской войны стало то, что в то время как победивший Север продал свое право на культуру, религию и расовую чистоту за промышленную похлебку, Юг, хотя и потерпел поражение и обнищал, сохранил свое расовое наследие в неприкосновенности.

Некоторые из ранних иммигрантов в этот период искали земли на Западе, пока их еще можно было получить. Земельный голод увлек большинство энергичных, амбициозных и способных северных иммигрантов на запад, а промышленная экспансия Новой Англии, Пенсильвании, Огайо и некоторых прилегающих штатов привела к тому, что на Востоке возникла неостребованная потребность в низкосортной фабричной рабочей силе. Этот спрос был быстро осознан пароходными компаниями, которые начали рыскать по Европе в поисках иммигрантов для перевозки в Америку.

Наиболее благодатной почвой для вербовки такого рода человечества была Южная Европа, Италия, Балканские страны, а также провинции тогдашней Австрийской империи и России. Потенциальным иммигрантам предлагалось приехать в Америку. При этом не было никакой дискриминации по типу или качеству. Многие преступники, особенно на юге Италии и Сицилии, подвергались облавам при попустительстве, а то и по фактической инициативе правительств этих стран.

Что касается соотношения преступников и коренного американского населения, то некоторые интересные цифры были получены в результате непосредственного обследования 242 государственных и федеральных тюрем в США в 1931-32 годах. Большинство упомянутых преступников были осуждены за серьезные правонарушения. Преступники из северо-западной Европы значительно уступали (иногда лишь на четверть) в соотношении с населением в целом. В Южной Европе и Восточной Европе этот показатель был намного выше. Филиппинцев было более чем в два раза больше, чем положено, негров - на две и три четверти больше, чем положено, а мексиканцев - в шесть с половиной раз больше, чем положено по соотношению к общей численности населения.

Именно в этот период началось бурное и неистовое нашествие польских евреев, поток которых удалось остановить лишь недавно, и то с большими трудностями. Огромную массу переселенцев из Южной Польши, Галиции и России составляли евреи-ашканазины, потомки частично альпийских хозар с монгольской примесью, которые проникли в восточную Украину из Азии в первые века нашей эры. Многие из хозар и их ханов были обращены в христианство еврейскими миссионерами и официально приняли иудаизм в 740 году н. э. Сомнительно, чтобы среди этих восточноевропейских евреев была хоть капля старой палестинской, семитской ивритской крови. По сути, это неевропейский народ. Язык, на котором они говорят, юдиш, или идиш, - это испорченный немецкий язык франконского диалекта, смешанный со славянскими и древнееврейскими элементами, что усиливает традицию о большой миграции немецких евреев в Польшу в средние века. Возможно, род этих немецких евреев вымер, оставив после себя только их язык, но в любом случае польские евреи теперь явно альпийские - смесь славян и азиатских захватчиков из России.

Точные данные о еврейской иммиграции были получены только в 1899 году, когда эта группа была перечислена отдельно. До этого года в страну прибыло, вероятно, 500 000 евреев, а после - около 2 000 000. С начала этого века евреи составляли 10 процентов от общего числа иммигрантов в эту страну, а сейчас их здесь более 4 000 000, половина из которых проживает в Нью-Йорке. Это более одной пятой всех евреев мира.

Поскольку они говорят на идиш, их часто называют "немецкими евреями". Но на самом деле число выходцев из Германии невелико, и, как уже говорилось, большую часть из них правильнее называть "польскими евреями", а настоящие немецкие евреи презирают их в обществе. Многие из них являются выходцами из тех частей Польши, которые до мировой войны находились под властью России. По данным иммиграционной службы, последнее место жительства прибывших евреев в 1899-1924 годах выглядит следующим образом:

Страны

Россия и Польша	1,243,000
Австро-Венгрия	260,000
Румыния	103,000
Великобритания	73,000
Турция	20,000
Германия	15,000
Британская Северная Америка	57,000
Все остальные страны	67,000

	1,838,000

Тем временем иммиграция из Северной Европы сократилась, причем не только относительно, но и абсолютно, и в то же время коренные американцы, чьи предки были преимущественно нордическими, стали тесниться к стене. В некоторых районах Новой Англии эти прогрессивные изменения вскоре стали слишком очевидными и превратили их уже не в американские, а в иностранные общины. Франко-канадцы, ирландцы и поляки захватили целые районы и заняли заброшенные фермы. Польские евреи, почти полностью поселившись в крупных городах, создали гетто, по большинству параметров напоминающее перенаселенный урбанизм их родины.

Американцы были настолько одержимы идеей "убежища для угнетенных", что даже приветствовали вывоз в нашу страну той массы человеческих страданий, которая была в польских гетто. Когда возникло возражение, что в Нью-Йорке уже проживает 1 000 000 евреев, была предпринята попытка перенаправить эту миграцию в Техас, где на широких просторах должно было найтись место для 7 000 000 польских евреев.

Немецкие евреи, которые также приехали в эту страну в меньшем количестве в конце прошлого века, были альпийского типа, близко похожи на евреев из Польши, Галиции и России. Все эти евреи резко контрастируют с евреями-сефардами, высшей группой, в основном средиземноморской расы, немногие из которых приехали из Голландии в Америку в колониальные времена. Эти последние добрались до Испании через Северную Африку, а затем бежали в Голландию, спасаясь от инквизиции.

Иммиграция из Скандинавии была полностью нордической. Швеция - чисто нордическая страна, а Норвегия и Дания - в подавляющем большинстве. Литва и Северная Польша также являются нордическими землями, как и немецкие провинции вдоль Балтики; но Южная Польша и Галиция - альпийские, как и большинство иммигрантов, прибывших из Южной Германии. Выходцы из провинций бывшей Австрийской империи в основном альпийцы, хотя несколько нордиков приехали из Тироля.

Балканы, Греция, Малая Азия и Армения прислали практически только альпийских иммигрантов. Франкоязычная Швейцария изначально была бургундской территорией и привнесла в Америку очень ценные нордические расовые элементы. Выходцы из немецкоязычной Швейцарии были в основном альпийцами.

Период великого переселения европейцев в Соединенные Штаты охватывает всего лишь столетие. До этого времени, с момента основания Союза, большинство иммигрантов были англичанами и шотландцами. Вплоть до 1860 года, как мы помним, этот британский характер иммиграции сохранялся, за исключением начала большого потока немцев, которые стали, наряду с англичанами, самым многочисленным элементом нашего населения.

Первые немцы в Соединенных Штатах были, как уже говорилось, в основном альпийцами из верхнего Рейна - Пфальца и Швабии. В 40-х годах прошлого века ареал немецкой эмиграции расширился. Сначала в западные земли и провинции, которые носили гораздо более нордический характер (Гессен, Рейнская область, Вестфалия, Тюрингия). Весь этот регион имел удобный выход по Рейну к морским портам; кроме того, эмиграция стимулировалась результатами революционной деятельности, которая вынудила многих уехать.

После того как транспортное сообщение стало улучшаться благодаря железным дорогам, основные потоки эмиграции стали направляться из центральной и восточной Германии. Первого гребня эмиграция достигла на юго-западе и западе Германии в середине 50-х годов,

второго - в Центральной Германии к концу этого десятилетия, третьего - в восточной части империи в 70-80-е годы. Эта более поздняя эмиграция была в целом более нордической, чем предыдущий поток.

После мировой войны, когда деловые условия в Германии привели к нескольким годам активной эмиграции, основной целью которой были Соединенные Штаты, поток эмиграции снова сместился в северо-западные и юго-западные районы (первые - северные, вторые - преимущественно северные) и от северо-востока, который был еще более северным.

Скандинавская иммиграция, еще один основной источник северного населения Соединенных Штатов, почти полностью относится к периоду после Гражданской войны. Наибольший объем пришелся на период с 1877 по 1898 год, когда прибыло более 1 000 000 человек. Пятая часть всего населения Норвегии и Швеции переехала в Новый Свет, почти все они искали фермы в штатах верхней части долины Миссисипи. Активная иммиграция из Скандинавии наблюдается и после окончания мировой войны. В целом Соединенные Штаты были единственным направлением, которое рассматривали скандинавские эмигранты. Из тех, кто покинул родину, ни один швед из пятидесяти не направил свой путь куда-то еще, кроме Америки. Ни одна другая эмигрантская группа не проявляла такого целенаправленного интереса к Соединенным Штатам, хотя норвежцы не сильно отставали: 96 % их отъездов были направлены в США, а датчане - 88 %.

Прибывая в Нью-Йорк или иногда в Квебек, иммигранты добирались до Чикаго или Детройта, и оттуда распределялись по штатам к западу от Великих озер. Норвежское движение было более ранним, оно началось с южных и центральных округов этого королевства и постепенно продвигалось на север, пока прибывшие не стали указывать в качестве места своего рождения маленькие городки далеко к северу от Полярного круга.

Через несколько десятилетий норвежцы владели в шесть раз большим количеством сельскохозяйственных земель в штатах Миннесота, Висконсин, Айова, Иллинойс, Мичиган и Дакота (четыре пятых иммиграции приходится на эти штаты), чем все фермеры в "Старой стране". Ни одна национальность не отправляла в города столь малый процент своего населения - каждый пятый, по сравнению с половиной немцев и еще более высоким процентом ирландцев и итальянцев, которые стремятся к городской жизни.

Эта склонность к сельскохозяйственной жизни и к быстрому и искреннему американизму сделала огромное количество скандинавских иммигрантов одними из самых ценных, которые получила Америка.

В то же время продолжалась постоянная иммиграция англичан и ирландцев. Последние до последних нескольких лет вносили яд в нашу политическую жизнь, переноса в Соединенные Штаты свою старую политическую и религиозную вражду с Великобританией и пытались вовлечь эту страну в свои планы по освобождению Ирландии. Как следствие, дружеские отношения, которые должны существовать между двумя великими англосаксонскими нациями, были нарушены, и систематическая политика накручивания львиного хвоста проводилась не только фенийскими агитаторами, но и американскими демагогами, стремящимися получить "ирландские голоса".

До 1880 года только 5 процентов иммиграции составляли выходцы из Южной и Восточной Европы. В период с 1860 по 1880 год из восточной и южной Европы приехало менее 250 000 иммигрантов. Затем наступила настоящая лихорадка, и в период с 1890 по 1910 год более 8 000 000 иммигрантов из Южной и Восточной Европы достигли наших берегов.

К группе, неоднородной по отношению к старому коренному населению Америки, относятся итальянцы. Оно начало прибывать после 1870 года, но достигло больших масштабов только после 1890 года. Вскоре это стало наводнением. С 1900 года и до тех пор, пока мировая война не сократила иммиграцию, итальянцы значительно превосходили по численности все другие народы, прибывающие на наши берега.

Северная Италия дала нам несколько прекрасных типов иммигрантов. В основном это альпийцы с нордической примесью. Южная Италия, то есть Неаполь и Сицилия, прислала нам почти исключительно средиземноморскую популяцию, которая составила большую массу итальянской иммиграции и была крайне низкого типа. В некоторой степени они происходят от рабов, которых римляне собирали вдоль побережья Средиземного моря от Сирии до Марокко и использовали в своих больших поместьях или латифундиях. Среди них, однако, можно найти и остатки донордического средиземноморского населения Италии.

В прежние десятилетия из Италии эмигрировали в основном североитальянцы, которых обычно называют "генуэзцами", но в основном из многолюдной итальянской Ривьеры к западу от Генуи. Они отправлялись в соседние страны, особенно во Францию, и в Южную Америку, лишь немногие из них достигали Соединенных Штатов. Когда началась массовая эмиграция итальянцев в эту страну, она происходила из центральной и южной Италии и Сицилии, которые по своему расовому составу совершенно отличаются от жителей более северных районов.

О северных итальянцах хорошо отзываются в тех странах, куда они уехали. Южные итальянцы, похоже, значительно уступают им по качеству. Хотя страна их происхождения, *Magna Græcia*, две тысячи пятьсот лет назад была источником значительной части мирового прогресса в цивилизации, сомнительно, что читатель сможет назвать хоть одного человека, произведенного в этом регионе за последние две тысячи лет, чьи способности или выдающиеся качества были таковы, что позволили бы ему занять достойное место в мировой истории.

Добавьте к этому, что в Соединенные Штаты попали даже не лучшие представители южной части итальянского населения, а в некоторых случаях скорее та часть, от которой местные власти были рады избавиться, и легко понять, как итальянские дети в американских школах почти по всем тестам показали себя отдельной группой, значительно отделенной от всех других белых расовых групп и близкой по своим способностям к детям негров-мулатов.

Из всех неанглоязычных народов, прибывших в Соединенные Штаты за последнее столетие, 4 500 000 итальянцев превосходят только одну группу, а именно почти 6 000 000 немцев.

Итальянцы оказались более склонны к возвращению на родину, чем некоторые другие. Во всех случаях иммиграции было замечено, что значительная часть иммигрантов оставалась лишь на время, иногда на сезон работы, иногда на целое поколение или до тех пор, пока они не накапливали достаточно денег, чтобы вернуться в "старую страну" и жить на свои инвестиции. Обычно считается, что количество прибывших должно быть уменьшено примерно на одну треть, чтобы получить чистую цифру постоянной иммиграции. Конечно, бывают исключения - так, относительно редко еврей, приехавший в Соединенные Штаты, впоследствии покидает страну.

За шестнадцать лет, с 1908 по 23 год, общая эмиграция иностранцев из США составила 35 процентов от общей иммиграции, и различия между расовыми группами в отношении этой тенденции были огромны.^[10]

Этот прилив и отлив миграции часто упускается из виду. Невозможно понять цифры численности населения, не принимая их во внимание.

Хотя отъезд стольких неассимилируемых иностранцев весьма благоприятен, тот факт, что миграционная дешевая рабочая сила wpłyвает и выплывает из страны, чтобы конкурировать с коренными белыми, может, конечно, иметь самые серьезные последствия в социальном и экономическом плане для старого населения. К счастью, теперь это удалось остановить с помощью соответствующих ограничений.

Рассматривая всю историю иммиграции в Соединенные Штаты за полтора века до 1930 года, можно заметить, что примерно половина общего числа иммигрантов была из стран Северной и Западной Европы, которые в значительной степени, а некоторые и явно нордического типа, прислали нам людей, которые в большинстве случаев были легко ассимилированы коренными американцами. Большинство из них прибыли в течение первого века жизни Республики, как указывалось выше.

После 1890 года прилив сил переместился в южную и восточную Европу, страны которой в 1913 году (последний год неограниченной иммиграции) прислали 85 % от общего числа иммигрантов против 15 % из северной и западной Европы. Основными участниками этого более позднего потока, который часто называют "новой иммиграцией" в отличие от "старой иммиграции", были, в порядке убывания значимости, Италия, Австро-Венгрия и Российская империя.

ФУТБОЛ:

[10] Во главе списка стоят китайцы: число эмигрантов отсюда превышало число иммигрантов на 30 процентов, то есть никто не приезжал на постоянное место жительства из-за законодательных ограничений, а некоторые из ранее прибывших возвращались домой, чтобы остаться. В ряде групп отток составил более половины от притока - болгары, сербы, черногорцы - 89%; турки - 86%; корейцы - 73%; румыны - 66%; мадьяры - 66%; итальянцы (южные) - 60%; кубинцы - 58%; словаки - 57%; русские - 52%.

Самый низкий уровень реэмиграции был у евреев - 5 процентов. Ирландцы составили 11 процентов, шотландцы и валлийцы - 13 процентов, армяне - 15 процентов, голландцы и фламандцы - 18 процентов, мексиканцы - 19 процентов, англичане и французы - 21 процент, скандинавы - 22 процента, сирийцы - 24 процента, литовцы - 25 процентов, финны - 29 процентов.

XIII

ТРАНСФОРМАЦИЯ АМЕРИКИ

Под воздействием "новой иммиграции", большая часть которой приходится на начало нынешнего века, облик Штатов, которые, как уже неоднократно было показано, были почти полностью нордическими и протестантскими, начал быстро меняться. Что касается коренного населения, то большинство штатов следовали часто упоминаемому на этих страницах правилу, согласно которому штат заселяется, во-первых, за счет собственного прироста, а во-вторых, за счет переселения из непосредственно прилегающих к нему штатов.

Согласно переписи 1930 года, Мэн, составляя примерно одну десятую часть населения Новой Англии, лишь на пять восьмых состоит из коренного населения, *то есть* белых коренных жителей от коренных родителей. В основном это люди, родившиеся в штате Мэн, и несколько человек из соседних штатов. Из иностранного населения три четверти составляют франко-канадцы.

Аналогичная картина наблюдается и в Нью-Гэмпшире, где процент коренных американцев из соседних штатов несколько выше.

Коренное население Вермонта, за исключением той части, которая родилась в самом штате, прибыло из Нью-Гэмпшира или Массачусетса, а еще больше - из Нью-Йорка. Как и в двух упомянутых ранее штатах, на сайте большинство иностранцев - выходцы из французской Канады, а те, кто не из Квебека, в основном ирландцы.

Славяне и итальянцы практически не проникают в эти три штата.

Массачусетс в 1930 году был более космополитичным: в нем проживало 300 000 человек из других штатов Новой Англии и почти 100 000 из Нью-Йорка. Однако старое белое население сейчас составляет не более трети населения штата залива. Франко-канадцы, ирландцы, итальянцы, поляки, русские и скандинавы, в названном порядке, полностью подавили коренное население - даже такая маленькая страна, как Литва, представлена в Массачусетсе более чем 50 000 человек.

Население Род-Айленда также лишь на треть состоит из старых жителей. Его цвет кожи похож на цвет кожи Массачусетса. Католики из Французской Канады контролируют власть во многих общинах.

Коннектикут, как и Род-Айленд, примерно на треть состоит из старых американцев. Здесь итальянцы являются преобладающим элементом по численности, а ирландцы, славяне и франко-канадцы почти одинаково многочисленны.

Таким образом, Новая Англия с ее более чем 8 000 000 жителей практически потеряна для коренных американцев. Их рождаемость в этом регионе уже давно ниже уровня, необходимого для предотвращения вымирания, а миграция на запад теперь вызвана не увеличением региона, как в колониальные времена, а фактическим выкорчевыванием семей, место которых занимают другие, которые по расе, языку, религии, культуре и институтам совершенно не соответствуют американским традициям.

Аналогичная картина наблюдается, если обратиться к 26 000 000 жителей Среднеатлантических штатов - самой густонаселенной, самой богатой и во многих отношениях самой влиятельной части страны.

Старый фонд составляет лишь треть населения Нью-Йорка. Для его формирования были привлечены все штаты Союза, причем Пенсильвания и Нью-Джерси предоставили самые большие контингенты. В штате насчитывается около полумиллиона негров - в основном на Манхэттене, хотя соотношение прироста негров в некоторых других городах штата значительно превышало соотношение прироста белых в период с 1920 по 1930 год. Так, если белые жители Буффало за это десятилетие выросли на 11 процентов, то негры - на 200 процентов; в Сиракузах они росли в два раза, в Ютике - в четыре, в Рочестере - в семь, в Олбани - в восемь раз быстрее белых - разумеется, за счет миграции большого количества мулатов из южных штатов на север.

Со своими двумя миллионами евреев, полутора миллионами итальянцев, миллионом немцев, тремя четвертями миллиона поляков и ирландцев, а также значительными контингентами почти из всех других стран на карте, Эмпайр-Стейт едва ли способен удовлетворить требования основателей Республики, которые, как и Томас Джефферсон, прежде всего опасались формирования чужеродного городского пролетариата как условия, при котором демократическая форма правления не могла бы успешно функционировать.

В 1930 году три восьмых населения Нью-Джерси все еще составляли старые коренные жители, хотя половина из них родилась в других штатах, особенно в Нью-Йорке и Пенсильвании. Остальное население представляло собой разнородную смесь из полумиллиона британцев (в основном ирландцев), полумиллиона южных итальянцев, четверти миллиона поляков, несколько большего числа немцев и так далее по списку.

Пенсильвания демонстрирует несколько лучшие показатели: более половины ее населения по-прежнему составляют старые коренные американцы. Из более поздних переселенцев наибольшее число - около миллиона - составляют британцы (в том числе ирландцы). Италия и Польша прислали более полумиллиона человек, Германия - не намного меньше, Россия и Чехословакия - более 200 000.

Таким образом, в обоих этих регионах - Новой Англии и Средней Атлантике, где проживает более трети всего населения Соединенных Штатов, - старые американцы оказались в меньшинстве. К счастью, этого нельзя сказать ни об одном из других крупных регионов страны, хотя это верно в отношении нескольких других отдельных штатов - Висконсина, Миннесоты и Северной Дакоты, - где иностранцы или их потомство составляют незначительное большинство, но имеют хорошие нордические корни. В целом, именно северная и центральная части Атлантического побережья стали самыми неамериканскими частями Союза. Южноатлантические штаты сегодня играют гораздо менее важную роль в обеспечении населения остальной части страны, чем это было столетие назад, но они все еще являются американскими. В последующем обсуждении их негритянское население не учитывается, а рассматривается только белое, если не указано иное.

Делавэр, более трех пятых населения которого принадлежит к старому населению, в последние годы не привлекал большого пополнения, кроме как от своих соседей с запада и юга - Пенсильвании и Мэриленда. Пришельцы - космополитический элемент, в котором не преобладает ни одна группа.

Мэриленд на три четверти состоит из местных жителей. Его промышленная и торговая жизнь, сосредоточенная в Балтиморе, привлекает население с необычайно широкой территории, и эта тенденция значительно усиливается, поскольку многие представители космополитической группы в Вашингтоне фактически проживают в Мэриленде. Таким образом, в дополнение к многочисленному контингенту из Пенсильвании и Вирджинии, здесь есть группы по тысяче и более человек из половины штатов Союза. Основную часть иностранного населения составляют немцы, поляки, русские (включая евреев) и итальянцы, а также британцы.

Округ Колумбия, являющийся резиденцией федерального правительства, естественно, привлекает своих жителей из всех частей Соединенных Штатов, но наибольший элемент того, что можно назвать его постоянным населением, составляют жители Вирджинии и Мэриленда. Здесь нет большого иностранного элемента, но негры, составляющие более четверти всего населения, нигде не проявляют такой агрессивности. Принято считать, что причина, по которой Конгресс никогда не хотел предоставлять жителям округа право голоса даже в местных делах, заключается в том, что это могло бы отдать политический контроль в

руки этого негритянского блока, который всегда найдет беспринципных белых политиков, готовых забыть о своем собственном праве по рождению и помыкать им.

Виргиния почти полностью состоит из старых коренных жителей, уроженцев Виргинии. Ее морские порты и близость к округу Колумбия обуславливают наличие некоторых жителей из других штатов. После того, как в описании иностранцев, родившихся в Североатлантических штатах, используются четверть и полмиллиона, можно с недоумением отметить, что в Старом Доминионе всего 23 000 белых иностранцев всех мастей. Число тех, кто является уроженцами иностранного или смешанного происхождения и, следовательно, классифицируется как "иностранное население", вдвое больше; но многие из них - британцы. С Вирджинией мы попадаем в регион, где старый коренной американец держит свои позиции.

Северная Каролина представляет собой еще более поразительную картину. В ее населении, насчитывающем более трех миллионов человек, переписчики 1930 года обнаружили лишь 25 000 иностранцев, родившихся в других странах или имеющих иностранное происхождение. Северная Каролина - активный промышленный штат, однако своего современного развития она достигла за счет собственных ресурсов. Ее соседи на севере и юге вместе взятые дали сто тысяч граждан; другие регионы внесли несколько вкладов; но старое белое американское население в этом штате, как и во многих других на Юге, было в значительной степени самодостаточным.

Южная Каролина не только принадлежит к американскому фонду, но и практически не имеет пришельцев, даже из соседних штатов. Помимо коренных жителей, белое население составляют немногочисленные англичане и немцы, несколько северян и умеренные контингенты из соседних штатов, которые все еще незначительно превышают негритянский элемент в штате.

Джорджия вписывается в ту же схему, хотя она привлекла несколько больше "новой иммиграции" - славян и итальянцев, а также несколько больше янки, так что ее население в целом несколько более космополитично.

Флорида, с другой стороны, имела приток как северян, которые почти изменили политический цвет штата, так и иностранного населения, в основном нордического, но с вест-индским элементом, который менее ассимилируем. Из миллиона белых жителей штата шестая часть - иностранцы, включая почти все национальности, встречающиеся в Соединенных Штатах. Но, несмотря на несколько космополитичный характер населения, штат в подавляющем большинстве нордический, как и другие южные содружества.

Западная Вирджиния, отрезанная от Старого Доминиона технически сомнительным шагом в начале Гражданской войны, этим самым "отделением" показала, что ее население сильно отличается от населения Тайдуотера. Как уже отмечалось ранее, в последнем регионе проживали англичане, а в горах - ольстерские шотландцы, с совершенно разными взглядами на жизнь. Западная часть штата никогда не была большим рабовладельческим регионом, отчасти из-за настроений народа, отчасти потому, что рабу там было нечего делать, а свободный белый не мог бы делать это гораздо лучше. По сей день лишь один из шестнадцати жителей Западной Вирджинии - цветной, и она по-прежнему в основном коренная белая, несмотря на угольные шахты, которые в других регионах стали в значительной степени зависеть от труда славян. В 10 процентах иностранного населения Западной Вирджинии есть россыпь славян, как и почти во всех других народах, но самый большой элемент - британцы, следующий - немцы.

Кентукки не является исключением из правила, согласно которому южные штаты по-прежнему почти полностью состоят из белого населения. Единственным важным иностранным элементом является небольшой немецкий. Он все еще сохраняет немного тенденций, которые сделали его столетие или более назад одним из главных штатов-колонизаторов, поскольку его родные сыновья рассеяны по всему Союзу больше, чем почти в любом другом южном штате.

Вирджиния все еще отправляет избыточное население, а Джорджия заметно прибавила, хотя в основном в ближайшие штаты. Кентукки и Теннесси отправляют пионеров в более отдаленные регионы. В настоящее время, например, у них столько же представителей на Тихоокеанском побережье, сколько у всех южноатлантических штатов вместе взятых.

Расовый состав Теннесси очень схож с расовым составом Кентукки, хотя в "атмосфере" двух штатов сохраняется заметный контраст, существовавший с самого начала.

Состав Алабамы не слишком отличается от двух вышеупомянутых, за исключением того, что итальянский элемент немного больше. Однако основными иностранцами в ней являются британцы и немцы.

То, что было сказано об этих штатах, почти буквально относится и к Миссисипи. Белые, составляющие чуть меньше половины всего населения, почти все принадлежат к старому коренному населению. Эмиграция белых (и негров тоже, если уж на то пошло) из хлопковых штатов в течение последних пятнадцати-двадцати лет была в значительной степени вызвана опустошительным нашествием долгоносика, который сделал хлопок менее прибыльным и не позволил многим мелким фермерам покрыть даже свои расходы.

Джорджия пострадала от этого перемещения из штата сильнее, чем любой другой штат, и тысячи акров хорошей сельскохозяйственной земли сейчас лежат без дела из-за отсутствия рабочих рук. То же самое в определенной степени происходит и в других штатах региона. Многие мелкие фермеры перебрались на запад, сначала, возможно, в Техас или Оклахому, а затем на Тихоокеанское побережье, причем автомобиль теперь занимает место крытой повозки их предшественников.

Арканзас ничем не отличается от Миссисипи, разве что гораздо меньшей долей негров. Его старое белое население также начало переезжать, хотя чаще всего на север, в Миссури или Канзас. Но Оклахома, а также Техас стали большим рынком сбыта для фермеров Арканзаса.

Климат и ресурсы Луизианы привлекли около 50 000 итальянцев - небольшой элемент по сравнению с северо-восточными штатами, но значительный для Юга. Луизиана всегда была более космополитичной, чем любой из других южных штатов, и это сохраняется до сих пор, хотя 85 процентов белых в ней - это старые коренные жители. Большинство тех, кто родился не в штате, приехали из непосредственно прилегающих штатов. Хотя в определенной степени происходил обычный взаимообмен: луизианцы уезжали в другие близлежащие штаты, в основном в Техас, тем не менее после Гражданской войны Луизиана не играла относительно большой роли в заселении других штатов.

Ее население менее однородно, чем в большинстве южных штатов. Северная часть штата, где проживает большинство жителей и где осуществляется политический контроль, состоит в основном из северных протестантов, приехавших из Арканзаса, Миссисипи, Теннесси или других мест, и которые мало чем отличаются от жителей этих штатов. Южная часть Луизианы, напротив, в основном римско-католическая по религии и в значительной степени франкоязычная. В некоторых городах нет государственных школ. В церковно-приходских

школах дети учатся на французском, и католическая церковь прилагает особые усилия, чтобы увековечить использование этого языка. Съезд штата, пересмотревший конституцию в 1921 году, включил в число требований к грамотности для реализации избирательного права способность гражданина написать заявление о регистрации "на английском *или родном языке*".

В штате самый высокий уровень неграмотности среди всех штатов Союза, независимо от того, учитывается ли общее население, включая негров, или же цифры ограничиваются коренными белыми. Штат уже сто тридцать лет входит в состав Соединенных Штатов, но чиновники Соединенных Штатов, посещая многие его районы, до сих пор вынуждены сопровождать переводчика. За двумя-тремя исключениями, все епископы, отвечавшие за интересы католиков в Луизиане со времен Томаса Джефферсона, были иностранцами по происхождению и имели иностранное образование.

По этим причинам ощущение раздельности интересов и отсутствие единства и национальной идентичности сохраняется; и когда представители "каджанов" посещают законодательное собрание штата в Батон-Руж, они обращаются к палате на красноречивом английском, но между собой обсуждают свою программу на французском наречии.

Оклахома, благодаря своей своеобразной истории, является одним из космополитических штатов. Когда 22 апреля 1889 года территория была открыта для заселения во время великой земельной лихорадки, сюда потянулись спекулянты со всех концов США. Но большинство поселенцев в северной части приехали из Канзаса или Миссури, а в южной - из Техаса или Арканзаса. В следующем году, когда территория была официально организована, треть ее населения составляли индейцы или негры. Последующие землеотводы и колонизация, как правило, закрепляли это двойственное происхождение поселенцев, но после того, как в начале нынешнего века штат стал знаменитым нефтяным месторождением, население настолько перемешалось, что это различие было частично утрачено. Тем временем индейское население не только было вытеснено белыми, но и в значительной степени вступало с ними в браки, отчасти потому, что индейские женщины обладали правами на ценные нефтяные земли. В настоящее время в Оклахоме проживает около 30 процентов всех индейцев Соединенных Штатов, хотя предполагается, что не более четверти из них являются полнокровными, а многие из тех, кто по закону считается индейцами, имеют лишь незначительную долю индейской наследственности. Крики и некоторые другие смешивались в некоторой степени с неграми, но это не было всеобщим явлением.

Техас, Миссури, Арканзас и Канзас по-прежнему являются основными источниками оклахомцев, в указанном порядке; но нет ни одного штата в Союзе, который не был бы представлен здесь, многие из них с большими контингентами. Иностранное население столь же космополитично, но составляет лишь шестнадцатую часть от общего числа. Учитывая географическое положение, он включает в себя удивительно большое количество канадцев.

В Техасе проживает около полумиллиона человек иностранного происхождения, причем немецкий элемент является самым многочисленным. Второе место по значимости среди иностранцев занимает чехословацкое население, которое поселилось в основном в юго-восточной части. Немцы в основном находятся к западу от них. Перед самой мировой войной в штат стали приезжать итальянцы. Большое значение имеет британский элемент, а в Галвестоне долгое время преобладали евреи.

Северный Техас пережил бум в 1875 и 1876 годах, когда сюда хлынул поток искателей родины на своих эмигрантских повозках. Многие из них были фермерами с Среднего Запада, обедневшими из-за чумы кузнечиков.

Западный Техас был заселен поздно, и периоды засухи, как, например, во время мировой войны, в значительной степени обезлюдили некоторые районы. Фермеры собирали то, что могли унести, и бросали все остальное, чтобы перебраться в регион, где природа не так неохотно оказывала им помощь.

Техас все еще остается детищем штатов нижней части долины Миссисипи, но коммерческое развитие и нефтяная промышленность привлекли сюда много северян, особенно из центральных штатов. С другой стороны, вклад штата в развитие Оклахомы превосходит все другие потоки, вытекающие из него; кроме того, он внес значительный вклад в развитие Нью-Мексико и Аризоны, а в последние годы - и Калифорнии.

Возвращаясь теперь к восточным и северо-центральным штатам, которые включают в себя те, что были первоначально выделены из Северо-Западной территории в 1787 году, мы снова сталкиваемся с полным приливом так называемой "новой иммиграции". Здесь старое коренное население составляет едва ли больше, чем численное большинство - четырнадцать миллионов из двадцати пяти, если быть более точным; поразительный контраст с Южными штатами, которые мы только что рассматривали, где оно по-прежнему составляет девять десятых или более от общего числа белого населения.

Пять миллионов человек, прибывших в Северо-Центральные штаты позднее, - нордики, но почти столько же - альпийцы. Полмиллиона средиземноморцев - это итальянская иммиграция, а область, из которой конгресс Конфедерации, в качестве одного из своих последних актов, объявил, что негры-рабы должны быть навсегда исключены, приобрела почти миллион свободных негров.

Огайо по-прежнему на две трети состоит из коренных жителей, и его великое промышленное развитие притягивает население со всех сторон, хотя четверо из пяти его граждан по-прежнему находят свои имена в записях о рождении в самом штате. Помимо того, что он дал население всем своим соседям, он, как и другие штаты этого региона, направил поток на запад, не только в такие места, как Канзас и Колорадо, но и, в частности, на Тихоокеанское побережье.

Хотя немецкий элемент в Огайо, который полвека назад сделал такие города, как Цинциннати, центрами тевтонской культуры, все еще остается самым важным в численном отношении, его превосходят поляки, чехословаки, венгры, югославы, литовцы и т.д., если брать их вместе. Легкий доступ через Великие озера придал Огайо, как и ее штатам-сестрам, важный канадский элемент.

Индиана, самый американский из штатов в ранний период своего существования, до сих пор демонстрирует отличные результаты: почти 85 процентов ее населения - белые коренные жители. В обмене жителями она, как и в дни своего основания, продолжает привлекать важный южный элемент из-за реки Огайо. Штат Огайо делает то же самое. Население по-прежнему стремится из Индианы на запад, а не на восток, унося с собой лучшие американские семейные линии и самые чистые американские традиции.

Полмиллиона иностранцев, проживающих в бору штата, по меньшей мере наполовину нордические. Ни одна группа славян или средиземноморцев не представлена в значительной степени, хотя есть несколько представителей всех этих национальных элементов.

Жители Индианы заслуживают признания за то, как они сохранили свое наследие. Не случайно "индиановская школа" писателей долгое время звучала в литературе подлинно

американской нотой, разительно контрастируя с упадническим тоном продукции некоторых центров Атлантического побережья, где преобладает совсем неамериканский элемент.

Иллинойс, напротив, едва ли более чем наполовину состоит из местных жителей, и скандалы, связанные с его политикой в регионах, где голоса пришельцев являются самоочевидными, уже давно стали очевидными для каждого читателя газет. С 329 000 негров, согласно переписи 1930 года, Иллинойс занимает в этом отношении место среди северных штатов только после Пенсильвании и Нью-Йорка; но коррумпированные политические круги сделали из негра важный фактор в правительстве Чикаго, каким он не был ни в Нью-Йорке, ни в Филадельфии.

Нордики составляют менее миллиона человек по сравнению с полутора миллионами альпийцев и четвертью миллиона средиземноморцев. Под давлением этой конкуренции старое коренное население проявляет сильную тенденцию к перемещению на Запад и Юг. Например, Техас и Арканзас в большей степени опирались на Иллинойс, чем на любой другой северный штат, а Иллинойс также внес наибольший вклад в развитие Тихоокеанского побережья.

Мичиган уже наполовину стал родным. Его географическое положение привлекло более полумиллиона канадцев, многие из которых принадлежат к французской альпийской группе. В целом среди иностранцев альпийцы превосходят северян не более чем два к одному. Среди 100 000 итальянцев много северян, работающих на медных рудниках, - здоровенных парней, настолько не похожих на сицилийцев и неаполитанцев, к которым привык американец на Атлантическом побережье, что он не признает их за итальянцев. Эти северные итальянцы, как уже отмечалось, не средиземноморцы, а в основном альпийцы с остатками нордической крови со времен лангобардов и готов.

Висконсин почти избежал негритянского нашествия на Север, поэтому три миллиона его жителей, по крайней мере, белые; но коренное население находится в меньшинстве, во многом благодаря великому наплыву немцев в прошлом веке. Вместе с ними приехало много скандинавов.

С 1860 по 1880 год национальности иммигрантов располагались в таком порядке: немец, норвежец, датчанин и швед. Единственное различие с тех пор заключается в том, что они располагаются в порядке - немец, норвежец, швед и датчанин. Великий шведский прилив иммиграции в последней половине девятнадцатого века набрал полную силу только после того, как норвежский перевалил через свой гребень.

По состоянию на 1900 год три четверти жителей Висконсина были иностранного происхождения, и половина из них - немцы. Милуоки с его социалистической администрацией долгое время был заметным центром немецкого влияния в Соединенных Штатах. До 1843 года это была деревня янки, упорно пытавшаяся вытеснить Чикаго как центр Среднего Запада. К 1856 году треть его населения составляли немцы. К 1890 году половина населения была немецкого происхождения, а четвертая часть - немецкого происхождения. Однако в тот год, когда проводилась перепись населения, в Милуоки произошел прилив германизма. С тех пор поляки, русские, словаки и итальянцы изменили расовый характер города, который в настоящее время лишь на треть состоит из немцев. В характерном политическом колорите штата некоторые студенты утверждают, что видят доказательство того, что многие немецкие иммигранты были революционерами, бежавшими из Отечества.

В Миннесоте немцев больше, чем в любой другой группе населения, хотя и меньше, чем в трех скандинавских группах вместе взятых, поэтому штат правильно считать скандинавским.

Значительно меньше половины его населения составляют старые американцы, но штат в подавляющем большинстве нордический, и 150 000 славян, вторгшихся в него в последние десятилетия, не имеют большого значения в его 2 500 000 жителей. С момента своего основания Миннесота черпала из Канады желаемые элементы и свободно отдавала взамен.

Отчасти из-за относительно позднего заселения штат не относится к числу тех, которые вносят значительный вклад в развитие своих соседей. Наибольший отток населения происходил на Тихоокеанское побережье, поскольку его жители стали достаточно процветающими, чтобы в старости переехать в более мягкий климат.

Айова, имеющая примерно такое же население, как и Миннесота, на две трети состоит из коренных жителей и на столько же из нордических. Она внесла значительный вклад в развитие прерий и горных штатов, а также Тихоокеанского побережья, но известная шутка, приписывающая Айове происхождение всех жителей Южной Калифорнии, кажется не совсем точной - по крайней мере, Калифорния в целом за последнее поколение получила больше населения из Иллинойса, Миссури, Нью-Йорка и Огайо, чем из Айовы, которая занимает лишь пятое место в списке.

Айова, преимущественно сельскохозяйственная, особенно остро ощутила неблагоприятное положение сельского хозяйства после мировой войны. За десятилетие 1920-30 годов три из каждых пяти деревень штата фактически потеряли в населении, люди либо переехали в города, либо "уехали на Запад". Здесь, как и везде, маленькая деревня, похоже, не в состоянии удовлетворить потребности жителей. Одной из реальных проблем государственного управления в ближайшем будущем является разработка социальной и экономической системы, при которой большая часть старого коренного населения, и особенно наиболее интеллектуальная его часть, сможет жить в благоприятных биологических условиях маленькой деревни.

В Миссури проживает почти четверть миллиона негров, в отличие от таких штатов, как три предыдущих, в которых цветное население ничтожно мало. Но из белого населения три четверти - коренные жители, остальные - в основном немцы. Славяне и итальянцы только начинают закрепиться. В целом штат сильно нордический и посылает большие контингенты нордиков в Иллинойс на востоке, в Канзас и Оклахому, а также в горные и прибрежные штаты на западе. Важность миссурийской породы, в значительной степени происходящей из Вирджинии, была гораздо выше, чем принято считать, в заселении всего Запада.

Большой наплыв в Дакоту произошел в десятилетие после 1875 года. Страна Красной реки была открыта Северной Тихоокеанской железной дорогой, а созданные образцовые фермы рекламировались повсюду, так что население этого района, составлявшее 6000 человек в 1875 году, увеличилось более чем на 2000 процентов за последующие десять лет.

В 1889 году территория Дакоты была разделена по параллели 45° 55', и Северная Дакота была принята в штат с населением около 170 000 человек. Последующий рост штата сохранил его довольно однородным с расовой точки зрения: штат почти полностью нордический. Помимо старых коренных американцев, основными элементами были британцы из Канады, немцы и скандинавы. Особенно примечательна норвежская иммиграция, начавшаяся в начале 90-х годов. Сейчас норвежцы составляют примерно четвертую часть всего населения штата. Интересна небольшая группа исландцев - представителей одного из самых древних, высококультурных и прошедших строгий отбор народов Северной Европы.

Русские в штате, численность которых приближается к ста тысячам, в основном немецкоязычны. Это крестьяне, чьи предки были приглашены в Южную Россию несколько веков назад, но в значительной степени сохранили свою речь и культуру.

После открытия золота в Блэк-Хиллз в 1876 году и в течение нескольких последующих лет в стране, которая сейчас является Южной Дакотой, наблюдался ажиотаж, подобный тому, что был в Неваде и Монтане во время Гражданской войны и в Калифорнии в 1849 году. Зачастую это не приводит к образованию сбалансированного постоянного населения, и настоящее заселение Южной Дакоты относится к последующему периоду, когда ее прерийные земли были заняты производителями пшеницы из штатов верхней части долины Миссисипи. Пшеничная индустрия в Висконсине постепенно умерла в течение десятилетия 1870-80 годов, и многие, кто нашел там невыгодные земли, перебрались дальше на запад, как и другие люди с аналогичными мотивами из западного Нью-Йорка и штатов старой Северо-Западной территории.

В Южной Дакоте процент пожилых американцев несколько выше, чем в ее северной сестре; в остальном эти два штата мало отличаются друг от друга по размеру, составу и ресурсам. В 1920 году половина жителей Северной Дакоты заявила о Южной Дакоте как о месте своего рождения; в то время как половина жителей Южной Дакоты заявила о Северной Дакоте как о своем месте рождения. Из всех сорока восьми штатов эти два безошибочно можно назвать "Твидлдум" и "Твидлди".

После Гражданской войны Небраска продолжала привлекать в основном старый класс американских пионеров, но также стала пристанищем для нескольких иностранных групп. Считается, что здесь проживает примерно одна восьмая часть всех представителей богемы в Соединенных Штатах. Серьезное постоянное заселение штата началось в начале 70-х годов. Многие демобилизованные солдаты, желающие начать новую жизнь, отправились на Запад со своими семьями. Лишь несколько лет спустя в эти прерии хлынул поток иностранцев, и впоследствии штат привлек значительную часть божественной, скандинавской и немецкой иммиграции. Как и некоторые другие штаты прерий, он также принял множество поселенцев, которые числились русскими по национальности, но на самом деле были немцами, чьи предки уехали в Россию и не смогли там процветать. Таким образом, Небраска, хотя и менее чем на три четверти состоит из коренных жителей, в подавляющем большинстве является нордическим штатом.

Канзас на четыре пятых состоит из местных жителей и на девять десятых - из нордических. Он получил те же иностранные пожертвования, что и Небраска, но в гораздо меньших количествах. В то же время он продолжает принимать поселенцев из долины Миссисипи и даже из восточных штатов, таких как Нью-Йорк и Пенсильвания.

В целом штатам прерий удалось добиться значительных успехов в ассимиляции иммигрантов и сохранении американских традиций. Новоприбывших не сегрегировали в трущобах, а расселяли по фермам. Для них было почти необходимо выучить речь и перенять обычаи своих хозяев. Хотя некоторые скандинавы, как, например, в Миннесоте, стараются, чтобы их дети учили язык и сохраняли традиции "старой страны", это, по крайней мере, нордические традиции, и всякое ощущение отчужденности или обособленности быстро исчезает.

Горные штаты появились в основном после Гражданской войны, когда очередная волна переселения и заселения страны оторвалась от своих корней и устремилась на запад.

Первая великая миграция американского населения началась сразу после революции и привела к созданию южанами Кентукки и Теннесси, преобразованию западного Нью-Йорка жителями Новой Англии и смешению этих двух потоков, когда они пересекли реку Огайо и открыли Северо-Западную территорию.

Вторая великая миграция достигла своего апогея во время паники 1819 года. Она завершила заселение долины Огайо и штатов вдоль нижнего течения Миссисипи и Персидского залива.

Третье великое переселение достигло своего апогея во время лихорадочной спекуляции землей, которой способствовали эксперименты Эндрю Джексона в банковской сфере, и оборвалось с крахом процветания, унаследованного Мартином Ван Бюреном от своего предшественника. Она стала свидетелем заселения долины Миссисипи почти на всем ее протяжении, а также поглощения Техаса нордиками.

Четвертая волна, несколько более рассеянная, прокатилась по "великим равнинам" и разбилась о гребни Скалистых гор во время Гражданской войны, хотя тяжелые брызги тем временем достигли Тихоокеанского побережья. Он начался с заселения Канзаса, вызванного отчасти земельным голодом, но также и определенными политическими расчетами. Тем временем завоевание Калифорнии, открытие там золота, заселение Орегона и захват мормонами Юты привели к активному движению через равнины, что и стало началом существования Небраски.

Штаты Скалистых гор выросли в первую очередь из этого движения, затем благодаря открытиям в их пределах, а также тому факту, что на Тихоокеанском побережье было беспокойное население, готовое рвануть на восток, а на Востоке - свободное население, готовое перебраться в любую часть Запада.

Восточный контингент получил импульс от паники 1857 года, когда многие люди, обанкротившиеся или потерявшие работу, были готовы начать все сначала. Добыча полезных ископаемых на Диком Западе подтолкнула искателей приключений попробовать свои силы на золотой сковороде, и в стране появилось множество старателей, некоторые из которых были профессионалами, но в основном любителями. Мужчины, у которых не было работы дома, решили, что они могут попытаться счастья таким образом: это не будет стоить им много денег на жизнь, и они смогут хотя бы посмотреть страну. Подобный ренессанс геологоразведки и мелкой добычи полезных ископаемых произошел по всем горам Запада, когда депрессия 1929 года была уже в разгаре.

К этому элементу вскоре добавился еще один, состоящий из людей, уходящих от Гражданской войны. Некоторые из них были настоящими дезертирами с военной службы; другие отправились на Запад, чтобы избежать давления общественного мнения в отношении призыва в армию; третьи в пограничных штатах, разоренные конфликтом или не желающие бросать свой жребий ни с одной из сторон, просто пришли в движение, как это делали их отцы и деды до них.

Население горных штатов заметно менялось от месяца к месяцу, по мере того как толпа перемещалась от одного предполагаемого места добычи к другому. Правительство в Вашингтоне проявило необычайную готовность к созданию новых правительств в этом регионе, поскольку в целом он был беспрекословно лоялен Союзу, и, если Юг по окончании войны будет возвращен в Союз на старых условиях, как, очевидно, планировал президент Линкольн, дюжину новых сенаторов от половины такого же количества новых западных

штатов можно будет легко обеспечить, оставив Юг в меньшинстве и выйдя из того тупика, который почти полвека был источником стольких компромиссов и поводом для стольких конфликтов.

Колорадо, в то время часть Канзаса, был почти неизвестной "индейской территорией", когда в 1858 и 1859 годах старатели нашли золото в окрестностях Денвера. Стремительное движение из Канзаса и Небраски, когда легенда "Пик Пайка или бюст", начертанная на боках вагонов эмигрантов, стала традиционной, показало, как мало было известно об этой стране. Пик Пайка, хотя и не находился рядом с золотоискателями, был единственным местом в Колорадо, о котором большинство американцев когда-либо слышали.

В 1861 году здесь было достаточно населения для создания территориального правительства. Статус штата был получен только в 1876 году. С тех пор и до сельскохозяйственного периода история Колорадо была историей его колеблющихся шахтерских поселков. Но к 1930 году штат обрел постоянную основу и население, превышающее миллион человек, из которых две трети составляли коренные жители, а другая треть была неоднородной, частично нордической, но содержащей сильные славянские, итальянские и мексиканские элементы. Что касается коренного американского населения, то его географическое происхождение по-прежнему представляло собой веер, расходящийся от Пика Пайка до Атлантического океана. В больших или меньших пропорциях эмигранты из большинства старых штатов сходились к Скалистым горам.

Вайоминг, впервые исследованный трапперами и торговцами пушниной, приобрел важное значение, поскольку через него проходила Орегонская тропа; но он был всего лишь местом для проезда, пока с появлением железной дороги Юнион Пасифик и открытием золота в том же году (1867) он не обрел самостоятельную жизнь. Почти 6000 человек провели следующую зиму в Шайенне - космополитическая толпа авантюристов и спекулянтов. После образования территории в 1859 году здесь началось сельское хозяйство, большое значение приобрело животноводство, были локальные золотые лихорадки, и регион медленно развивался, пока в 1890 году не был принят в Союз.

Население Вайоминга, меньшее, чем в любом другом штате, за исключением Невады, менее чем на две трети состоит из коренного населения, которое представляет собой смесь из всех частей Соединенных Штатов. В Айове, Миссури, Иллинойсе проживает больше жителей, чем в соседних Колорадо и Юте. В этих горных штатах общее правило, согласно которому штат заселяется соседями, полностью разрушается. Иностранная часть штата в равной степени смешанный; хотя большая часть населения - нордическая, штат также привлек свою долю славян и итальянцев, и даже мексиканцев.

Айдахо, после небольших поселений мормонов-фермеров, был обязан большей частью своего раннего населения своим шахтам. Во время Гражданской войны он значительно вырос, но тот факт, что в него было легче попасть с запада, чем с востока, благодаря наличию реки Колумбия, сделал его заселение несколько аномальным в американской истории, так как он был заселен в основном западными жителями, двигавшимися на восток из Орегона, Вашингтона и северной Калифорнии.

В Айдахо развитие мормонских колоний обеспечило Юте сильное влияние в штате. Кроме того, в настоящее время его население в большей степени состоит из выходцев из долины Миссисипи, чем из горных штатов и штатов Тихоокеанского побережья. Лишь на три четверти оно коренное, но большая часть остального населения - северяне: и британцы, и

скандинавы, искавшие здесь свои возможности. Став территорией в 1863 году и штатом в 1890 году, Айдахо сегодня насчитывает около полумиллиона жителей.

В Монтане зимой 1862 и 1863 годов проживало 670 человек, о которых *газета The Chronicle* самодовольно пишет: "Пятьдесят девять были явно респектабельными женщинами". Как и Айдахо, он привлек элемент южан, бежавших от призыва в армию Конфедерации, но с тех пор большая часть его населения была из северных штатов. Рост численности населения был тесно связан с успехами горнодобывающей промышленности.

Территориальный статус был присвоен Монтане во время великих открытий золота в 1864 году, и характер ее населения сильно колебался, как в количественном, так и в качественном отношении, в период между этой датой и 1600 1889 годом, когда она была принята в штат. Сейчас здесь проживает более полумиллиона человек, почти половина из которых - иностранцы и в основном римские католики. Большинство местных жителей - выходцы из центральных штатов; большинство иностранцев - ирландцы, немцы или канадцы, хотя Монтана привлекла и более 50 000 скандинавов.

Население Юты по численности примерно такое же, как в Монтане, но по характеру несколько более коренное (три пятых). Эти коренные жители в значительной степени родились в штате, являясь потомками мормонских пионеров. Язычники" имеют весьма разбросанное происхождение. Иностранцы в основном англичане или скандинавы, миссионеры мормонов усердно работали в этих королевствах. Юта, таким образом, представляет собой нордическое население, причем с высокой рождаемостью, которому, очевидно, суждено и дальше неуклонно распространяться в Большом бассейне.

Невада возникла почти в полный рост из пустыни, как Венера из волн. Ее почти не существовало, хотя на картах она обозначена как трансгорная часть Калифорнии, пока золотая лихорадка 1849 года не привела к появлению поселений, чтобы позаботиться о путешественниках. Затем он был административно присоединен к Юте, которая также находилась на неудобном расстоянии. Открытие серебра в сказочно богатом Комсток-Лоде (1859 г.) привело к основанию Вирджиния-Сити, и сюда хлынул поток старателей, особенно из Калифорнии, где золотые месторождения истощались.

В 1861 году Невада была создана как отдельная территория, и администрация Линкольна проталкивала ее к статусу штата в 1864 году, чтобы получить преимущество в виде двух более дружелюбных сенаторов. После того как за четверть века месторождения серебра были исчерпаны, Невада пережила серьезный упадок, и многие ее жители уехали. В первые десять-пятнадцать лет нынешнего столетия в штате снова начался горнодобывающий бум, но его численность так и не стала устойчивой и значительной, и по данным переписи 1930 года в штате проживало не более 91 058 человек. Не более половины из них были коренными жителями. Иностранцы были разрозненны, среди них неожиданно много итальянцев.

Аризона была отделена от Нью-Мексико в 1863 году и после Гражданской войны превратилась в типичное западное шахтерское поселение с непостоянным населением. Район мог быть активным в один год, а через несколько лет заброшенным.

Мормоны были одними из первых поселенцев в штате и до сих пор составляют значительную часть его населения. Как и в Колорадо, в Аризоне больше мексиканцев, чем в других западных штатах, например, в Юте и Неваде, их число ничтожно мало. Присутствие более 100 000 мексиканцев в 1930 году ставило Аризону, в которой проживает менее полумиллиона человек, в невыгодное положение с точки зрения доли коренного населения. Если брать в расчет только белых, то 80 процентов из них - коренные жители, остальные - в основном

британцы и немцы, а также удивительно большой контингент канадцев, учитывая, как далеко расположены эти два региона. Американское население отличается космополитическим происхождением: люди едут сюда из всех штатов Союза в связи с добычей полезных ископаемых или по состоянию здоровья. Но наибольший вклад в численность населения вносит Техас, а Калифорния занимает скромное второе место.

Нью-Мексико находится в аномальном положении: почти беспрецедентный процент его населения родился не только в Соединенных Штатах, но и в пределах собственных границ; и в то же время беспрецедентная доля его населения говорит на чужом языке. В законодательном собрании штата до сих пор требуется официальный переводчик, чтобы местные государственные деятели, которые кичатся своим американизмом, но не знают английского языка, могли донести свои взгляды до американцев. Поскольку "испано-американцы" при переписи населения причисляются к белым, три четверти населения считаются белыми коренными жителями. Кроме того, в 1930 году здесь проживало около 60 000 мексиканцев, родившихся к югу от границы, следовательно, иностранцев. Остальные жители иностранного происхождения разбросаны, и ни одна национальность не преобладает.

Калифорния, которая в 1860 году имела самый высокий процент иностранцев, в 1930 году не претерпела значительных изменений, несмотря на большой приток старых американцев из центральных штатов. Из 5 677 251 жителя Калифорнии чуть больше половины составляли коренные белые. Общий характер миграции в Калифорнию с начала этого столетия слишком хорошо известен и не требует подробных комментариев. Свой вклад внесли все регионы Союза; даже Флориде приписывают несколько тысяч новообращенных. В целом, этот приток был чисто нордическим, но если бы конституционный съезд был созван сейчас, его состав, возможно, не сильно отличался бы от состава 1849 года, на котором присутствовали делегаты, родившиеся в тридцати различных штатах Союза.

Иностранный элемент в Калифорнии столь же неоднороден, хотя в значительной степени нордический, насколько он вообще белый. Канада прислала четверть миллиона человек, почти все они английского происхождения. Италия прислала почти четверть миллиона, которые составляют важную часть населения северной половины штата. В отличие от своих соотечественников из атлантических штатов, калифорнийские итальянцы в основном являются выходцами из северной части этого королевства. Между северными и южными итальянцами нет большой симпатии - представители двух групп избегают межнациональных браков. Они также избегают переселяться на одни и те же территории, и если неаполитанцы займут Атлантические Штаты, генуэзцы переберутся на другую сторону континента. Эти северные итальянцы играют гораздо более заметную роль в Сан-Франциско, чем можно было бы предположить, зная только южных итальянцев в Нью-Йорке или Бостоне.

Штат также привлек 150 000 русских, частично беженцев после большевистской революции, но в основном земледельцев более раннего периода; более полумиллиона британцев, включая ирландцев, более 300 000 немцев, более 200 000 скандинавов.

Именно небелый элемент постоянно привлекал внимание внешнего мира. В Калифорнии проживало около полумиллиона мексиканцев, пока начавшийся после депрессии 1929 года отток не сделал их ручной труд менее ценным.

В штате проживало 45 000 филиппинцев, которые создали серьезные проблемы в некоторых регионах, как конкурируя с местной рабочей силой, так и обращая внимание на белых девушек, что вызывает недовольство американцев.

Население штата, состоящее из 37 000 китайцев, неуклонно сокращается. Памятная агитация 70-х годов за исключение китайцев сегодня является лишь историческим событием, но она имела большое значение, поскольку помогла заложить основу для разумной иммиграционной политики в США. Добыча полезных ископаемых, военное время и строительство трансконтинентальной железной дороги в течение многих лет поддерживали раздутые условия. Китайцы хлынули в страну, частично на шахты, частично на железную дорогу, которая использовала их на строительных работах. Около 15 000 этих восточных рабочих, оставшихся без работы в связи с завершением строительства Центральной Тихоокеанской железной дороги, главным образом в 1869-70 годах, хлынули в Сан-Франциско и сделали свое присутствие заметным. Последовало десятилетие недовольства, особенно среди американских рабочих. Самым ярким агитатором был ирландский лоточник Деннис Кирни. В 1879 году штат проголосовал против дальнейшей иммиграции китайцев большинством в 154 638 голосов против 883. В истории Америки было мало вопросов, которые решались более единогласно. В том же году Федеральный конгресс принял закон об исключении, который установил принцип, что неассимилируемый народ может быть полностью исключен, если это необходимо для защиты американских стандартов.

Агитация по аналогичному поводу возникла в 1906-7 годах в связи с быстрым увеличением численности японцев в штате. Она была урегулирована, во-первых, "джентльменским соглашением" между Соединенными Штатами и Японией, по которому последняя обязалась предотвратить эмиграцию своего рабочего класса в штаты Тихоокеанского побережья; во-вторых, законом, принятым позднее в Калифорнии, который не позволял японцам-иностранцам владеть землей; в-третьих, окончательным исключением всех восточных народов посредством национального законодательства.

Сто тысяч японцев, показанных в переписи 1930 года, больше не увеличиваются быстрыми темпами, несмотря на довольно высокую рождаемость. Существование этих японцев второго поколения (как и китайцев), однако, создало серьезную проблему, поскольку они не принимаются ни одной из рас. Как правило, они не говорят на японском языке. Они склонны свысока относиться к ее институтам и восхищаться американскими. Поэтому настоящий японский элемент и не любит их, и не принимает на работу из-за языкового барьера. С другой стороны, американец не принимает их как американцев, и они не могут легко работать рядом с белыми уроженцами Соединенных Штатов и конкурировать с ними. Ориентал во втором поколении - это практически человек без страны. Из-за этих особых расовых проблем Калифорния столкнулась с трудностями, которые некоторые другие штаты не поняли в полной мере или с сочувствием.

Миллионное население Орегона на две трети состоит из коренных белых, принадлежащих к старому поколению. Канада, Британские острова, Германия и Скандинавия были другими крупными вкладчиками. Американское население - это в основном выходцы из центральных штатов.

В Вашингтоне сегодня проживает более полутора миллионов человек, 56 процентов из которых - коренные жители. Восточный Вашингтон почувствовал бум в 1862 году, когда он начал накапливать население, привлеченное частично шахтами и частично возможностями фермерства, пока не достиг равновесия с Пьюджет-Саундской частью штата, которая всегда была важным политическим фактором. Многие поселенцы в это время были иммигрантами

из "пограничных штатов" времен Гражданской войны, которым стала противна партизанская война, которой они подвергались, и которые не с энтузиазмом ни за одну из сторон. В 80-е годы благодаря быстрому строительству железных дорог население Вашингтона за несколько лет выросло до приличного уровня.

Нынешние белые - в основном выходцы из штатов верхней части долины Миссисипи. Канада предоставила еще 100 000 человек британского происхождения, и несколько большее число прибыло непосредственно с Британских островов. Германия предоставила 100 000 человек, Скандинавия - 175 000. В отличие от этого, Италия представлена менее чем 25 000, а славянские страны в целом - не более чем 60 000. Таким образом, Вашингтон вправе утверждать, что он является одним из самых нордических государств.

XIV

БОРЬБА С НАШЕСТВИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ

В начале периода иммиграции традиция "убежища для угнетенных" для всех наций была правящим принципом в национальном отношении к иностранцам, хотя даже тогда иногда возникали возражения по поводу нежелательного характера некоторых иммигрантов.

Различные штаты принимали свои собственные ограничения. Массачусетс, Мэриленд, Пенсильвания и другие пытались контролировать поток новоприбывших с помощью налогов и административных правил, в то время как иностранные правительства иногда выступали против этих мер, как в случае с Вюртембергом в 1855 году. Говорят, что после того, как Соединенные Штаты отправили обратно несколько нищих, выброшенных на их берег, вюртембергцы приняли публичную резолюцию, протестуя против такого отсутствия гостеприимства. Если нищие будут возвращены, горько сетовали они, "мы напрасно оплатим расходы на их путешествие". Но право на депортацию нежелательных иностранцев было закреплено в знаменитых Законах об иностранцах и подстрекательстве к мятежу 1798 года, и федеральное правительство никогда не колебалось в отстаивании этого права.

В течение целого поколения до Гражданской войны вопрос о нежелательности неограниченной иммиграции обсуждался, но без принятия определенных мер. Первым федеральным ограничением стал закон 1875 года, исключающий иностранных осужденных и проституток. В 1907 году президент Рузвельт назначил Комиссию по иммиграции, которая провела длительное расследование и подготовила объемный отчет, послуживший основой для будущих мер, и к 1914 году большинство нежелательных классов, за исключением неграмотных, были официально исключены.

Против ограничений выступали пароходные компании, чьи интересы были очевидны, и крупные работодатели дешевой рабочей силы, которые также были отнюдь не бескорыстны. Она также возникла среди чужеземных групп в Соединенных Штатах, которые хотели, чтобы в страну прибывало больше их собственных людей.

Наиболее активными силами, выступавшими за ограничение, были, прежде всего, организованный труд, не желавший конкуренции со стороны приплывающих иностранцев с совершенно неамериканским уровнем жизни, и, в первую очередь, коренные американцы, евгенисты и другие дальновидные люди, не желавшие видеть, как разрушается расовый

характер и национальное единство Америки, а республиканские идеалы подвергаются опасности и подрываются.

Первой попыткой ввести общие ограничения для улучшения качества иммиграции стало принятие Конгрессом теста на грамотность, который предусматривал, что те, кто не умеет читать и писать на каком-либо языке, должны быть исключены. Президент Вильсон наложил на него вето.

Тем временем начало мировой войны на время приостановило международные перемещения населения, и у нации появилась передышка для обдумывания своей будущей политики. В 1917 году закон Бернетта объединил существующие положения об исключении нежелательных лиц и включил в себя тест на грамотность. Президент Вильсон наложил вето и на этот закон, но он был принят в результате преодоления его вето.

В конце войны широко распространилось опасение, что неустроенные и обедневшие народы Европы начнут новую массовую миграцию на запад. До войны мы принимали миллион иммигрантов в год; путешественники и консульские агенты предсказывали, что мы можем рассчитывать на два миллиона или больше в год. Считалось, что проверки грамотности и положений о борьбе с умственными и физическими недостатками будет недостаточно, чтобы остановить этот поток. В ответ на чрезвычайную ситуацию Конгресс принял Закон о квотах 1921 года, согласно которому число иностранцев любой национальности, принятых в течение одного года, должно составлять не более 3 процентов от числа лиц иностранного происхождения такой национальности, проживавших в США в 1910 году. Этот закон был призван сохранить *статус-кво*. Какой нация была в 1910 году, такой она должна быть всегда.

Такое решение не могло удовлетворить коренных американцев, чей народ сделал страну великой. К счастью, требование более научного подхода к регулированию нашло адекватного представителя в лице уважаемого Альберта Джонсона, члена Конгресса от штата Вашингтон, под руководством которого вся система была пересмотрена в знаменитом законе 1924 года.

В административном плане процедура стала более работоспособной и более разумной благодаря возложению на консулов Соединенных Штатов за рубежом обязанности утверждать паспорта, без которых ни один иммигрант не мог въехать в страну. Когда квота была исчерпана, консул был обязан отказать в визе по паспорту до следующего года. Больше не было возможности испытывать трудности и явную несправедливость.

В ограничительном порядке квота была снижена с 3 до 2 процентов, причем не на основе переписи 1910 года, а на основе переписи 1890 года. Целью этого, откровенно говоря, было поощрение новых иммигрантов из стран "старой иммиграции" - стран Северной и Западной Европы, которые внесли наибольший вклад в американское население и чьи люди, следовательно, были наиболее легко ассимилируемы в Соединенных Штатах; и, наоборот, противодействие иммиграции из стран Южной и Восточной Европы, большинство граждан которых приехали сюда после 1890 года.

Этот закон сократил общий объем возможной иммиграции по квоте до 167 750 человек против 357 800, разрешенных законом, который он заменил, и благоприятствовал северным европейцам, чьи люди сделали Соединенные Штаты тем, чем они являются, в отличие от альпийцев и средиземноморцев, которые были поздними гостями и навязчивыми элементами. К сожалению, он не распространялся на западное полушарие, поэтому не

создавал препятствий ни для индейских пеонов из Мексики, ни для негров из Вест-Индии, ни для филиппинцев.

Самым интересным положением закона 1924 года и, в некотором смысле, причиной существования этой книги стало положение о том, что квоты должны временно основываться на переписи населения 1890 года. Эта основа была справедливо раскритикована на том основании, что она делает иммигрантов последнего времени, а не старое коренное население, определяющими будущий состав Соединенных Штатов. Квоты, как утверждалось, должны основываться не на количестве иностранцев, прибывших сюда в 1890 году или в любом другом году, а на соотношении этих иностранцев ко всему населению. Таким образом, закон воплотил в себе положение о национальном происхождении - одно из решающих событий в расовой истории Америки.

Было приказано провести расследование, чтобы выяснить пропорции различных национальных (не *расовых*) групп в Соединенных Штатах на момент переписи 1920 года. Общая квота, которая должна была применяться с 1 июля 1927 года (позже отложенная на год), была установлена в размере 150 000 человек. Каждой национальности должна была быть выделена такая доля от этих 150 000, какую составляла численность ее населения в 1920 году по отношению к общей численности населения. Таким образом, если бы выяснилось, что 10 процентов всего населения в 1920 году были шведского происхождения, Швеция получила бы квоту в размере 10 процентов от 150 000 или 15 000. Или, например, если бы выяснилось, что 2 процента всего населения в 1920 году были выходцами из Франции, то французская квота составила бы 3000.

В то время как комитет экспертов занялся проведением необходимых для этого исследований, среди инородцев и дефисных групп началось забавное соревнование по максимальному преувеличению своих претензий, чтобы их родственники и соотечественники могли выиграть от увеличения квоты своей нации. Ирландцы, пожалуй, были наиболее усердны в этом занятии, поскольку они могли воспользоваться путаницей, вызванной тем фактом, на который неоднократно указывалось на этих страницах, что территория, составляющая ныне Ирландское свободное государство, уже давно присвоила себе каждого, кто проехал через Ирландию. На самом деле "ирландская" иммиграция в колониальные времена была, как уже было показано, вовсе не ирландской, а по большей части шотландской, хотя и доставлялась из Ольстера; а католики Свободного государства имели мало представителей в Америке во время Революции. Ирландские патриоты с удобством игнорировали эти факты и писали книги, чтобы доказать, что "ирландцы" не только сражались и победили в Революции, но и составляют преобладающий элемент в настоящее время. "По оценкам авторитетных специалистов, - утверждал один из таких энтузиастов, - в жилах по меньшей мере 25 000 000 человек из нынешнего населения нашей страны течет в большей или меньшей степени ирландская кровь. Мы" (*то есть* население Соединенных Штатов), - продолжал он, разогреваясь, - "не более англосаксы, чем индусы!"

Если ирландские католики были склонны претендовать на что-то вроде одной четвертой части всего населения, то немцы были готовы претендовать на все до одной трети. Квота, основанная на переписи 1890 года, на самом деле была чрезвычайно благоприятной для немцев, поскольку именно они в наибольшем количестве приезжали в страну незадолго до этой даты, и, следовательно, в тот год у них было самое большое количество иностранцев, родившихся здесь. На этом основании им была выделена почти одна треть квоты для всего мира. Очевидная несправедливость основывать будущую иммиграцию на таких условиях и почти полностью игнорировать английское и шотландское население, которое было

подавляющим элементом в строительстве Америки, но которое вместе получило только 20 процентов квоты, была общепризнанной.

Однако едва эта несправедливость была устранена, а мера "Национальное происхождение" вступила в силу, как наступила деловая депрессия, в результате которой люди стали терять работу, и все сочли, что в страну не должны прибывать новые искатели работы, чтобы вытеснить уже имеющихся здесь рабочих. Поэтому административные ограничения сократили приток иностранцев практически до нуля. В то же время многие недавно прибывшие возвращались на родину, считая, что среди своих людей они смогут лучше пережить бурю.

Таким образом, прямая выгода от депрессии заключалась в том, что она практически остановила иностранную иммиграцию. Когда придет время рассматривать вопрос о продлении нынешних административных ограничений, Закон о национальном происхождении будет включен в законодательные акты в качестве защиты. А пока американцы могут подумать о том, какие дополнительные меры им необходимо принять, чтобы распространить действие квоты на Западное полушарие.

Фактический вклад групп иностранцев в население Соединенных Штатов зависит не только от их чистой иммиграции, но и от их плодовитости после того, как они поселятся здесь. Многие знакомые исследования показывают, что в целом женщины-иммигрантки более плодовиты, чем представительницы старого поколения. Они раньше выходят замуж, имеют меньший процент бесплодия и большие семьи.

Однако тот факт, что женщины составляют меньшинство в большинстве недавних групп иммигрантов, снижает их вклад. В последние десятилетия соотношение мужчин и женщин в общей группе иностранцев составляет примерно пять к трем. Это означает, что группа в целом вносит меньший вклад, чем если бы каждый мужчина привел с собой жену. С другой стороны, лишние мужчины обычно женятся на женщинах из других групп, и их потомки, таким образом, быстрее ассимилируются с населением, будь то во благо или во вред.

Опять же, увеличение численности групп иностранного происхождения сдерживается тем фактом, что в большинстве своем они имеют более высокий уровень младенческой смертности. Различия между расами поразительны. Так, если у коренных белых младенческая смертность составляет 94 на 1000 рождений, то у американских негров - 154, у поляков - примерно столько же, у французских канадцев - 171, у португальцев - 200, как показывают обширные исследования, проведенные Федеральным бюро по делам детей.

Во втором поколении плодовитость пришельцев начинает снижаться. Обычно говорят, что дочь иммигранта рождает на одного ребенка меньше, чем ее мать. Таким образом, если иммигрантов впускать медленно, они вряд ли захлестнут коренное население; что же касается тех, кто уже здесь, то, хотя некоторые из них, частности итальянцы, имеют удивительно высокую рождаемость, они, вероятно, потеряют это преимущество в течение следующих нескольких поколений.

Часто поднимается вопрос о том, не было бы население Соединенных Штатов таким же большим сегодня, если бы иммиграция была навсегда исключена в 1790 году. Другими словами, если бы с момента основания Соединенных Штатов в страну не прибывал ни один иностранец, то потомки колониального населения произвели бы на свет столько же граждан, сколько есть сейчас? Эта гипотеза, часто известная как закон Уокера, предполагает, что плодовитость группы сокращается из-за конкуренции со стороны иммигрантов, и что

последние не более чем заполняют места, которые в противном случае были бы заполнены естественным приростом.

Никто не станет утверждать, что такое обобщение является точным, но как общая тенденция оно, по-видимому, близко к истине. Соединенные Штаты стали бы большими и сильными, если бы иммиграция не была остановлена столетие назад. Они будут продолжать расти большими и сильными, если иммиграция будет прекращена в настоящее время. Но это не значит, что темпы роста, которые сохранялись в течение последнего столетия, сохранятся еще столетие. В настоящее время скандинавская цивилизация близка к завершению цикла роста, и темпы ее размножения замедляются во всех цивилизованных странах. В большинстве северных стран население сегодня не воспроизводится. Когда женщины детородного возраста уйдут со сцены, они не оставят достаточно дочерей, чтобы занять их место.

Влияние "новой иммиграции" и ее потомства достаточно велико, чтобы еще немного продлить рост населения Соединенных Штатов, но все признаки указывают на то, что, если бы вся иммиграция прекратилась, численный рост Соединенных Штатов остановился бы в конце двух или трех поколений, вероятно, на цифре не выше 150 000 000 человек, и больше не нужно.

Тем более необходимо, чтобы это поголовье было качественным. Знаменательный шаг на пути к этой цели был сделан Федеральным Верховным судом в 1923 году, когда он постановил, что право на гражданство имеют только белые и лица африканского происхождения.

В 1790 году Конгресс принял первый закон о натурализации, условия которого ограничивали возможность получения гражданства "свободными белыми гражданами". Это ограничение оставалось в силе до тех пор, пока в 1870 году закон не предоставил право на гражданство лицам африканского происхождения. Таким образом, в настоящее время право на натурализацию имеют только белые и негры. Толкуя закон 1790 года, Верховный суд постановил, что термин "свободный белый" должен пониматься в его общепринятом значении, которое использовали создатели закона, и не может включать индуса (сикха) или, в другом случае, японца.

Между тем закон об иммиграции 1924 года предусматривает, что "ни один иностранец, не имеющий права на гражданство, не может быть принят в Соединенные Штаты". Решения Верховного суда по упомянутым делам означают, что этот закон исключает все цветные и восточные расы - в общем, , кроме "свободных белых" и негров. Таким образом, вокруг американского населения поставлен еще один заслон.

Три миллиона белых в 1790 году выросли до 109 миллионов в 1930 году. Из этого числа треть - либо иностранцы, либо их дети. Интересно, сколько из 109 миллионов являются неразбавленными потомками колониального населения. Хотя математической точности в таких расчетах ожидать не приходится, эксперты переписи подсчитали, что примерно одна треть населения имеет такое происхождение.

Есть и много других, у которых один из родителей - колонист, а другой, возможно, восходит к иммигранту 1850 года. Такой последний, по мнению экспертов, эквивалентен половине потомков колонистов. Двое из них вместе считаются эквивалентными одному колониальному

потомку. Таким образом, эксперты подсчитали, что "численный эквивалент" колониального фонда составляет почти половину всего белого населения.

Исследования, необходимые для введения в действие положения о национальном происхождении и защиты его от партийной критики, выявили основные факты, касающиеся состава населения сегодня - разумеется, с учетом неизбежных погрешностей. Белое население 1920 года было распределено следующим образом:

Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия	39,242,733
Германия	14,833,588
Ирландское свободное государство	10,378,634
Польша ^[11]	3,626,692
Италия	3,566,396
Россия	2,108,283
Швеция	2,024,434
Франция	1,970,189
Нидерланды	1,835,959
Чехословакия	1,623,438
Норвегия	1,431,292
Австрия	976,248
Швейцария	961,406
Бельгия	790,928
Дания	735,083
Венгрия	703,409
Югославия	440,518
Финляндия	338,036
Литва	293,100
Португалия	272,104
Греция	185,836
Румыния	185,423
Испания	181,658
Латвия	144,844
Турция	138,389
Данциг	81,522
Все остальные страны с квотами	262,216
Неквотируемые страны ^[12]	5,488,757

	94,820,915

Соединенные Штаты уже не на 99 процентов протестантские, как в 1790 году; но они все еще на 80 процентов протестантские. Белые жители страны уже не на 90 процентов нордические, как после революции; но они все еще на 70 процентов нордические.^{[13][14]} Будущий курс страны должен определяться с учетом этих фактов.

СНОСКИ:

[11] Следует помнить, что эти цифры отражают национальное, а не *расовое* происхождение. Поэтому цифры, приписанные таким странам, как Польша, Россия и Австро-Венгрия, включают в себя очень большую долю евреев.

[12] Это страны Западного полушария, среди которых наибольший вклад внесли Канада и Мексика.

[13] Сюда же, конечно, входит вся Германия.

[14] Комитет Гувера по социальным тенденциям в книге "Национальное происхождение" утверждает, что "около 85 процентов белых в США в 1920 году были выходцами из северо-западной Европы, где преобладали нордики".

XV

НАСЛЕДИЕ РАБСТВА

Самый важный элемент национальности - это единство. Это единство может быть основано на расе, на языке, на религии, на давней общей традиции, на нескольких или всех этих факторах.

За последнее столетие Соединенные Штаты в определенной степени утратили единство религии, расы и языка. За тот же период они приобрели ряд неассимилируемых элементов, которые были привезены в качестве дешевой и послушной рабочей силы для развития промышленности или же допущены в страну благодаря ложному гуманизму так называемой Викторианской эпохи. Было забыто, что дешевый человек делает дешевую работу.

На Юге ручной труд выполняли негры, но на Севере, где не было рабов, ручной труд выполняли в основном американцы, и он по-прежнему выполняется в тех районах, где нет иностранцев. Как только для строительства железных дорог или рытья каналов стали привлекать дешевую чужую рабочую силу, такой труд стал неприятен коренным американцам, потому что его выполняли низкорослые иностранцы, которых они презирали.

Среди различных чужеродных элементов, которые сейчас находятся в Соединенных Штатах и в разной степени угрожают нашему национальному единству, самым важным является негр. В отличие от других чужеродных элементов, негры были привезены в страну против их воли. Они не принесли с собой ни сохранившегося языка, ни религии, ни, ни других культурных атрибутов, но приняли эти элементы от своих хозяев.

Во время первой переписи населения (1790 год) негров насчитывалось 757 208 человек, что составляло 19,3 % от общей численности населения. Естественно, они проживали в основном в южных штатах. В 1860 году негров насчитывалось 4 441 830 человек, что составляло 14,1 процента населения. Они по-прежнему проживали на Юге. В 1930 году негры составляли 11 891 143 человека и 9,69 % населения, но произошла явная миграция из сельскохозяйственных районов Юга в крупные города Севера.

Когда после Гражданской войны неграм было предоставлено право голоса, негритянская проблема значительно осложнилась. Эта непродуманная мера была навязана стране на волне чувств, вызванных бессудным убийством Линкольна. Север опасался доверять

Не существует доказательств того, что количество мулатов, получаемых в результате первичного союза белых и негров, сейчас больше, чем пятьдесят или сто лет назад. Но есть свидетельства того, что интеллект и способности цветного находятся в прямой пропорции с количеством белой крови в нем, и что большинство руководящих, влиятельных и выдающихся позиций в негритянской расе занимают не настоящие негры, а мулаты, многие из которых имеют очень мало негритянской крови. Это настолько верно, что встреча с чернокожим негром на видном месте становится предметом комментариев. Э.Б. Рейтер подсчитал, что у ребенка мулата больше шансов добиться известности, чем у черного, в соотношении тридцать четыре к одному.

Такая ситуация, естественно, ставит в сознании негров на первое место белую кровь, а значит, и на первое место бастардизм, препятствуя любой тенденции к культивированию чистых расовых ценностей со стороны самих негров. Чернокожий мужчина, который приобретает богатство, сразу же стремится продемонстрировать видимые доказательства своего достатка, приобретая светло-желтую или "розовую" жену, а чернокожая девушка находится в большом минусе в брачном плане.

Даже в усыновлении прослеживается та же тенденция. Общества по устройству детей могут тщетно пытаться найти дом для пиканини с черной кожей и кудрявыми волосами, но светлогожего ребенка, несмотря на другие недостатки, охотно усыновляют темнокожие родители-негры.

Религиозный мир, политический мир и мир образования, похоже, сговорились отдать все награды неграм с белой кровью и заставить основную часть расы считать, что белая кровь - это самое большое благо для негра. Такое потворство смешению рас является коварной и далеко идущей угрозой для расовых и этических стандартов обеих рас.

Сколько белой крови сейчас циркулирует в жилах наших негров, сказать невозможно. Однако принято считать, что, по крайней мере, одна треть всех негров в Соединенных Штатах на самом деле имеет немного белой крови, и эта пропорция, вероятно, больше.

Негр, выдающий себя за белого, делает это исключительно в силу своих физических качеств, которые приближаются к тем, что были у его белых предков. Его интеллектуальные и эмоциональные черты могут коварно восходить к его черным предкам и таким образом приноситься в белую расу.

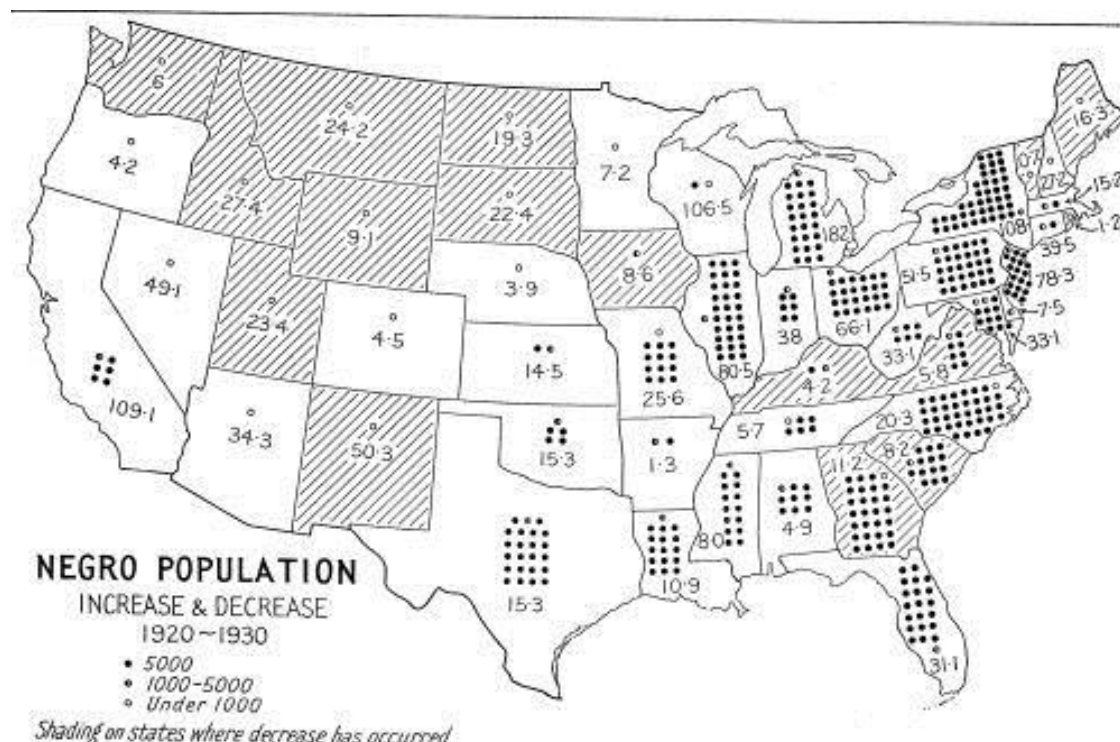
В умственном и эмоциональном плане негр - продукт тысячелетней эволюции в условиях строжайшего естественного отбора в жарких землях Африки. Ему заметно не хватает именно тех качеств, которые необходимы для успеха в современной нордической индустриальной цивилизации, например, самоконтроля и способности к сотрудничеству. Физически он - продукт тех же обстоятельств. Его прочная кожа дает ему преимущество перед белыми в сопротивлении некоторым болезням. Более низкий жизненный потенциал ставит его в невыгодное положение при других заболеваниях. Так, негр может заболеть туберкулезом или пневмонией и менее подвержен раку и кожным заболеваниям. С помощью санитарно-гигиенических мероприятий, проводимых белыми, негр держится на ногах и даже завоевывает позиции в северных городах, где раньше считалось, что он вымрет.

Естественный отбор, таким образом, с учетом нынешней жизненной статистики двух рас, больше не может полагаться на решение проблемы путем постепенного уничтожения негров в Америке. Утешением стало снижение соотношения негров к общей численности населения, но их абсолютный рост продолжается.

Удовлетворительного решения проблемы предложено не было. В настоящее время, исходя из изучения истории прошлого, представляется, что возможны только три варианта решения.

Во-первых, медленное слияние с белыми и постоянно увеличивающееся число мулатов, которые мало-помалу будут "выдаваться" за белых. Такая амальгамация может легко принять серьезные масштабы в ближайшем будущем, с увеличением количества смешанных пород по всей территории Соединенных Штатов. Но если сентиментальные взгляды на негров, порожденные Гражданской войной, удастся изжить, возможно, грядущее поколение будет решительно противостоять этой мулатской угрозе. В противном случае поглощение 10 процентов негров и мулатов, не говоря уже о восточных и южных европейцах, в дополнение к мексиканцам, филиппинцам и японцам, приведет к расовому хаосу, подобному тому, что погубил Римскую империю.

Вторым решением может стать депортация, которая всерьез предлагалась еще сто лет назад. В то время можно было бы перевезти тогдашних рабов в Африку, и такая мера потребовала бы лишь малой доли затрат на Гражданскую войну. В годы, непосредственно предшествовавшие Гражданской войне, некоторые мудрейшие государственные деятели рассматривали это как возможное средство решения проблемы. Сегодня это невозможно, потому что Африка, за исключением Либерии, находится под контролем белых государств, которые, конечно, не приветствовали бы такое огромное дополнение к их собственной проблеме цвета кожи, не считая всех других практических соображений.

НЕГРИТАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УВЕЛИЧЕНИЕ И УМЕНЬШЕНИЕ 1920-1930

Цифры в каждом штате показывают процент увеличения и уменьшения.

Современные сторонники репатриации утверждают, что отсутствие местного населения является главным фактором, способным сдержать развитие некоторых из самых здоровых и плодородных районов внутренней Африки. Американский негр, говорят они, вполне может

перенести туда образование, полученное им в Соединенных Штатах, и добиться большего, чем он мог бы рассчитывать сделать здесь, особенно если, благодаря росту расового сознания среди белых, они окажутся менее гостеприимными к его требованиям о равенстве.

Значительное число последователей негра Гарви, который несколько лет назад начал движение "Назад в Африку", приводят в качестве доказательства того, что негры в этой стране не обязательно против ее покинуть. Но потребуются гораздо больше доказательств, прежде чем вопрос о репатриации негров можно будет рассматривать всерьез.

В качестве третьей возможности была предложена сегрегация. Это означало бы отказ белых от целых участков страны вдоль Мексиканского залива. Это уже произошло в некоторых местах вдоль нижнего течения реки Миссисипи, где численность негров стала настолько подавляющей, что немногие оставшиеся белые просто уехали и оставили этот район им. Это происходило и происходит в Вест-Индии. Гаити и Санто-Доминго были полностью переданы неграм, и можно найти и другие примеры вест-индских островов, почти оставленных неграми.

Каким бы ни был конечный результат, негритянская проблема должна быть решительно взята в руки белыми, без промедления. Штаты, в которых нет законов, препятствующих межнациональным бракам белых и черных, должны принять их. За последние четверть века многие подобные законопроекты, внесенные в законодательные органы Севера, были провалены организованным пронегритянским лобби. Христианские церкви в некоторых частях Севера также заняли неразумную позицию, пытаясь разрушить социальные барьеры между неграми и белыми. Такое отношение восходит к временам аболиционистов, которые убеждали себя в том, что негр-раб обладает всеми возможными добродетелями, а южный белый человек - всеми возможными пороками. Оно стало основным фактором, породившим трагедию "реконструкции" после Гражданской войны.

Сенатор Роско Конклинг отлично подметил это отношение, когда кто-то спросил его, что произошло в Сенате в тот день. Он ответил: "Мы обсуждали ежегодный законопроект сенатора Самнера под названием "Акт об изменении Божьего акта, согласно которому существует разница между белыми и черными"".

Более необходимым, чем законодательство, является более энергичное и бдительное общественное мнение среди белых, которое положит конец социальному смешению двух рас. Социальное разделение - это ключ к минимизации зла от смешения рас в настоящее время. Общественное мнение может перестать превозносить мулатов и тем самым ставить печать одобрения на неправильное родство. Негров следует поощрять к уважению собственной расовой целостности. Наконец, знания о методах контроля рождаемости, которые сейчас широко распространены среди белых, должны стать общедоступными для негров.

По сравнению с неграми, американские индейцы не представляют серьезной проблемы для американского единства. На всем континенте к северу от Мексики их насчитывается всего около 432 000. По данным переписи 1930 года, численность индейцев в Соединенных Штатах составляет 332 397 человек.

Распределение этих индейцев удивительно неравномерно. Больше всего их на Западе; затем идет Юг, где проживает 92 000 человек из Оклахомы, а в штатах Персидского залива их мало. Северная Каролина, с другой стороны, занимает седьмое место в списке штатов по численности индейцев. По сравнению с 137 000 на Западе и 116 000 на Юге, в Северной Каролине их всего 78 000. Они широко рассеяны и зачастую малоизвестны широкой

публике. В штате Нью-Йорк по-прежнему проживает 7000 индейцев, в Мичигане - примерно столько же, в Северной Дакоте - несколько больше; в Висконсине и Миннесоте - по 11 000, а Южная Дакота с ее 22 000 стоит на четвертом месте среди всех штатов. На Западе индейское население сосредоточено в основном в Аризоне, Нью-Мексико, Калифорнии, Монтане и Вашингтоне, в указанном порядке.

В настоящее время эти индейцы представляют 371 племя или остатки племен. Насколько велика была их численность во времена первого поселения белых в Северной Америке, остается предметом интересных догадок. По большинству оценок, их численность не превышает миллиона человек, но за несколько сотен лет до этого население могло быть значительно больше. С момента появления белых несколько племен увеличились в численности. Большинство уменьшилось, а некоторые вымерли, чаще от болезней белого человека и виски, чем от результатов боевых действий.

Самая плотная индейская популяция на момент завоевания находилась на Тихоокеанском побережье, которое вступило в тесный контакт с белыми только в прошлом веке. Индейское население Тихоокеанского побережья также отличалось низким уровнем интеллекта и культуры и было раздроблено на отдельные группы, которые не могли понять друг друга. Индейцы этого региона говорили на стольких же отдельных языках, как и все остальные индейцы Соединенных Штатов вместе взятые. Когда в 1769 году испанцы основали первую миссию на Западном побережье, численность индейцев Калифорнии оценивалась в 220 000 человек. На сегодняшний день эта цифра сократилась более чем на 90 процентов.

Политика католических миссионеров заключалась в том, чтобы загнать индейцев в угол вокруг миссий. Церковь считала себя владельцем всей земли, а индейцы обрабатывали ее как арендаторы. Когда мексиканское правительство конфисковало имущество церкви, оно получило право собственности на всю землю. Таким образом, индейцы, которые всегда жили на ней, оказались незаконными нарушителями, и примерно до 1913 года они были безземельными, голодающими беглецами. В это время правительство начало предоставлять индейцам землю. Несмотря на то, что обращение с ними сократило их численность в девять раз, их изоляция предотвратила межродовые браки с белыми, поэтому калифорнийские индейцы имеют относительно чистую кровь.

Восстание индейцев пуэбло Аризоны и Нью-Мексико против испанцев в 1680-92 годах стало началом их упадка. Навахо и апачи, напротив, увеличили свою численность, в то же время избегая смешения с белыми.

Индейцы Атлантического побережья были уничтожены отчасти болезнями, отчасти войнами; их остатки год за годом оттеснялись белыми на запад, пока не оказались в основном к западу от Миссисипи, многие из них - в Оклахоме. Исключение составляют ирокезы, численность которых, возможно, возросла. Они овладели огнестрельным оружием раньше своих соседей по племени и смогли уничтожить многих из них, включив остатки в свое племя. Считается, что численность сиу на Великих равнинах также увеличилась.

В штатах Персидского залива, напротив, индейцы были в основном истреблены до того, как их остатки были переселены на Индейскую территорию. В 1702 году чикасау сообщили французскому исследователю Ибервиллю, что за предыдущие двенадцать лет они убили или захватили для работорговцев 2300 чокто, потеряв для себя 800 человек.

На Северо-Западе и Аляске виски и болезни стали главными факторами сокращения численности туземцев. Вместе с этим во многих регионах наблюдалась низкая рождаемость, отчасти вызванная голодом.

Почти все американские индейцы жили охотой. Когда белые вторглись в леса и вытеснили или убили дичь, экономическая система индейцев была разрушена, и у них не было возможности приспособиться к быстро меняющимся условиям.

С ранних времен между индейцами и белыми происходили некоторые межродовые браки, но они не были достаточно масштабными, чтобы быть серьезными. Тем не менее, иногда подсчитывают, что половина переписного населения индейцев имеет белую кровь. Естественно, доказать или опровергнуть такое предположение невозможно. Только в Оклахоме на такое смешение смотрели благосклонно, но даже там некоторые племена держались в стороне от смешения с белыми и карали смертью любое скрещивание своих членов с неграми. Открытие нефти на землях индейских племен сделало притязания на индейскую кровь прибыльными, а доходы от нефти, к сожалению, покрывали множество грехов. На Западе вообще термин "человек-скво" стал горьким упреком.

Если брать всю страну, то белые, женившиеся на индианках, не принадлежали к высокому классу. Но общее число индейцев в Соединенных Штатах настолько мало, что их будущее, вероятно, заключается в поглощении белой расой путем смешения, если только несколько племен не будут культивировать собственную расовую чистоту и, при благоприятных экономических условиях, не сохранят себя надолго.

Мексиканское население проживает в основном в юго-западных штатах, но также достигло относительно больших пропорций в таких штатах, как Колорадо, Канзас, Иллинойс и Мичиган. Характер этой иммиграции был описан на этих страницах. Она дала Соединенным Штатам чужеродный элемент с высокой рождаемостью и очень низким уровнем жизни, с которым белые рабочие не могут и не хотят конкурировать.

По данным переписи населения 1930 года, в Соединенных Штатах проживало около полутора миллионов мексиканцев. Предполагалось, что число тех, кто въехал в страну нелегально, превышает число тех, кто прибыл через признанные пути. Чтобы предотвратить такое сведение на нет иммиграционных правил, недостаточно просто регистрировать иностранцев, поскольку это, скорее всего, затронет только тех, кто въехал в страну легально. Необходимо регистрировать все население страны. Преимущества универсальной системы подтверждения личности многочисленны, и расширение системы регистрации рождений, с одной стороны, и регистрации избирателей, с другой, позволит решить эту задачу без создания новых дорогостоящих механизмов.

Угроза китайской и японской иммиграции в настоящее время остановлена иммиграционными законами, которые исключают любого, кто не имеет права на гражданство. Правильное применение этого правила, установленного Верховным судом, может перекрыть значительную часть иммиграции индейцев из Мексики.

После окончания мировой войны иммиграция филиппинских молодых людей стала тревожной проблемой на Тихоокеанском побережье. Число прибывших до 1930 года составляет около 50 000 человек. Они, как и греки и некоторые другие европейские иммигранты, привозят с собой мало женщин и поэтому представляют собой социально нежелательный и расово опасный элемент, где бы они ни находились.

В отличие от пуэрториканцев и гавайцев, филиппинцы не являются гражданами Соединенных Штатов с правом на въезд, которое нельзя отменить. Они являются гражданами Филиппинских островов, и въезд в Соединенные Штаты им разрешен только по вежливости. Поэтому Конгресс имеет полное право принять закон, который исключит их, и он должен немедленно использовать свои полномочия, чтобы защитить белую Америку от

этого резервуара из 10 000 000 малайцев и монголоидов, которые сейчас находятся под американским флагом и в настоящее время являются потенциальными иммигрантами. Если это не удастся сделать эффективно, Соединенным Штатам не останется ничего другого, как признать, что их принятие островов и попытка спасти их после испанского произвола были ошибкой. В качестве гарантии собственного расового благополучия может возникнуть необходимость предоставить филиппинцам независимость, отдать их на милость Провидения и Лиги Наций и больше не иметь с ними ничего общего.

Точно так же не следует думать о дальнейшем приобретении территорий в Вест-Индии или в Центральной Америке. Можно предположить, что в недалеком будущем страны Центральной Америки смогут сформировать стабильную конфедерацию и встать на ноги более успешно, чем они это делали на протяжении последнего поколения. Если в такую федерацию войдут Вест-Индские острова, Соединенные Штаты вполне могут пожертвовать своими владениями там.

Индусская иммиграция до сих пор была не более чем угрозой. Нынешние иммиграционные ограничения не позволяют иммигрировать этим людям, за исключением путешествий и учебы. Опыт многих стран мира показал, как глупо позволять белым странам быть захваченными индусами, и в этом отношении американцы должны сочувствовать британским владениям, которые пытаются сохранить господство белой расы в своих собственных границах.

На Гавайях у Соединенных Штатов есть еще один возможный источник нежелательной иммиграции. Среди трети миллиона жителей острова преобладают японцы, которые держатся в стороне от других жителей и не проявляют склонности к межнациональным отношениям. Каждый японский ребенок, родившийся на островах, является американским гражданином с полным правом въезда на материк. Большая часть остального населения представляет собой беспорядочную толпу. Китайцы и коренные гавайцы до недавнего времени проявляли заметную склонность к межнациональным бракам. Необходимо приложить все усилия, чтобы найти конституционный способ предотвратить превращение Гавайев в постоянный источник нежелательных для США граждан.

Хотя список неассимилируемых элементов в Соединенных Штатах велик, следует помнить, что большинство из них еще малы. Мудрая демографическая политика, своевременно принятая и проводимая впредь, даст республике возможность развиваться по здоровым и плодотворным направлениям.

XVI

НАШИ СОСЕДИ НА СЕВЕРЕ

Прежде чем перейти к рассмотрению стран, расположенных к северу от нас, следует обратить внимание на то, что Канада состоит из трех основных частей. Во-первых, Приморские провинции, которые были приобретены Великобританией позднее, чем другие атлантические колонии, поскольку изначально на них претендовали французы. К этому делению следует отнести и Ньюфаундленд. Эти территории, лежащие к востоку от Соединенных Штатов, были заселены непосредственно выходцами из Англии или во время революции беженцами-лоялистами из Новой Англии. В составе населения присутствует

большой шотландский элемент, которого не хватало в Новой Англии. В целом, эта территория полностью нордическая, за исключением берегов залива Святого Лаврентия и залива Шалер, куда проникли альпийские французы-жители.

Вторая часть доминиона - франкоязычный, римско-католический Квебек с плодовитым населением низкого культурного статуса. Недоверие французов к протестантам Новой Англии, с которыми они воевали на протяжении ста пятидесяти лет, стало основной причиной того, что они не присоединились к восставшим американским колониям в 1776 году. Квебек был известен как Нижняя Канада.

Как и территории Соединенных Штатов, современный доминион Канада представляет собой часть нордического завоевания Северной Америки, единственным исключением из которого является французское население провинции Квебек.

Страна к западу от реки Оттава представляет собой третий крупный раздел и после революции была известна как Верхняя Канада. Ее первоначальное население состояло в основном из американских лоялистов, которые в большом количестве бежали туда после революции. Иммиграция в Верхнюю Канаду из Великобритании впоследствии была в основном шотландской, шотландско-ирландской и североанглийской. Это в большей или меньшей степени относится ко всей англоязычной Канаде, за исключением, возможно, Британской Колумбии.

В какой-то мере доминион является ответвлением Соединенных Штатов, и его развитие шло по линиям, параллельным тем, что были в штатах к югу от границы. Характер населения к западу от провинции Квебек во многом схож с американским, но в нем, к счастью для Канады, отсутствуют некоторые иммигрантские элементы. Страна была заселена без ужасных индейских войн, от которых страдало наше пограничье, и без незаконного элемента, столь заметного в истории нашего Дальнего Запада.

Французское поселение в Квебеке было одновременным с первым английским поселением в Северной Америке в Джеймстауне. Большинство эмигрантов были выходцами из северной Франции. Насколько можно судить в настоящее время по потомкам этого населения, чистые нордические черты были среди них редкостью. Сегодня это в целом коренастый, короткошейный народ, скорее альпийского телосложения, с глазами часто довольно темными. Светлые волосы и высокий рост нордигов встречаются так редко, что сразу привлекают внимание. Этот тип скорее указывает на донорманнское население северо-западной Франции, чем на ее нордических завоевателей. Некоторые из сеньоров, исследователей и авантюристов раннего периода, очевидно, были нордического происхождения, но они, вероятно, всегда были в меньшинстве и оставили мало потомков.

Очень мало удовлетворительных исследований было проведено в отношении происхождения хабитантов. Недавнее исследование типичной группы дало некоторое представление об общих условиях в Квебеке. Рост этой группы составил пять футов и пять дюймов, что соответствует среднему росту французов. Цефалический индекс превышал 83,0, что соответствует среднему показателю для Бретани и выше, чем для Нормандии. Волосы были довольно темно-каштановыми и прямыми, эта прямота слегка наводит на мысль об индейской примеси. Цвет глаз чаще всего был карий, чем смешанный голубой и карий. Чисто голубые глаза встречались только у 15 процентов. Высокое плотное телосложение нормандского крестьянина встречалось очень редко.

Язык, на котором говорят в Квебеке, - это архаичный нормандский патуа времен Людовика XIV. Этот факт породил всеобщее мнение, что жители пришли из Нормандии, но более

вероятной причиной является то, что норманны были самыми ранними иммигрантами и создали свой патуа, который был воспринят более поздними прибывшими. Норманны, по-видимому, не составляли большинства от общего числа иммигрантов, а Бретань дала еще меньше. Бал анс был разделен между провинциями северной половины Франции.

Физический тип современных габитантов, напоминающий крестьян внутренних районов Бретани, находит подтверждение в их раболепстве перед церковью.

На протяжении всего французского периода население в значительной степени состояло из солдат, торговцев, администраторов, священников и других людей, которые не брали с собой свои семьи. Усилия французского правительства по поощрению семейной жизни не всегда были хорошо направлены и успешны. Кольбер надеялся создать в Канаде многочисленное французское население за счет межнациональных браков с индейцами. Административные правила наказывали холостяков, которым, например, отказывали в лицензии на торговлю пушниной, которая была главным источником богатства страны в то время.

Многие из этих ограничений были введены священниками, несомненно, не столько из евгенических соображений, сколько из желания защитить нравственность молодых людей, дав им жен. В ранние годы колония попала под власть иезуитов и долгое время сохраняла религиозный тон, который был по-своему гораздо более суровым и бескомпромиссным, чем в пуританских поселениях Новой Англии. Большая часть богатства и усилий, которые могли бы пойти на укрепление колонии, была вложена в бесплодные монастырские фундаменты. Даже сегодня каменные церкви являются заметной чертой пейзажа посреди нищих деревень.

Одно время в течение нескольких лет наблюдалась целенаправленная миграция молодых женщин из Франции, отправляемых в качестве жен колонистов, а в начале истории страны была введена политика поощрения браков и многодетных семей, которая с тех пор повторяется с определенной периодичностью. Тем не менее, колония росла медленно, и именно неспособностью поставить ее на прочный биологический фундамент объясняется крах французского правления.

В 1665 году первая перепись показала численность населения в 3215 человек. За последующие сто лет оно увеличилось до 70 000 человек, еще 20 000 проживали на территории современных Приморских провинций. То, что французы смогли так долго противостоять британским соседям, которые превосходили их числом двадцать к одному, является их заслугой, но отсутствие понимания того, что их поселение не может быть постоянным, если оно не основано на реальной миграции семей, в конечном итоге стоило им страны.

Одной из главных причин того, что Французская Канада не смогла выйти за узкие пределы берегов реки Святого Лаврентия в течение первого века своего существования, стала неясная стычка, произошедшая на западной стороне озера Шамплейн в 1609 году. Шамплен продвигался на юг в компании с канадскими алгонкинами, когда столкнулся с военным отрядом ирокезов. В ходе последовавшего боя несколько ирокезов были убиты и взяты в плен. В это время и в этом месте началась ожесточенная вражда ирокезов пяти наций и канадских французов. Это была вражда, которой никогда не давали покоя, и ежегодно

военные отряды ирокезов уходили на север вдоль озера Шамплейн и реки Ришелье и опустошали нижнюю часть провинции Квебек. В то же время военные отряды сенеков спускались по реке Святого Лаврентия и нападали на французов с запада. Пока власть ирокезов сохранялась, а это было на протяжении всего XVII века, они опустошали значительную часть Новой Франции.

ДОМИНИОН КАНАДА И НЬЮФАУНДЛЕНД

Тем временем голландцы и англичане укрепляли свою безопасность на юге и востоке. Таким образом, стычка Шамплена с ирокезами стала тем фактором, который задержал экспансию Франции в район Великих озер и в долину Миссисипи до относительно позднего восемнадцатого века.

Французское население по-прежнему сосредоточено в провинции Квебек, долгое время известной как Нижняя Канада, но оно распространилось на другие части континента как к югу, так и к западу от границы с Квебеком. В Канаде они распространились на соседние провинции. Эмиграция в Новую Англию началась в восемнадцатом веке, но не была значительной до девятнадцатого столетия.

Хотя это франко-канадское население оставалось настолько плодотворным, что могло служить примером для каждого писателя, оно тоже ощущало веяние времени. В течение долгого времени правительство Квебека предлагало грант в сто акров земли каждому мужчине, который был отцом двенадцати живых детей от одной жены. Менее чем за год этой привилегией воспользовались более 3000 глав семейств, а в 1907 года был опубликован список из 7000 семей, имеющих не менее двенадцати живых детей.

Несмотря на такую плодovitость, рождаемость снижалась на протяжении почти всего исторического периода. Двести пятьдесят лет назад средний показатель для всех женщин детородного возраста в провинции Квебек составлял один ребенок каждые два с половиной года. К 1850 году это соотношение снизилось до одного на пять лет. В настоящее время он составляет один ребенок за семь с половиной лет. При таком способе измерения темпы естественного прироста на одну голову составляют лишь треть от тех, что были в колониальные времена. Таким образом, даже римско-католический "Обитатель" ощутил на себе влияние общего снижения рождаемости во всем западном мире в период с начала промышленной революции.

С начала девятнадцатого века в Верхнюю Канаду шла небольшая, но постоянная иммиграция с Британских островов, хотя и прерванная Наполеоновскими войнами. После окончания этого конфликта произошло более значительное перемещение населения, которое привело к появлению обширного английского населения. До этого большинство прибывших были шотландцами или американцами, так что один из посетителей в 1810 году отметил, что он встретил "почти ни одного англичанина и несколько ирландцев".

В 1815 году правительство начало помогать иммигрантам, предоставляя им бесплатный проезд и дарственную на сто акров земли после прибытия с обещанием бесплатного пайка в течение первых шести или восьми месяцев и такого же количества земли каждому ребенку мужского пола по достижении им возраста двадцати одного года. Разумное ограничение требовало от иммигранта внесения залога в размере чуть менее ста долларов, который должен был быть возвращен ему через два года, если он выполнил условия договора от его имени. Этими положениями воспользовались в основном шотландцы, отправлявшиеся в Онтарио. Однако преимущество этой схемы для нашей цели заключалось в том, что она впервые позволила вести учет иммиграции, который в дальнейшем можно было проследить в деталях.

В 1819 году эмиграция из британских портов в Канаду превысила 20 000 человек и продолжалась в течение нескольких лет примерно такими темпами, несмотря на бум, который в то же время переживали Австралия и Новая Зеландия. В 1830-34 годах наблюдалось значительное движение эмиграции в сторону Канады. За девять лет, предшествовавших 1837 году, более четверти миллиона эмигрантов с Британских островов прибыли в Квебек по пути на запад, причем более 50 000 из них - за один год.

Первородство в Англии было мощным фактором в создании Британского содружества. Старший сын в помещичьей семье наследовал поместье и титулы, если таковые имелись, и оставался дома. Младшие сыновья, оставленные на произвол судьбы, были готовы эмигрировать. Таким образом, колонии получили гораздо больше поселенцев с первоклассными способностями, чем могло бы быть в противном случае. В то же время сохранение семейной преемственности через сохранение родового дома в неприкосновенности было сильным психологическим фактором для поддержания энергичной семейной жизни в высших классах Великобритании.

К 1840 году население Канады составляло около полутора миллионов человек. В течение следующего поколения из британских портов прибыло еще около миллиона иммигрантов - великая ирландская миграция, которая заметно изменила расовый характер этого движения примерно с 1845 года. До этого времени новопривывшие были преимущественно англичанами, в значительной степени представленными в Уилтшире и Йоркшире. Когда картофельный голод заставил ирландцев искать убежище в других местах, они, естественно, обратили свои взоры на Англию, как наиболее легко и дешево доступное убежище.

Великобритания смогла принять лишь ограниченную их часть и стала направлять их в Канаду, которую они предпочли Соединенным Штатам, поскольку там была сильна католическая церковь.

Эмигранты были слабы, и в 1849 году шестая часть отправившихся, как говорят, умерла во время путешествия. Число ирландцев, покинувших Великобританию в том году, составило 215 000 человек, из которых почти половина направлялась в Квебек. Канада была встревожена тем, что ее превратили в место свалки истощенного и нищего населения, которое настолько превышало ее возможности, и, повысив налоги и применив другие средства, замедлила иммиграцию, которая затем направилась в Соединенные Штаты. После этого многие ирландцы, уже уехавшие в Канаду, перебрались в Союз, так что в итоге Канада получила меньшую часть миграции ирландских католиков, чем можно было предположить.

Перепись 1871 года представляет собой удобную точку для обзора населения. В четырех исходных провинциях (Онтарио, Квебек, Нью-Брансуик и Новая Шотландия) оно составляло 3 485 761 человек. Британцы и французы в соотношении два к одному составляли 92 процента. Единственным иностранным элементом, на долю которого пришелся даже 1 процент от общей численности населения, был немец, насчитывающий более 200 000 человек, или 5,8 процента.

Жители Франции всегда представляли собой несколько неудобоваримую массу, но полвека борьбы привели к созданию работоспособной системы управления и компромиссу в административной жизни страны. Доминирующим элементом были британцы, и, за исключением огромной массы французов, не было большого иностранного блока, который бы угрожал единству страны.

В отличие от заселения Запада Соединенных Штатов, в прериях и горных провинциях Канады царили закон и порядок. На нашем Западе, особенно в шахтерских районах, закон в значительной степени игнорировался, а его место занимало частное правосудие, осуществляемое отдельными лицами.

В Канаде конная полиция играла самую эффективную роль в контроле как над поселенцами, так и над индейцами. Во время Клондайкской лихорадки в 1898 году, когда полчища золотоискателей устремились через перевалы к верховьям Юкона, горстка конных полицейских поддерживала дисциплину, за что сами американцы были им очень благодарны. Точно так же администрация горных законов Клондайка, который находится на канадской территории, вызывала восхищение и зависть у американцев.

Обращение Канады с индейцами в западных провинциях также отличалось отсутствием кровопролитных войн, характерных для нашего продвижения на запад. Единственным восстанием против белых было восстание Риэля в Манитобе в 1869 году, которое было вызвано полукровками, а не индейцами, и имело особые глубинные причины. Все это было достигнуто без какого-либо братания белых с индейцами.

В период французского правления канадские индейцы всегда выступали на стороне французов против англичан, потому что под влиянием католических священников полукровка-индеец считался французом и, как следствие, влиял на людей своей матери в пользу правящей расы.

По всей нашей границе было много потомства от белых пограничников и индейских скво, но этих полукровок повсеместно изгоняли и презирали как индейцев. Такое отношение к низшей расе всегда было характерно для нашего американского фронта и, хотя оно было

очень непопулярно среди туземцев, служило сохранению белой расы без смешения, что резко контрастировало с французскими и испанскими колониями.

В Канаде до сих пор проживает более 100 000 индейцев, что в четыре раза больше по отношению ко всему населению, чем в Соединенных Штатах.

Ньюфаундленд, по географическим причинам, хотя политически он не имеет никакого отношения к Канаде, является наиболее удобной отправной точкой для более детального рассмотрения подразделений страны.

По размерам остров превосходит Ирландию и претендует на звание "старшей колонии" Британского Содружества. Согласно традиционной версии, генуэзец Джон Кабот, отплывший из Бристоля, открыл его в 1497 году и вступил во владение им от имени Генриха VII. Уже через несколько лет рыбаки, не только английские, но и французские, испанские, португальские и баскские, высаживались здесь, чтобы сушить и вялить огромное количество трески, выловленной на Великих отмелях, которая до сих пор составляет главное богатство колонии. Некоторые авторы считают, что остров был открыт рыбаками задолго до Колумба. Во всяком случае, фактическое заселение острова, хотя едва ли можно назвать постоянным заселением Ньюфаундленда, давно предшествовало колонизации Виргинии, а многие из первоначальных английских жителей были выходцами из Девоншира.

Аборигены, беотийцы, исчезли полвека назад. Вероятно, они были эскимосами или близкородственными им народами, и их иногда называют "красными" индейцами, в отличие от "черных" индейцев, микмаков, которые недавно в небольшом количестве иммигрировали из Нью-Брансуика.

В Ньюфаундленде проживает около четверти миллиона человек, но из-за отсталости в развитии он до сих пор мало известен внешнему миру.

На материке длинная полоса Атлантического побережья и большой треугольник земли за ним административно присоединены к Ньюфаундленду под названием Labrador. Из-за малочисленности населения его можно не принимать во внимание при обсуждении.

Новая Шотландия в колониальные времена была почти колонией Новой Англии. Она была известна французам как "Акадия" и была уступлена Англии в 1713 году.

Расположенная между Новой Англией и французской Канадой, Акадия сильно страдала от военных действий, которые велись между этими двумя регионами. Существование многочисленного французского населения всегда было источником раздражения и опасности для англичан. Наконец в 1758 году французы были вытеснены, около 6000 из них были распределены по английским колониям, а остальные бежали в Канаду. Те, кто прибыл в тринадцать колоний, терпели лишения, но в целом с ними обращались более гуманно, чем с теми, кто бежал к своим единоверцам в провинцию Квебек. Место изгнанных акадийцев^[15] в значительной степени заняли эмигранты из Новой Англии.

Во время революции американское население Новой Шотландии значительно увеличилось за счет притока лоялистов. Они прибыли в таком количестве, что серьезно потревожили колонию, но стали бесценным дополнением к лучшему британскому роду. Эта общая тенденция сохранилась, так что даже в 1921 году среди иностранного населения Новой

Шотландии выходцев из США было вдвое больше, чем всех остальных иностранцев вместе взятых.

Шотландская иммиграция, оказавшая столь значительное влияние на восточные графства Новой Шотландии, началась около 1760 года с прибытием шотландцев и ольстерцев. В 1772 году группа горцев, прибывших из Шотландии, заняла землю вместе с американской группой из Филадельфии. С тех пор и примерно до 1820 года в регион постоянно прибывали горцы; в некоторых районах колонии до сих пор говорят на гэльском языке. Новая Шотландия вместе с другими Приморскими провинциями по-прежнему представляет собой самую чисто британскую из всех канадских провинций, и, как видно, значительная часть ее населения прибыла в нее через Соединенные Штаты.

Нью-Брансуик был основан 16 августа 1784 года из части древней Акадии. Во время Революции он также принял большое количество лоялистов, и можно сказать, что своим существованием он обязан прибытию около 10 000 экспатриантов из Соединенных Штатов. Но основную часть населения составляют шотландцы с сильным контингентом Хайленда. Иностранцев, кроме небольшого количества выходцев из Соединенных Штатов, здесь немного.

Остров Принца Эдуарда схож по составу населения и является самым чисто "коренным" из всех: лишь один из каждых ста жителей этой провинции имеет иностранное происхождение. Среди римских католиков здесь насчитывается значительное количество шотландских горцев, которые составляют почти половину населения.

Квебек по-прежнему остается оплотом франко-канадцев, более половины которых не могут говорить на английском языке. Французы по-прежнему составляют четвертую часть населения всего Доминиона Канада. На северной границе Квебека произошло некоторое смешение с индейцами, но полукровки, вероятно, недостаточно многочисленны, чтобы составить значительную часть старого населения. Помимо большого переселения в Новую Англию, франко-канадцы распространились в Онтарио, Нью-Брансуик и на острове Принца Эдуарда.

Франко-канадское население - самое высокоинбредное из всех крупных групп Нового Света. В ее основе лежат первоначальные иммигранты, число которых значительно меньше 10 000. За три столетия это ядро размножилось до 3 000 000 человек, практически не пополняясь новыми переселенцами из-за рубежа. Они живут в Новом Свете дольше, чем большинство белых жителей Западного полушария, и должны быть отнесены к одному классу. Они не французы, несмотря на их язык - архаичную речь, над которой истинный француз смеется. Во всех отношениях они отличаются от современных французов, даже больше, чем жители Новой Англии колониального происхождения отличаются от современных англичан. От колыбели до могилы они окружены влиянием римско-католической церкви в той степени, которая почти так же неизвестна современным французам, как и современным американцам. В последние годы не только те, кто приехал в Новую Англию, но и некоторые из тех, кто живет в провинции Квебек, проявляют склонность к отпадению от церкви из-за ее тяжелых и неумолимых налогов.

Франко-канадцы в Квебеке и соседних провинциях были в определенной степени нелояльны к Британской империи во время Великой войны. Под влиянием своих священников они в ряде случаев сопротивлялись призыву, и из-за этого в Квебеке произошло кровопролитие. Как уже говорилось, эти французы не хотели сражаться за Британскую империю, которая гарантировала им исключительные привилегии в отношении языка и религии, а также за Францию, которую они считали своей родиной, но которая теперь воспринималась ими как атеистическая. Не стали бы они воевать и за Бельгию, которая почти так же клерикальна, как и они сами. Короче говоря, их поведение во время мировой войны было презрительным и резко контрастировало с воинственным и действенным патриотизмом более западных провинций Канады.

Онтарио, называемая Верхней Канадой в отличие от франкоязычной Нижней Канады, получила свое первое значительное население из Соединенных Штатов, когда беженцы-лоялисты, включая многих горных шотландцев, в основном из северного и западного Нью-Йорка, поселились там и стали известны как Лоялисты Объединенной империи. Среди этих иммигрантов были пограничные полки, организованные сэром Джоном Джонсоном, включая многочисленных Макдональдов из Гленгарри и Инвернесса, а также Камеронов, Чисхолмов, Фергюсонов, Макинтайров, Расселов и Гамильтонов, которые открыли регион, составляющий нынешние графства Гленгарри, Стормонт и Дандас.

В 1785 году почти весь приход Кнойдарт, Гленгарри, эмигрировал из Шотландии и в полном составе поселился в Верхней Канаде. В 1793 году в Киркхилле поселился контингент из Гленелга. В 1799 году приехало много Камеронов из Лочиэля, а в 1803 году прибыла еще одна делегация Макдональдов, а также еще больше людей из Гленелга и Кинтайла. Таким образом, Онтарио, которая в 1791 году была отделена от (французской) Нижней Канады и получила собственное правительство под названием Верхняя Канада, получила почти такое же право считать себя "Новой Шотландией", как и Приморская провинция с таким же названием.

В конце Американской революции предполагалось, что в Верхней Канаде проживает не более 10 000 человек. К 1811 году в ней насчитывалось 83 000 человек, а к 1817 году - 134 000. Хотя многие ирландцы приехали несколько позже, большинство из них в конечном итоге отправились в Соединенные Штаты.

Помехи британской иммиграции, вызванные наполеоновскими войнами, привели к тому, что Верхняя Канада стала особенно привлекательной для переселенцев из Соединенных Штатов. Отсутствие их симпатий к британскому правительству во время войны 1812 года стало причиной смущения Канады, так же как лояльность группы United Empire, которая предотвратила завоевание Канады Соединенными Штатами, в свою очередь, стала серьезным раздражителем для американского правительства.

Позднее Онтарио заселяли в основном выходцы из Шотландии и северных английских графств, которые были преимущественно пресвитерианами. Здесь было достаточно ольстерских шотландцев, чтобы сделать его активным центром Американской защитной ассоциации сорокалетней давности, и в настоящее время это определенно нордическая территория.

В течение нынешнего столетия она приняла тысячи австрийцев, поляков и итальянцев, которые привнесли расовые элементы, нелегко ассимилируемые.

Манитоба начала заселяться вскоре после войны 1812 года, когда лорд Селкирк основал свою колонию на Красной реке. Шотландские горцы, швейцарцы и другие, которых он поселил там, не процветали, и многие из них в конце концов ушли в Соединенные Штаты, приняв активное участие в образовании Миннесоты. Вокруг этого ядра, однако, постепенно выросло несочетаемое и изолированное поселение, состоящее из трех элементов, не имевших почти ничего общего: шотландцев, франко-канадцев и полукровок. В 1849 году в поселении Ред-Ривер насчитывалось 5391 человек. С установлением парового судоходства на Красной реке и официальным созданием Виннипега (оба события произошли в 1862 году) началось более масштабное развитие.

Временное правительство было создано на этой территории в 1869 году, и время от времени земля выделялась ранним белым поселенцам, полукровкам и Компании Гудзонова залива. После этого провинция медленно росла за счет естественного прироста ее основателей и миграции северных жителей из Онтарио и соседних районов Соединенных Штатов, пока смешанная европейская иммиграция последнего полувека не изменила несколько характер населения. Сейчас эти последние составляют одну треть всего населения.

Доля этих не нордических европейцев из Южной или Центральной Европы в три раза больше, чем европейская иммиграция из Северной или Западной Европы. Если эта иммиграция будет продолжаться в таких же пропорциях, Манитобе, как и другим провинциям прерий, грозит опасность быть потерянной для северян.

В Саскачеване проживает больше уроженцев Америки, чем в Манитобе: каждый восьмой житель впервые увидел свет под американским флагом. Но еще больше в нем недавней европейской иммиграции, составляющей почти 40 процентов всего населения провинции. Почти половина жителей Саскачевана имеют британское происхождение.

В Альберте европейский элемент несколько меньше, а самый большой контингент среди всех провинций - американцы, каждый шестой. Там поселилось много англичан прекрасного типа.

Во всех провинциях прерий франко-канадцы составляют едва ли более одного из двадцати жителей.

Британская Колумбия справедливо гордится своим британским происхождением, и в этом отношении ее превосходят только Приморские провинции. Среди ее европейских иммигрантов (каждый одиннадцатый из всего населения) примерно равное число составляют нордики из Северной или Западной Европы и альпийцы или средиземноморцы из Юго-Восточной и Центральной Европы. Во время мировой войны молодые люди города проявили большую привязанность к родине, и потери от смерти были соответственно велики. Из-за большой удаленности от портов прибытия иммигранты долгое время избегали его. Только в 1907 году он начал получать свою долю. С тех пор она держится на плаву: около половины прибывающих сюда иммигрантов, однако, приезжают из США.

Провинция также имеет свою азиатскую проблему, которая неоднократно становилась причиной недовольства. Одним из главных препятствий для ее более быстрого развития была нехватка рабочей силы, и вполне естественно, что Восток, который мог добраться до Британской Колумбии легче и дешевле, чем Европа или даже атлантические провинции Канады, был призван удовлетворить эту потребность. Вскоре сюда начали прибывать китайцы, пока их не остановил налог на голову в размере 500 долларов. Японцы приехали в значительном количестве, причем не только на рыбные промыслы, но и на поденную работу на строительстве железных дорог. Около 6000 индусов также нашли свой путь сюда. Теперь восточные люди составляют каждый седьмой житель страны. Здесь существует настоящий азиатский вопрос, и белые начинают искать защиты у Соединенных Штатов.

Огромная арктическая территория Канады, Юкон и Северо-Западные территории, могут быть проигнорированы в этой дискуссии из-за отсутствия населения. Тем, кто видит в кишасей комарами тундре "Страны маленьких палочек" с ее многомесячной зимней тьмой будущий густонаселенный район сельскохозяйственной и животноводческой промышленности, суждено долго ждать осуществления своей мечты.

Что касается британского элемента в Канаде, то выше уже неоднократно отмечалось, что эта страна в определенной степени является детищем Соединенных Штатов. Этот вклад сохраняется и по сей день. В 1880-х годах был еще один большой период миграции из Союза в Доминион. В то время из этой страны в Канаду въехало почти в два раза больше людей, чем из Великобритании, и в шесть раз больше, чем с европейского континента.

Не все эти американцы принадлежали к старому коренному населению. Было подсчитано, что не менее половины этого контингента составляли выходцы из Великобритании, а другая половина - представители различных европейских национальностей, которые, освоившись в Новом Свете в Соединенных Штатах, перебрались на канадскую землю. Таким образом, вклад Соединенных Штатов в этот период не был чисто нордическим.

1890-е годы были периодом британской иммиграции. Но с началом века Канада начала принимать участие в большом притоке различных народов, которые уже заполнили берега Соединенных Штатов. За первые двенадцать лет двадцатого века Канада приняла 2 000 000 человек, из которых 800 000 были британцами. Около 700 000 человек прибыли из Соединенных Штатов, но более трети из них, по расчетам, были континентальными переселенцами, которые просто проезжали через Соединенные Штаты для удобства. В 1901 году в Канаде проживало около 650 000 человек "иностранного происхождения", то есть не британского и не французского. В 1921 году их было более чем в два раза больше. С начала века Канада приобрела более 100 000 евреев.

После мировой войны начал действовать Закон о заселении империи, заметно сокративший долю иммигрантов из США в Канаду, а с 1900 года в статистике иммиграции большое место стала занимать Ирландия.

С другой стороны, в 1930 году в Соединенных Штатах проживало более 1 200 000 уроженцев Канады, как британского, так и французского происхождения, а за предыдущие восемь лет 300 000 вернулись в Канаду.

Таким образом, в результате демографических изменений последнего поколения не только западные провинции оказались в неравновесном состоянии, но и стабильность всего доминиона оказалась под угрозой. Канада, как и Соединенные Штаты, взяла на себя большую ответственность, приняв сотни тысяч не-нордиков, которых будет трудно ассимилировать, даже если предположить, что они станут ценными после ассимиляции, а это далеко не всегда так. С другой стороны, одним из преимуществ Канады является ничтожно малая доля негров, и она вполне может возвести барьеры против них уже сейчас, как это уже было сделано против азиатов.

С ее огромной территорией и более чем 10 000 000 жителей Канаду все еще можно отнести к северным странам, хотя, если демографические тенденции, начавшиеся в этом веке, сохранятся, баланс быстро изменится. В то время как Соединенные Штаты дали наибольшее количество иностранцев, Россия занимает второе место по числу иммигрантов, причем Саскачеван принял их больше, чем любая другая провинция. Онтарио, Квебек и Манитоба получили примерно равное количество, в каждом случае на треть меньше, чем досталось Саскачевану. Уроженцы Австрии, занимающие третье место в списке, сосредоточены в двух провинциях - Манитобе и Саскачеване - примерно в равных количествах, причем в каждой из этих провинций почти вдвое больше уроженцев Австрии, чем в Альберте или Онтарио. Китайцы занимают четвертое место по численности среди иностранцев, родившихся в Доминионе, но большинство из них сосредоточено в Британской Колумбии. В Онтарио почти столько же итальянцев, сколько во всей остальной Канаде, вместе взятой, а также больше всего поляков.

Из-за большого количества франко-канадцев Римско-католическая церковь в пропорциональном отношении вдвое сильнее, чем в Соединенных Штатах.

По данным переписи 1921 года, население страны выглядит следующим образом:

	ПЕРЦЕНТ
Британское происхождение	55.40
Французское	27.91
Другие европейцы	14.16
Индийцы	1.26
Азиатские	.75

При таком подсчете иммигранты из США распределяются в соответствии с их расовой принадлежностью; таким образом, основная часть будет отнесена к британцам, меньшая часть - к "другим европейцам" и так далее.

Из вышесказанного следует, что Канада в настоящее время менее чем на 60 процентов состоит из нордического населения - возможно, менее нордического, чем Соединенные Штаты.

Канада была большим препятствием для распространения американских иммиграционных квот на страны Западного полушария. Большинство ее жителей - наши соотечественники, многие из которых уже внесли в наше население ценные элементы. Другим мы будем очень рады, если они захотят приехать.

Наша страна не желает вводить ни малейших ограничений на канадскую иммиграцию, применяя квоту; и было решено, что применять квоту к странам к югу от нас, а не к тем, что к северу, будет нечестно и дискриминационно. В ближайшем будущем придется решительно решать эту проблему. Одно из предложенных решений - принимать из Канады только тех, чей родной язык - английский.

ССЫЛКИ:

[15] Acadie на языке микмаков означает "место". Патетическая поэма Генри Уодсворта Лонгфелло "Евангелина" воплощает антианглийские настроения начала девятнадцатого века в Новой Англии и во многом основана на ошибке в написании, из-за которой из индейского слова "Аркадия" получилось "Arcadia". Изгнание французов в 1758 году было осуществлено бostonцами под командованием полковника Джона Уинслоу и было оправдано отказом французов лояльно принять правление англичан.

XVII

НАШИ СОСЕДИ НА ЮГЕ

В отличие от Канады на нашем севере, страны к югу от Рио-Гранде сравнительно мало подверглись влиянию нордической культуры, не говоря уже о том, что они не были похожи на нордическое завоевание. Территории Мексики, присоединенные к Соединенным Штатам, были почти пустыми землями, и нынешнее мексиканское влияние на Юго-Западе - дело более позднего времени.

Латинская Америка - один из основных разделов мира, и с нынешней точки зрения ее следует рассматривать как единое целое не больше, чем Европу или Азию. Ее первоначальное население представляет собой одно из великих расовых разделений человечества. Двадцать различных наций, населяющих ее, сегодня говорят на нескольких языках и включают в себя представителей всех основных рас обоих полушарий.

Такое единство, которым обладает эта территория, обусловлено латинским и римско-католическим аспектом ее культуры, в отличие от протестантской, англо-саксонской культуры Америки к северу от мексиканской границы. Латинская цивилизация изначально была испанской (в Бразилии - португальской), но с эпохи революций, сбросивших испанское иго, испанское влияние становилось все более и более незначительным, и на местном уровне было несколько вытеснено французским и, в небольшой степени, итальянским влиянием.

Латинская Америка никогда не была колонизирована в том смысле, в каком была колонизирована Северная Америка. Английские поселенцы с семьями приезжали в Новый Свет, чтобы основать свои дома, но ранняя история Латинской Америки представляла собой серию грабительских и прозелитских экспедиций, а те из искателей приключений, которые оставались, как правило, были людьми без семей, не желавшими оставаться ни на день дольше, чем было необходимо, чтобы нажить состояние и вернуться в Европу. Добавьте к ним военных, прибывших по принуждению, миссионеров, администраторов и концессионеров всех видов, и вы получите основную массу ранней европейской иммиграции.

В этих условиях число женщин, приехавших вместе с мужьями, естественно, было невелико, и большинство европейцев брали себе индейских жен, часто по несколько, закладывая тем самым основу для полукровок, существующих в наши дни. В Парагвае, например, говорят, что у некоторых колониальных правителей было по пятьдесят или сто наложниц-туземок. Если каждый потомок этих браков носит испанскую фамилию, но в течение десяти или пятнадцати поколений после этого вступал в браки преимущественно с индейцами, легко понять, что современные семьи могут носить фамилии идалго, генетических признаков которых у них практически нет.

Число европейских иммигрантов никогда не было большим. В XVI веке, в период активной эксплуатации, весь поток переселенцев из Испании в Америку составлял, как полагают, всего 1000 или 1500 человек в год. Из-за высокой смертности и стремления как можно скорее вернуться обратно у испанцев не было возможности заложить основы цивилизации, построенной на базе своей расы.

К 1553 году подкидыши-полукровки исчислялись тысячами в Испанской Америке, и вице-король Мендоса был вынужден учредить для них школу для сирот. Даже в конце XVIII века, когда Гумбольдт посетил Мехико, он заметил, что среди испанцев европейского происхождения не было и десятой части женщин. В провинциальных городах и на границах доля женщин, несомненно, была еще меньше.

Насколько нынешнее население восходит к ранним дням испанского владычества, можно сказать, что оно испанское по имени и индейское по крови. Семьи, которые во многих странах Испанской Америки имеют социальный престиж благодаря происхождению от завоевателей и правителей колониального периода, должны, таким образом, придавать все значение фамилии и почти не учитывать другие линии происхождения, которые вошли в состав их нынешнего поколения.

Почти в каждой из испано-американских республик следует сделать почетное исключение для небольшой группы белых, которая последовательно сохраняет свою расовую целостность и отстаивает разумные идеалы расового прогресса в самых сложных условиях. Во многих странах также есть группы дальновидных интеллектуалов, которые работают над принятием мудрой иммиграционной политики, представляют разумные и конструктивные меры евгенической реформы и стремятся пробудить в своих соотечественниках понимание того, что капитал нации, в конечном счете, является биологическим, и что постоянный и удовлетворительный прогресс возможен только для народа со здоровой семейной жизнью.

Во многих странах Латинской Америки белые или те, кто выдает себя за них (поскольку в большинстве случаев в них присутствует большая доля индейской крови), образуют олигархию или правящую касту, занимающую высшие позиции в политическом и церковном мире. Они также составляют землевладельческий и профессиональный классы, в то время как торговля и промышленность в значительной степени находятся в руках иностранцев или их потомков. Во многих случаях эти иностранные иммигранты вступают в брак с лучшими туземными семьями, и таким образом их дети становятся частью правящей касты.

Мексика. Ограничение европейской иммиграции в Соединенные Штаты по квоте национального происхождения, отрезавшее основной источник неквалифицированной рабочей силы, имело неожиданный и нежелательный эффект, поощряя иммиграцию из соседних стран Западного полушария, на которые квота не распространялась, и особенно из Мексики. Промышленные предприятия, привыкшие полагаться на дешевых, невежественных

и послушных работников из стран Средиземноморья или Альп, обратились к неграмотным индейцам на юге как к готовой замене. Поток приезжих через границу, скорее нелегальных, чем легальных, вскоре привел в США более миллиона мексиканцев. Только неожиданная депрессия, начавшаяся в 1929 году, остановила этот поток и, по-видимому, помешала Мексике мирно, путем вторжения иммигрантов, вновь завоевать территорию, которую она потеряла по решению войны в 1848 году.

Поскольку шестнадцать миллионов жителей Мексики являются ближайшей крупной группой населения, способной поставлять иммигрантов в Соединенные Штаты и готовой это делать, изучение их состава имеет первостепенное значение в настоящее время. К моменту испанского завоевания Мексика пережила взлет и падение нескольких относительно высоких туземных цивилизаций, и цивилизация ацтеков, уничтоженная испанцами, имела много примечательных черт. Сочетание жестокости и благочестия, преобладавшее в завоевателях, привело к уничтожению, насколько это было возможно, всех характерных черт туземной культуры. После этого испанцы стали безжалостно эксплуатировать страну, но испанская цивилизация, какой бы она ни была, не смогла утвердиться на этой чужой земле. История последних четырех столетий - это история постепенного поглощения индийским элементом иностранцев. Это касается как расы, так и культуры.

МЕКСИКА ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА И ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ

Многочисленное туземное население, обнаруженное здесь испанцами, быстро сократилось в численности. Один испанский священник перечисляет десять случаев чумы, которая уничтожила народ в его время, то есть в течение первой четверти века после завоевания. Сначала оспа, завезенная негром на одном из кораблей Нарваэса. Говорят, что она уничтожила более половины населения во многих провинциях. Другие: резня при взятии Мехико, голод, вызванный повсеместными войнами, злоупотребления надсмотрщиков над городами, отданными в вассальную зависимость, тяжелая дань, огромные злоупотребления в связи с рудниками, восстановление Мехико с помощью принудительного труда, торговля клейменными рабами, злоупотребления при перевозках, когда индейцы служили ношами, и междоусобная война среди самих испанцев, в которой индейцы несли основную тяжесть борьбы. К этому следует добавить и другие инфекционные заболевания, завезенные испанцами, такие как туберкулез и сифилис, к которым аборигены не имели ни малейшего иммунитета или сопротивления, благодаря предыдущему расовому опыту.

В таких условиях коренное население полушария, вероятно, сократилось на 50-75 процентов за несколько поколений, а в Вест-Индии оно было истреблено. С тех пор оно неуклонно восстанавливает свои позиции на материке, но не на островах, на многих из которых его заменили негры.

Число испанцев, прибывших в Мексику в то или иное время, оценивается в 300 000 человек. Многие из них, конечно, не остались в стране, и лишь немногие привезли свои семьи. В условиях, существовавших в Мексике и других захваченных территориях, было общепризнано, что ситуация не подходит для белой женщины. Хотя испанское правительство поощряло мужчин вывозить своих жен из Испании, мало кто из них заботился об этом, и, вероятно, большинство мужчин, прибывавших в колонии, были неженаты. Испания ставила непреодолимые трудности на пути незамужних женщин, желавших эмигрировать, так что испанок на протяжении всей истории Мексики было мало. Поэтому население страны состоит из потомства индейцев и нескольких испанских мужчин, спарившихся с индианками. Большая часть мексиканского населения - это чистые или почти чистые индейцы. Существует значительный гибридный элемент, который в большинстве своем является говорящим, и ничтожно малый элемент, который можно считать белым в строгом смысле этого слова.

Мексиканская статистика обычно относит к белым около 10 процентов населения. Но в большинстве из них много индейской крови, и недавние исследователи сомневаются, что 3 процента из них правильно называть белыми. Большая часть этого истинно белого элемента находится в Мехико, хотя в различных штатах есть свои местные и уважаемые белые аристократии, из которых та, что в Юкатане, отличается поддержанием высоких стандартов расовой целостности.

Мексиканская революция, начавшаяся в 1810 году, вытеснила заморских испанцев и заменила их эксплуатацию местными гибридными группами. С тех пор общая тенденция была направлена на установление контроля над индейцами. Последний период революции, начавшийся в 1910 году и, можно сказать, все еще продолжающийся, был отмечен попытками отобрать у гибридной олигархии огромные земельные владения, которые она получила, и раздать их индейцам. Хотя эта задача столкнулась со многими трудностями и была реализована лишь в незначительной степени, она, по крайней мере, была заявленной целью большинства революционеров в последние два-три десятилетия.

В последние годы североамериканские писатели прославляли мексиканского индейца и его культуру. Несомненно, мексиканский индеец хорошо приспособлен к своей среде, и его традиционные привычки вполне ему соответствуют. Однако это не означает, что они могут внести какой-то важный вклад в развитие Соединенных Штатов, который был бы реализован массовой миграцией сельскохозяйственных и промышленных крепостных на север. Напротив, мексиканская иммиграция в Соединенные Штаты, состоящая в подавляющем большинстве из более бедного индейского элемента, не принесла ничего, кроме недостатков. Она создала, особенно в юго-западных штатах, эксплуатируемый крестьянский класс, несовместимый с принципами американской цивилизации. Это население, ни физически, ни умственно не соответствующее преобладающим стандартам, вносит большой вклад в будущую американскую расу, поскольку каждый из его многочисленных детей, родившихся в Штатах, становится американским гражданином по рождению.

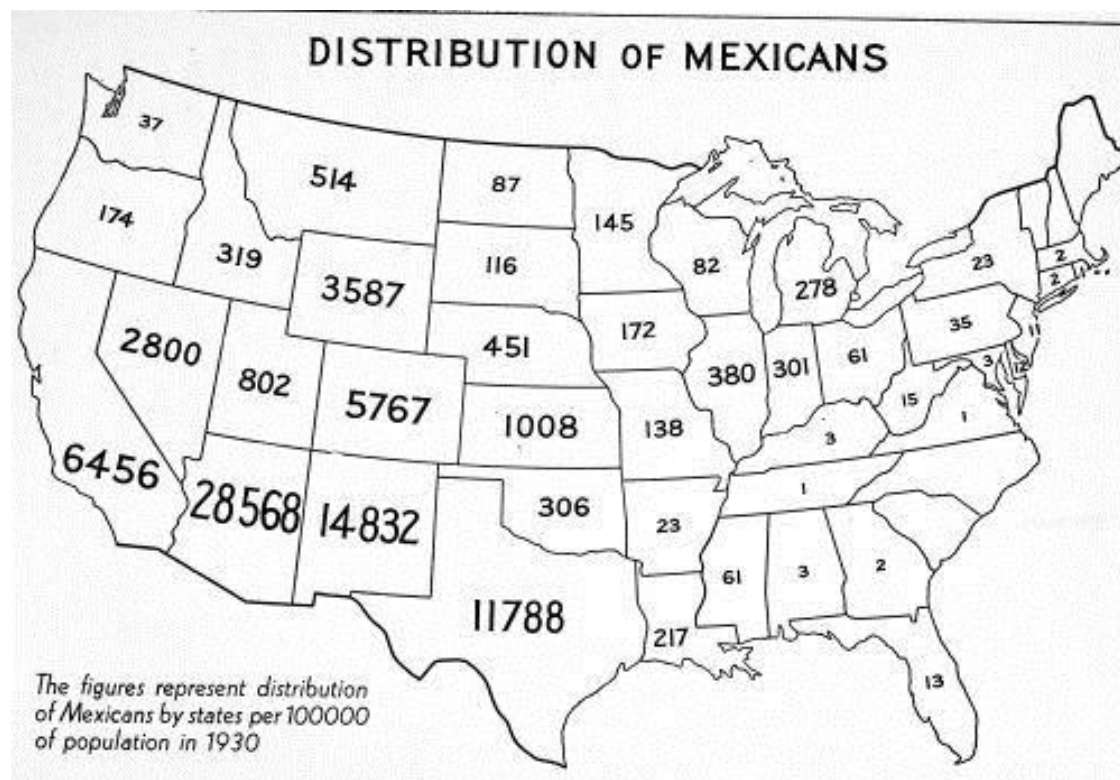
Тесты, проведенные в школах южной Калифорнии, в которых языковой барьер был максимально снижен, показали, что средний мексиканский ребенок был примерно

настолько же ниже среднего негритянского ребенка по абстрактному интеллекту, насколько средний негритянский ребенок был ниже среднего белого ребенка.

В физическом плане эта раса отличается низкой устойчивостью к туберкулезу, который за последние четыре столетия истребил столь значительную часть коренного населения Западного полушария. Новый Свет не был подвержен туберкулезу и поэтому представлял собой благодатное поле для развития микробов этой болезни. Население Старого Света на протяжении многих веков подвергалось опустошительному воздействию этой болезни, и в каждом поколении малоустойчивые особи уничтожались, так что в результате естественного отбора постепенно формировался более иммунный контингент.

Исследования, проведенные в юго-западных штатах, показывают, что средняя мексиканская семья как минимум вдвое меньше средней белой семьи. Таким образом, есть все основания ожидать, что без резкого ограничения такой иммиграции Юго-Запад будет становиться все более и более мексиканизированным.

К 1928 году в округе Лос-Анджелес проживало более четверти миллиона мексиканцев, а город Лос-Анджелес имел самое большое мексиканское население среди всех городов мира, за исключением Мехико. Целые отрасли промышленности и целые сельскохозяйственные районы стали считать себя в значительной степени зависимыми от мексиканской рабочей силы, в то время как миллионы американских граждан были безработными во всех штатах Союза. Зависимость сельского хозяйства юго-западных штатов от дешевой мексиканской рабочей силы, в основном миграционного характера, особенно пагубна с расовой точки зрения, поскольку поддержание американской цивилизации во многом зависит от сохранения здорового и процветающего фермерского населения.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕКСИКАНЦЕВ

Цифры отражают распределение мексиканцев по штатам на 100000 населения в 1930 году.

Распределение мексиканцев по штатам. За исключением пограничных штатов, мексиканцы в основном сосредоточены в крупных городских центрах.

Почти все мексиканцы, приехавшие в Соединенные Штаты, стремились улучшить свое экономическое положение и избежать убийств и грабежей, которые происходили в их стране в течение нескольких лет под видом революции. Большинство из них намеревались вернуться домой, как только условия станут более удовлетворительными, но поскольку условия из года в год не улучшались, мексиканское население, как правило, становилось постоянным. В то же время мало кто из мексиканцев стал американским гражданином, и в каждой общине, где они селились расовыми группами, были неудовлетворительные стандарты образования и санитарии.

Большинство мексиканцев приезжают с семьями, тем самым заметно отличаясь от некоторых других иностранных групп, таких как болгары, греки, испанцы и филиппинцы, которые состоят в основном из неженатых мужчин. Последние либо возвращаются на родину, заработав денег, либо вступают в браки с другими группами иммигрантов. Мексиканская община, напротив, сохраняется и увеличивается без особых браков с остальным населением.

После депрессии, начавшейся в 1929 году, произошла репатриация части мексиканской иммиграции, размер которой неизвестен, но, несомненно, значителен. Отсутствие работы заставило многих вернуться домой, где они могли жить более экономно и быть среди друзей, и в то же время американские власти начали предлагать бесплатный транспорт обратно в Мексику для тех, кто зависел от общественной благотворительности и хотел уехать. Таким образом, эшелон за эшелон возвращались обратно, и в то же время ужесточение иммиграционных ограничений и процедур на границе сократило поток иммигрантов почти до нуля.

Хотя перепись 1930 года насчитала в США около полутора миллионов мексиканцев, вполне вероятно, что с тех пор их число уменьшилось, и крайне важно не допустить, чтобы оно увеличилось. Мексиканский индеец не обладает расовыми качествами, которые необходимы населению Соединенных Штатов, а если он и может внести какой-то культурный вклад, то не за счет иммиграции сотен тысяч неграмотных и нищих рабочих.

Гватемала. Более половины населения Гватемалы по-прежнему составляют чистокровные индейцы, а класс полукровок, играющий столь важную роль в Мексике и других странах, здесь относительно менее заметен. Незначительное белое население состоит частично из потомков старых испанских семей и частично из более поздних иммигрантов, особенно немцев.

Доля тевтонских фамилий среди правителей Гватемалы в течение последнего поколения неуклонно растет. Гватемала с двухмиллионным населением является самой мощной из центральноамериканских стран, но индейцы, как правило, не более чем подвластная раса, эксплуатируемая другими, и поэтому общий прогресс страны в некотором роде медленный.

Гондурас частично страдает от своего тропического положения, но еще больше - от смешения рас и большого количества негритянской крови в населении низменностей. В отличие от Гватемалы, индейский элемент здесь незначителен, а население составляют негры и полукровки, или немного каждого из них. Республика с ее 600-тысячным

населением, в основном беспородным, на протяжении почти всей своей истории была отсталым членом центральноамериканской группы. Британский Гондурас - малозначительная территория с теми же характеристиками. Так называемые карибы на побережье теперь едва ли отличимы от чистокровных негров.

Сальвадор. Будучи меньше штата Нью-Джерси, Сальвадор имеет несоизмеримое с его размерами значение из-за плотного населения и большого количества обрабатываемых земель, а также меньшего количества негритянской смеси, чем в прилегающих республиках. Его население оценивается в полтора миллиона человек (такая вещь, как настоящая перепись, почти неизвестна в латиноамериканских странах), люди в основном смешанной крови с преобладанием индейцев, но число чистокровных индейцев невелико по сравнению с Гватемалой.

Никарагуа - синоним беспокойства в сознании американцев - также имеет весьма смешанное население. Индейцы не остались отдельной группой, как в Гватемале, и не были в значительной степени истреблены, как в Коста-Рике. Они были поглощены полукровками, численностью более 600 000 человек, которые также имеют в низменных районах большую примесь негров.

Высшие классы более или менее отдаленного европейского происхождения сохранили полуфеодальное политическое господство, которое пагубно сказалось на благосостоянии страны, и сомнительно, что влияние янки, которое в течение последнего поколения было сильнее в Никарагуа, чем в любом из других латиноамериканских государств, кроме Панамы, было особенно полезным.

Коста-Рика всегда гордилась тем, что является самой белой из центральноамериканских республик, и история ее относительного мира и процветания отражает этот факт. За исключением индейцев и негров, проживающих на низменностях, население, насчитывающее около 500 000 человек, сосредоточено в красивом и здоровом внутреннем регионе. Индейцы страны были изгнаны или уничтожены в ранние времена, поэтому поселенцы Коста-Рики не могли жить как паразиты, эксплуатирующие крепостных, как это делали высшие классы в некоторых других странах Центральной Америки, а были вынуждены поселиться на земле и зарабатывать себе на жизнь собственным трудом. И хотя в колониальные времена их положение считалось плачевным, в долгосрочной перспективе результат оказался весьма благоприятным, так как дал стране почти истинное население, готовое внести свой вклад в прогресс и благосостояние страны.

Предполагается, что большая часть испанской крови в Коста-Рике - галисийская, а значит, со значительным нордическим вкраплением. Гальего, как называют уроженцев этой части Пиренейского полуострова, - один из самых законопослушных и трудолюбивых из многочисленных народов, составляющих Испанскую Республику, и их потомки в Коста-Рике достойно отражают свое происхождение. В большинстве других латиноамериканских стран испанский элемент, как предполагается, в значительной степени происходит из Андалусии и, следовательно, совершенно иной по составу, с заметным мавританским элементом.

Панама с ее гибридным полумиллионным населением, состоящим в основном из негров, не имеет большого значения в картине Латинской Америки. Североамериканское влияние преобразило ее экономически, но не может превратить дворняг в здоровое и энергичное поголовье.

В Колумбии в жарких низинах много негров, но основную часть шестимиллионного населения составляют индейцы с небольшим вкраплением европейской крови. Высший класс Колумбии представляет собой результат географической изоляции, поскольку до недавнего времени этот регион был недоступен; в силу своего рода интеллектуального инбридинга он долгое время был наиболее консервативным и наименее затронутым иностранным влиянием из всех латиноамериканских "аристократий". Колумбийцы из высшего класса гордятся чистотой своей испанской крови и до сих пор в значительной степени живут воспоминаниями о древнем колониальном периоде. В Боготе сильны антинегритянские настроения в обществе. Изоляция полукровок в Колумбии привела к формированию новой расовой группы, более близкой к тому, что можно встретить в других странах Латинской Америки.

Венесуэла, несмотря на почти трехмиллионное население, - страна малозначительная, в основном гибридная, с обширными негритянскими инфильтрациями. Как и во многих других латиноамериканских странах, число белых официально составляет около 10 процентов, но, как и в большинстве подобных случаев, сомнительно, что один житель из пятидесяти может быть правильно назван белым человеком, разве что по вежливости.

Гвиана. Три Гвианы - Британская, Французская и Голландская - представляют собой одну из наименее привлекательных частей Южной Америки практически во всех отношениях.

В Британской Гвиане проживает 300 000 человек, из которых треть - негры, еще треть - восточные люди, в основном индусы, а остальная часть в основном состоит из скрещивания этих двух элементов, нескольких тысяч коренных индейцев и горстки белых.

Население Голландской Гвианы составляет менее ста тысяч человек, в основном это восточные люди, завезенные для работы в качестве кули и включающие индусов, яванцев и китайцев. Есть много негров и несколько тысяч белых.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Французская Гвиана отличается от голландского поселения главным образом тем, что ее население не превышает 30 000 человек, среди которых много каторжников или бывших заключенных, так как это уже давно французское пенитенциарное поселение.

Бразилия, территория которой превышает площадь континентальных Соединенных Штатов, отличается от своих соседей по многим показателям, кроме того, что ее заселили португальцы, а не испанцы, и поэтому ее язык и культура являются португальскими, а не испанскими.

Индийское население было истреблено или вытеснено на запад первыми поселенцами, как и в Соединенных Штатах, так что сейчас оно в основном обитает в непроходимых и почти

незаселенных лесах бассейна Амазонки, где, возможно, еще сохранилось несколько миллионов аборигенов.

Для обеспечения рабочей силой португальцы импортировали рабов из Африки, а затем слились с ними, создав современное преимущественно негритянское население. Таким образом, португальцы повторили опыт родной страны. По оценкам, во время великих лет португальской разведки и колонизации в XV, XVI и XVII веках миллион португальцев, в основном молодых мужчин, отправились в тропики и по большей части не вернулись. На их место были завезены негры, которые выполняли работу по благоустройству страны. В результате смешанных браков этих негров со старым населением в Португалии оказалось больше негритянской крови, чем в любой другой европейской стране, что значительно ухудшило ее способность вносить вклад в прогресс цивилизации. Таким образом, Португалия, которая, когда в ней доминировали нордики, во многом подавала пример прогресса, теперь вносит относительно небольшой вклад в этот прогресс, и только возрождение разумной расовой гордости и применение разумной программы евгеники позволит ей вновь занять лидирующие позиции.

История повторилась в Бразилии. Спасением Бразилии стало прибытие в страну в течение последнего столетия европейских иммигрантов. Тысячи немцев хлынули в горные районы южных штатов, где в настоящее время в крупных регионах наблюдается почти тевтонская цивилизация. Если бы ложная интерпретация доктрины Монро не помешала этому процессу, результаты для Южной Америки могли бы быть самыми благоприятными.

Но основные потоки иммиграции шли из латинских стран Старого Света. За последнее столетие Бразилия приняла более четырех миллионов иностранцев, из которых полтора миллиона были итальянцами, миллион с четвертью - португальцами и полмиллиона - испанцами. Таким образом, более трех четвертей иммигрантов были выходцами из латинских стран, и лишь около четверти миллиона - из Германии и Австрии. После мировой войны эта подавляющая миграция из латинских стран замедлилась. Немецкая миграция, напротив, увеличилась.

Таким образом, Бразилия состоит из двух различных областей: относительно небольшой, плодородной и здоровой высокогорной области на юге, где основная деятельность страны осуществляется в основном под влиянием средиземноморских и альпийских иммигрантов; и огромной тропической области, отданной в основном негритянскому и мулатскому элементу и индейцам.

С населением около 30 000 000 человек Бразилия является не только самой большой из южноамериканских республик, но и почти такой же большой, как все остальные, вместе взятые.

Будущее Бразилии во многом зависит от характера ее иммиграционной политики в ближайшие поколение-два и от принятия действенной программы евгеники. К счастью, ни одна южноамериканская страна не взялась за такую политику с большим интересом, чем эта великая республика. В ней все еще есть аристократия, сохранившая свою расовую чистоту, но это, вероятно, слишком малое ядро, чтобы возродить все политическое тело.

Уругвай. Пересекая границу между Бразилией и Уругваем, можно увидеть новую картину. Уругвай почти полностью состоит из белых. Действительно, весь этот регион Ла-Платы - одна из будущих доминирующих областей Нового Света. В нем меньше негритянской крови, чем,

относительно, в Соединенных Штатах. Негры не только в основном не допускаются, но и остатки индейских племен стали незаметными, как на равнинах долины Миссисипи, где индейцы, простые кочевники с ничтожной культурой, были вытеснены маршем цивилизации. Часто отмечают поразительную параллель между заселением этого региона и западных штатов Северной Америки. Каждый из них был страной овец и скота, а затем фермеры заняли землю и превратили ее в регион процветания и больших возможностей.

В Уругвае проживает космополитическое население почти полностью европейского происхождения. После мировой войны он привлек не только значительную часть испанской эмиграции, но и большое количество итальянцев, французов, немцев и других. Ранее иммигранты были в основном северными итальянцами, преимущественно альпийской крови с небольшим вкраплением нордической. В настоящее время общая численность населения страны составляет более полутора миллионов человек.

Разумный выбор иммигрантов в дальнейшем еще больше увеличит влияние этой маленькой республики и послужит хорошим примером для всей Южной Америки.

Аргентина представляет собой один из ярких примеров государства, быстро возросшего за счет иностранной иммиграции. Почти 85 процентов ее населения - иностранцы или потомки недавних иммигрантов, причем самую большую группу составляют итальянцы. Кроме того, Аргентинская Республика привлекла энергичное население Северной Италии, которое в расовом отношении является в основном альпийским, но все же имеет нордический элемент, и составляет разительный контраст с населением южноитальянских и сицилийских иммигрантов, заполнивших трущобы североамериканских городов. Северные итальянцы больше похожи на швейцарцев и южных немцев, чем на южных итальянцев.

Небелые составляют не более 5 процентов населения. При общей численности населения около 10 000 000 человек Аргентинская Республика уступает по размерам в Южной Америке только Бразилии, а во всех отношениях, кроме размера, она легко занимает первое место.

Расовый состав этой необычной нации с ее ультрасовременной цивилизацией и атмосферой наживы заслуживает более подробного рассмотрения, чем можно дать здесь. Англичане, хотя и не самые многочисленные, заняли первое место в ее финансовом мире. Французские иммигранты, хотя их и меньше, стали очень важным фактором в прогрессе цивилизации. Сто тысяч немцев обосновались в стране и составляют костяк многих регионов.

После войны Аргентина стала одним из главных пунктов назначения для граждан бывших центральных империй, уезжающих за границу. Дух цивилизации привлек многих евреев. Более 160 000 иммигрантов за последние два поколения приписывают России и почти столько же - Турции. Последние, однако, были турками лишь поневоле, а на самом деле это были сирийцы-христиане из Ливана, которые настолько прочно вошли в розничную торговлю страны, что в просторечии небольшой продуктовый магазин называется "Турко".

Все эти элементы вместе взятые не могут сравниться по значимости с испанскими и итальянскими. Но в последние годы возникли новые течения, которые, если они сохранятся, глубоко изменят характер страны за счет притока большого количества славян, особенно поляков, югославов, чехословаков и литовцев, вместе со славянским элементом среди немцев. До мировой войны иммиграция в Аргентину из латинских стран составляла примерно семь восьмых, но с тех пор они составляют лишь две трети.

Таким образом, Аргентина представляет собой белое население, в основном альпийское и средиземноморское, со значительным нордическим элементом. Сомнительно, что она выиграет, если позволит альпийцам увеличиться, особенно если это приведет к появлению других типов культуры и традиций. Аргентина вполне могла бы извлечь пользу из ошибок Соединенных Штатов и немедленно направить свою иммиграционную политику по разумным логическим и конструктивным линиям.

Чили, в отличие от индо-испанских стран, расположенных к югу от США, также является страной белого человека. Чистокровные индейцы представляют собой исчезающее меньшинство. Испанский и доминирующий элемент в основном состоит из басков, но к ним добавились британцы, чье влияние важно в торговле и промышленности, и немцы, которые доминируют в армии и образовании, а также являются важным фактором в сельском хозяйстве. Таким образом, Чили с четырехмиллионным населением является наименее латинской страной из всех, расположенных к югу от Соединенных Штатов. Прогрессивность и процветание этого региона давно привлекают внимание каждого путешественника.

Боливия - еще одна из стран с преобладанием индейцев, которые не внесли большого вклада в развитие мира. Число белых здесь ничтожно мало. Иммиграция никогда не имела большого значения, и боливийцы развили в себе провинциальное высокомерие и враждебность к иностранцам, которые наносят ущерб их собственным интересам и являются необоснованными. Лишь пятая часть населения говорит по-испански в повседневной жизни, две трети - примитивные индейцы, остальные - гибриды разной степени.

Парагвай - это индейская республика, которая не только избежала негритянского влияния, распространенного в других странах, но и почти избежала вливания белой крови. Здесь почти нет чистых белых. Индейцы гуарани в этом регионе не были высокоцивилизованными, как майя и инки, и поэтому переняли испанскую культуру вместо того, чтобы сохранить свою собственную. Было бы крайне интересно посмотреть, во что может вылиться индейская республика в XIX и XX веках. К сожалению, ходу эксперимента помешала одна из самых кровопролитных войн в истории (1864-69), в которой Парагвай вел борьбу с Бразилией и Аргентиной, пока не была уничтожена большая часть его мужского населения. В начале войны население Парагвая официально составляло 1 337 437 человек. Даже если эти данные были чрезвычайно неточными и преувеличенными, последующие цифры были не менее значительными, так как при подсчете после окончания военных действий потери страны составили более миллиона человек. Точнее, население было возвращено как 221 709 человек, из которых 86 079 детей, 106 254 женщины и только 28 746 мужчин. Ничего подобного не было зафиксировано ни в одном крупном населенном пункте. Целые полки состояли из мальчиков младше шестнадцати лет. За более чем полвека, прошедшие с тех пор, страна так и не начала восстанавливаться. Даже сейчас ее население составляет менее миллиона человек. Иммигранты из Европы всегда избегали ее. Парагвай стоит в одном ряду с другими странами.

Четыре-пять миллионов жителей Перу - это в основном чистокровные индейцы, а остальные - почти все гибриды. Китайцы и японцы, а также негры внесли свой вклад в монгрелизацию

массы, и ни один из десяти даже не претендует на звание белого, что здесь, как и в других частях Латинской Америки, ни в коем случае не гарантирует ничего большего, чем гомеопатическая доза европейской крови.

Цивилизация аборигенов часто описывается как необычайно высокая, но, по-видимому, она была делом рук народов, которые надолго опередили испанцев; да и сами завоеватели, очевидно, считали перуанских индейцев менее умными, чем те, с которыми они столкнулись в Мексике. Численность индейцев уменьшилась в период раннего испанского правления, пока некоторые районы почти не обезлюдели, и особенно потеря вождей была невосполнимой. Независимо от того, являются ли нынешние жители потомками инков или нет, они не смогли создать сильное и прогрессивное государство.

Эквадор - изолированный и малозначимый регион, населенный в основном отсталыми индейскими племенами. Вероятно, не менее двух третей из 2 000 000 населения составляют чистокровные индейцы. Горстка белых и несколько сотен тысяч гибридов управляют страной. Негритянский элемент, никогда не бывший большим, постепенно поглощается и накладывает свой отпечаток на все население.

Вест-Индия имеет большее значение для иммиграционной политики Соединенных Штатов, чем можно было бы предположить, исходя из ее размеров, из-за непосредственной близости к американским портам въезда.

Куба всегда принимала иммигрантов преимущественно из Испании, и импортируемый негритянский элемент, составляющий около 800 000 человек из трех миллионов населения острова, не увеличивается в своем значении. Остров считается менее белым, чем Пуэрто-Рико, но более четверти миллиона жителей имеют испанское происхождение, и они составляют почти три четверти всех иностранцев.

Как и во многих других латиноамериканских странах, китайцы прочно закрепились на острове, начав свое существование почти столетие назад, и вступают в смешанные браки с белыми.

Куба не является желательным или необходимым источником иммиграции в Соединенные Штаты, и на нее должна быть установлена соответствующая квота.

Население Пуэрто-Рико составляет около полутора миллионов человек. Тот факт, что это плотное население не может заработать на жизнь в нынешних и отсталых условиях на острове и постоянно использует свое право на въезд в Соединенные Штаты, является одной из самых серьезных особенностей нынешней иммиграционной политики.

Негры и мулаты составляют большинство населения, но относительно теряют позиции - отчасти из-за высокой смертности, отчасти из-за поглощения массой. Индийское население вымирает. Иммиграция из-за рубежа в течение долгого времени была незначительной.

Поскольку остров является территорией, его жители являются гражданами Соединенных Штатов и не могут быть лишены возможности свободно въезжать на материк. Одно время

количество пуэрториканцев в Нью-Йорке оценивалось в 100 000 человек. При благоприятных экономических условиях ничто не мешает полумиллиону из них мигрировать на континент и добавить свои черты в переполненный "плавильный котел".

Теперь ясно, что после войны с Испанией Соединенные Штаты совершили большую ошибку, захватив территории, которые уже были заселены пришельцами. Ранее приобретенная территория была в основном пустой и пригодной для заселения старым населением. То, что было сделано, нелегко исправить, но это, по крайней мере, может послужить наглядным уроком против любых дальнейших приобретений населенных территорий в будущем. Тем временем в Пуэрто-Рико зарождается движение за независимость, которое, возможно, следует поощрять, чтобы дать Соединенным Штатам защиту от их собственной глупости.

Виргинские острова, которые Соединенные Штаты купили у Дании в 1917 году, имеют, как и другие вест-индские острова, население почти исключительно негритянское или мулатское.

Британские Вест-Индии в подавляющем большинстве черные, хотя на многих из них, таких как Нью-Провиденс, Барбадос, Бермудские и Багамские острова, проживает значительная английская аристократия, которая ревностно охраняет свое расовое наследие. Эти британские острова, особенно Ямайка и Барбадос (последний - одно из самых густонаселенных мест во всем мире), стали благодатными источниками эмиграции чернокожих на другие острова и на материк.

Гаити - чисто негритянская республика, которая служит хорошей иллюстрацией того, чего добивается негр, предоставленный самому себе, даже если ему предоставлены все преимущества легкого доступа к европейской цивилизации. Республика Санто-Доминго занимает другую часть того же острова; в ее смешанном населении больше испанской и меньше негритянской крови, но оно отнюдь не является цивилизованным.

В целом на островах Вест-Индии сейчас проживает около 8 000 000 человек, потомков негров-рабов с очень небольшой, но не поддающейся обнаружению примесью индейской крови и несколько большей, но все еще незначительной примесью европейской. Они представляют собой постоянную угрозу для иммиграционной политики Соединенных Штатов и являются одним из главных аргументов в пользу распространения жестких ограничений на Западное полушарие. Весь Карибский бассейн находится в процессе превращения в негритянскую территорию. Возможно, такой результат неизбежен, но соседние страны, которые хотят остаться белыми, должны защитить себя, пока есть время.

В общих чертах картина Латинской Америки - это картина многообразного региона, населенного примерно 80 000 000 человек, в основном индейцами, но с разной долей белой и негритянской крови, первой обычно мало, второй - часто много. Те немногие страны, которые можно с полным правом назвать белыми, не являются странами-эмигрантами, а их жители в большинстве своем не нордического происхождения, поэтому они не очень хорошо приспособлены для инкорпорации в Соединенные Штаты.

В заключение можно отметить, что каждая последующая революция в Латинской Америке стремится к ускорению устранения европейской крови и влияния. Обычно бунтуют полукровки, а они, в свою очередь, подчиняются все большему самоутверждению чистых туземцев.

XVIII

СЕВЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В предыдущих главах мы видели, что единство нации сильно нарушено в расовом и религиозном плане и находится под угрозой в языковом, но страна по-прежнему на 70 процентов нордическая и на 80 процентов протестантская, и ни один иностранный язык не представляет серьезной угрозы для нашей английской речи. В целом по стране сохранилось около 50 процентов старых коренных американских белых, хотя они были вытеснены пришельцами в Новой Англии и промышленно развитых штатах Северо-Востока.

Подавляющее большинство сенаторов Соединенных Штатов по-прежнему принадлежат к старым американцам, как и члены Палаты представителей. Лидеры нации в науке, образовании, промышленности, армии и флоте по-прежнему в подавляющем большинстве нордические, так что с этими элементами в нашу пользу мы все еще в состоянии сдерживать рост других элементов и бороться с их пагубным влиянием на наши институты.

Большая часть иммигрантов за последнее столетие во всех отношениях была идентична старому британскому фонду. Англичане и шотландцы, приехавшие сюда, а также скандинавы и большинство немцев, и, возможно, некоторые другие элементы, должны рассматриваться как усиление более старой части. С другой стороны, большинство выходцев из Южной и Восточной Европы должны рассматриваться как явная угроза нашему национальному единству.

Средством решения этой проблемы является, прежде всего, *абсолютная* приостановка иммиграции из всех стран; и признаки времени указывают на то, что такая приостановка неизбежна. Такая полная приостановка иммиграции устранил все основания для обвинений в дискриминации азиатов, которые сейчас смущают наши внешние отношения. По крайней мере, в отношении стран к югу от нас должны быть введены те же ограничения по квотам, что и в отношении Европы.

Учитывая тот факт, что во время великой депрессии, начавшейся в 1929 году, у нас были миллионы безработных из числа наших собственных граждан, мы должны быть глухи к сентиментальным мольбам о приеме родственников любого рода. Если семьи разлучаются, то это происходит не по вине американского народа, и иммигрант может вернуться туда, откуда приехал, если захочет воссоединиться со своей семьей. На самом деле, только одна или две группы так энергично ратуют за прием родственников.

Необходимо не только полностью прекратить европейскую иммиграцию, но и запретить всевозможную иммиграцию из стран, расположенных к югу от нас. На островах и на побережье Карибского моря, в Мексике и в Центральной Америке, не говоря уже о странах южнее, у нас есть огромное количество негров и индейцев во внутренних районах, которых рано или поздно привлечет в Соединенные Штаты высокая оплата общего труда. В настоящее время необходимо самое строгое законодательство, чтобы предотвратить это надвигающееся вторжение, пока оно не приняло размеры потопа, как это уже произошло в случае с мексиканскими индейцами. Если иммиграция не будет полностью запрещена, то,

по крайней мере, никому не должно быть позволено въезжать в Соединенные Штаты, кроме белых мужчин с высокими интеллектуальными способностями, явно способных стать ценными американскими гражданами.

Закон 1790 года о том, что никто не может стать гражданином Соединенных Штатов, кроме свободных белых, был законом до тех пор, пока после Гражданской войны к тем, кто мог быть натурализован, не добавили слово "черный" или "африканского происхождения". Это последнее положение должно быть отменено, а чернокожие вместе с индейцами Южной и Центральной Америки поставлены в равные условия с восточными людьми.

Вся филиппинская иммиграция должна быть остановлена, пока она не стала серьезной угрозой. По возможности не следует разрешать въезд полукровок с Гавайских островов и ввести абсолютное ограничение на въезд негров и мулатов из Пуэрто-Рико. Сейчас в нью-йоркском районе Гарлем их целые стаи. Последнее - простая справедливость по отношению к американским неграм.

Все более широкое использование машин требует все меньше и меньше обычного труда, и даже в нормальные времена на фабриках и фермах будет избыток рабочей силы. Почему же следует позволять чужакам приходить, отнимать рабочие места и снижать уровень жизни американского труда? Это один из величайших вопросов, стоящих перед американским народом, и депрессия, последовавшая за 1929 годом, донесла до нас эту истину.

Сейчас в нашей стране более пяти миллионов иностранцев, не являющихся гражданами, и более миллиона из них, как говорят, находятся здесь нелегально. Этим последним следует депортировать так быстро, как только можно найти и выделить средства. Не может быть лучшего средства для облегчения безработицы в настоящем или будущем, чем такая массовая депортация. Мы должны начать с тех иностранцев, которые нарушили наши законы или стали государственными обвиняемыми, и все они, находящиеся сейчас в наших пенитенциарных учреждениях и приютах, должны быть немедленно депортированы. Когда это будет сделано и сделано в полном объеме, за этим должна последовать депортация безработных иностранцев.

Регистрация необходима для осуществления любой правильной системы депортации. Почему кто-то должен возражать против регистрации как надлежащего средства идентификации, остается загадкой, если только за желанием скрыть личность не скрывается какой-то зловещий мотив.

Буря протеста поднимется со стороны громких и влиятельных иностранных блоков, а также радикалов и полукровок, называющих себя американцами, которые бросятся на защиту своих сородичей. Странно обнаружить, насколько чувствительны мы к любой иностранной критике американского, но насколько склонны с уважением прислушиваться к местным пришельцам, отстаивающим свои интересы в ущерб национальному благосостоянию.

Чтобы обуздать влияние этих иностранцев и предотвратить их пагубный контроль со стороны политиков, также было бы разумно приостановить натурализацию как минимум на поколение. В прошлом наше гражданство не имело особой ценности из-за абсурдного способа, которым его навязывали иностранцам. Ничто не может быть более непродуманным с политической точки зрения, чем программы американизации некоторых достойных людей. Американец становится американцем не в результате предоставления ему права голоса, а в результате добровольного и искреннего принятия иностранцем нашего языка, законов, институтов и культурных традиций.

Даже если бы вышеописанная программа была реализована, что, возможно, стало бы "Советом совершенства", у нас все равно осталась бы огромная масса негров и почти столько же южных и восточных европейцев, интеллектуально не дотягивающих до уровня среднего американца. Правильное распространение и использование этими нежелательными классами знаний о контроле рождаемости может в будущем принести существенную пользу, а практика стерилизации преступников и интеллектуально неполноценных, которая сейчас законодательно закреплена в двадцати семи штатах, может быть использована с хорошим результатом.

Основной вопрос для нашей страны, как и для всего мира в целом, заключается в том, чтобы само общество регулировало рождаемость, лишая негодных людей возможности оставлять после себя потомство своего испорченного типа. Наша цивилизация милосердно положила конец жестокому, расточительному и неизбирательному уничтожению непригодных природой, поэтому наш долг, как выразителей этой цивилизации, заменить ее научным контролем, чтобы сохранить саму цивилизацию. До сих пор американская популяция только начинала смешиваться с иммигрантской. Когда этот процесс пойдет дальше, а он пойдет, контролировать судьбы нации будет сложнее. Поэтому долг всех американцев и сочувствующих им иммигрантов - смело взглянуть в лицо этой проблеме и принять все евгенические меры, чтобы стимулировать размножение желательных типов и резко сократить рост непригодных и смешение самых разных рас.

Вот и все о наших внутренних проблемах. Проблемы за пределами нашей страны - совсем другое дело. За последнее столетие мир стал меньше, и, возможно, в долгосрочной перспективе Америка должна принять участие в международных делах.

Бремя белого человека

Как американцы мы столкнулись с необходимостью взять на себя часть бремени, которое несла Великобритания на протяжении последних трех столетий, - "бремя белого человека", обязанность следить за порядком в мире и поддерживать престиж белого человека на всех семи морях. В связи с изменением промышленной ситуации во всем мире и распространением фатального сентиментализма англосаксов низшие расы в Европе и других странах начинают заявлять о себе. Повсюду, от одного конца света до другого, раздаются крики о самоопределении.

Американцы уже столкнулись с подобной проблемой на Филиппинах.

Отношение императорского правительства в Лондоне к коренным расам в его различных доминионах было в прошлом и до сих пор не отличается от отношения федерального правительства в Вашингтоне к неграм в наших южных штатах.

Американцы должны сочувствовать твердой решимости горстки белых людей в Южной Африке (менее полутора миллионов) контролировать и регулировать негритянское население, насчитывающее около семи миллионов человек, среди которых они живут. Та же проблема возникает в Австралии и Новой Зеландии, где белые твердо решили, что их цивилизация не должна быть захлестнута восточными людьми.

Мы также должны сочувствовать белым в колонии Кения в их противостоянии заполнению их страны дешевой индусской рабочей силой. Как американцы мы можем понять негра и признать его веселые качества, но мы не можем испытывать особой симпатии к индусам, которым мы категорически запретили въезд на наше тихоокеанское побережье. Эти индусы

вместе с китайцами погубили коренные расы многих Полинезийских островов. Они веками находились в контакте с высшими цивилизациями, но не смогли извлечь из этого контакта ни физической, ни интеллектуальной, ни моральной пользы.

Подобная опасность существует и на тихоокеанском побережье Канады. Борьба за сохранение превосходства белого человека над коренным, или, если на то пошло, над неевропейцем, до сих пор велась только Великобританией. Ее правящий класс дал миру величайший со времен Рима пример справедливого, бесстрашного и бескорыстного правительства, но, очевидно, туземцы не желают такого правительства.

Старый имперский инстинкт, позволявший Великобритании сохранять контроль над миром белых людей, похоже, подходит к концу. Усталый Титан, кажется, готов передать бремя правления доминионам так быстро, как только последние этого потребуют. Об этом свидетельствует и предложение отказаться от военно-морской базы в Сингапуре. Если от этой базы когда-нибудь действительно откажутся, это будет означать отказ Англии от господства на Тихом океане. В этом случае, нравится это нам, американцам, или нет - хотим мы этого или нет - бремя контроля над Тихим океаном в значительной степени перейдет к Америке. Будущее лежит в Тихом океане, а не в Атлантике, и с завершением строительства Панамского канала Америка оказывается лицом к лицу с восточными проблемами.

Австралия и Новая Зеландия, а также Британская Колумбия рассчитывают на сотрудничество и лидерство Соединенных Штатов, равно как и Великобритании, и мы должны быть готовы принять эту ответственность.

У нас есть свои проблемы в отношении Филиппин. Наплыв филиппинцев в тихоокеанские штаты влечет за собой повторение китайской проблемы шестидесятилетней давности. Калифорния твердо решила, что белый человек там не должен быть заменен ни китайцем, ни японцем, ни мексиканцем, ни филиппинцем. Восточные штаты должны с пониманием отнестись к этой проблеме и признать тот простой факт, что белые люди на Тихоокеанском побережье США и Канады полны решимости сохранить белую собственность в стране, несмотря на то, что Восток готов видеть, как Новую Англию заволокли франко-канадцы и поляки, а промышленные центры Севера переполнены южными и восточными европейцами.

Когда мы говорим о сохранении идеалов и культуры белого человека и о его превосходстве, мы имеем в виду две разные вещи. Первая - это стремление белого человека сохранить за собой свои собственные страны: Соединенные Штаты, Великобританию, Канаду, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию и многие другие малые острова. Американцы сочувствуют этой решимости, и рано или поздно нас могут призвать на помощь в защите белой расы и английского языка в этих странах. Похоже, это часть нашей судьбы. Другая фаза превосходства белой расы - это стремление белого человека принести пользу отсталым расам и поднять их до уровня цивилизации, прививая азиатам и африканцам свой язык, свою религию и свою культуру. Такова тенденция иностранных миссий, и рано или поздно она приводит к тому, что туземцы оспаривают власть белых.

Справедливое правление, как это делают англичане в Индии и Бирме, отвечает интересам коренного населения. Например, Соединенные Штаты должны либо твердо управлять Филиппинами, что, в конечном счете, отвечает интересам и обогащению филиппинцев, либо бросить их на произвол судьбы. Если Япония когда-нибудь завладеет этими островами, она удержит их, не считаясь с желаниями или интересами коренного населения, поскольку в этой империи не так много сентименталистов и сочувствующих коренному населению, как в Соединенных Штатах.

Японцы, китайцы, индусы и мусульмане имеют свои культуры, обычаи, религии, искусство, литературу и институты, которые для них могут быть, а во многих случаях, вероятно, и являются, не хуже наших собственных. Писатель не видит никакой выгоды в том, чтобы уничтожать эти исконные элементы культуры или заменять их без разбора институтами белого человека, к которым эти расы в большинстве своем не приспособлены. Демократия - отличный пример. Она просто не будет работать среди азиатов. На самом деле, ее успех еще предстоит полностью доказать в западном мире.

Но другая сторона проблемы - должны ли мы, представители белой расы, отдать свою культуру, свои земли и свои традиции, хорошие или плохие, другой расе - представляет собой совсем другой вопрос. К счастью, в данном случае разум и чувства идут рука об руку.

Престиж и сила Европы и Великобритании сильно пошатнулись после мировой войны, и западная цивилизация рано или поздно может быть вынуждена передать факел Америке.

Мы видим, как через Тихий океан нордикам снова противостоят их давние соперники - монголы. Это будет последняя арена борьбы между этими двумя основными подразделениями человека за мировое господство, и нордическая раса в Америке может принять на себя основной удар.

Тем временем нордическая раса, которая создала, защитила и сохранила западную цивилизацию, должна осознать необходимость собственной солидарности и тесного сотрудничества. От этого взаимопонимания зависит мир во всем мире и сохранение его цивилизации.

Давайте подумаем, как нам лучше всего подготовиться к выполнению стоящей перед нами задачи - то есть нести свою долю бремени Белого человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

Эбботт, Джон С.К., *Путер Стюйвесант*. Нью-Йорк, Додд, Мид и Ко, 1898.

Adams, Alexander A., *The Plateau Peoples of South America*. (Очерк этнической психологии.) Нью-Йорк, Geo. Routledge & Sons, Ltd., 1915.

Adams, James Truslow, *The Founding of New England*. Бостон, Atlantic Monthly Press, 1921.

--*Марш демократии*. New York, Charles Scribner's Sons, 1932-33.

--, *Новая Англия в республике, 1776-1850*. Boston, Little Brown, 1926.

--, *Провинциальное общество, 1690-1763*. New York, Macmillan Co., 1927. Том III из серии под названием "*История американской жизни*".

--, *Революционная Новая Англия, 1691-1776*. Бостон, Atlantic Monthly Press, 1923.

Альсина, Хуан А., *Европейская иммиграция в Аргентину*, 1898.

Американский совет научных обществ, *Доклад комитета по языковым и национальным запасам в населении Соединенных Штатов*. Вашингтон, округ Колумбия, 1932. (Перепечатка из ежегодного отчета Американской исторической ассоциации за 1931 г., с. 107-441).

Арбер, Эдв. (ред.), *История отцов-пилигримов*. Бостон, Houghton Mifflin Co., 1897.

Арбуа де Жюбенвиль, М.Н. d': 1. "Les Celts en Espagne", *Revue Celtique*, Vols. XIV и XV.

- , 2. "Les Celts et les langues celtiques", *Revue archéologique*, série 2, t. XLIII, pp. 87-96, 141-155.
- 3. "Les Gaulois dans l'Italie du Nord", *Rev. Celt.*, Vol. XI.
- Эйвбери, лорд (сэр Джон Лаббок), *Доисторические времена*, 7-е изд. Нью-Йорк, Генри Холт и Ко; Лондон, Уильямс и Норгейт, 1864-1913.
- Avery, Elroy McKendree, *A History of the United States and Its People*. Кливленд, Burroughs Bros., 1905.
- Бэбкок, Кендрик Чарльз, *Скандинавский элемент в США*. Урбана, Иллинойский университет, 1914.
- Бейли, Джон, эсквайр, *Центральная Америка*. Лондон, Трелони Сондерс, 1850.
- Бэнкрофт, Хьюберт Хоу, *История Аризоны и Нью-Мексико, 1530-1888*, том XVII. Сан-Франциско, The History Co., 1889 г.
- , *История Калифорнии*, 4 тома. San Francisco, A.L. Bancroft & Co., 1884, 1885, 1886.
- , *History of Oregon*, 2 vols. San Francisco, The History Co., 1886 г.
- , *История Вашингтона, Айдахо и Монтаны*. Сан-Франциско, The History Co., 1890.
- Barker, Eugene C. (ed.), *Readings in Texas History*. Даллас, Саутвест Пресс, 1929.
- Баркер, Говард Ф., "Основатели Новой Англии". *American Historical Review* 38 (4): 702-713. Июль, 1933.
- Бассанович, И., *Материалы по антропологии болгар: Ломский район*, с. 3-186, 1891.
- Бирд, Чарльз и Мэри, *Восхождение американской цивилизации*. Нью-Йорк, Макмиллан, 1927.
- Беддоу, Джон: 1. "Антропологическая история Европы", 1893 г.
- , 2. "Кельты Ирландии", *Journal of Anthropology*, 1870-1871, pp. 117-131.
- 3. "О росте и массе человека на Британских островах", *Memoirs of the Anthropological Society*, Vol. III, pp. 384-573. London, 1867-1869.
- 4. *The Races of Britain*. Бристоль и Лондон, 1885.
- Bertrand, Alexandre (with S. Reinach), *Les Celts dans les vallées du Pô et du Danube*. Paris, E. Leroux, 1894.
- Binder, Julius, *Die Plebs*. Leipzig, G. Bohme, Deichert, 1909.
- Биографические и исторические мемуары северо-восточного Арканзаса*. Чикаго, Гудспид, 1889.
- Блэкмар, Фрэнк У. (ред.), *Канзас*. Чикаго, Standard Pub., 1912.
- Блеген, Теодор К., *Норвежская миграция в Америку*. Northfield, Minnesota, Norwegian American Historical Assn., 1931.
- Боам, Генри Дж., *Британская Колумбия*. Лондон, Sells Ltd., 1912.
- Boni, G. Roma, *Notizie degli Sclavi*; série 5, pp. 123 seq. and 375 seq., 1903.
- Bork, Ferdinand, *Die Mitanni Sprache*. Berlin, W. Peiser, 1909.
- Boule, M., "Essai de paléontologie stratigraphique de l'homme", *Revue d'anthropologie*, série 3, t. III, pp. 129-144, 272-297, 385-411, 647-680, 1888.

Bourinot, Sir John G., *Canada under British Rule, 1760-1900*. Кембридж, Массачусетс, Университетская пресса, 1900.

Bracq, Jean Charlemagne, *The Evolution of French Canada*. Нью-Йорк, Макмиллан Компани, 1924.

Breasted, James H.: 1. *Ancient Times, A History of the World*. Boston, Ginn & Co., 1916 г.

--2. "Истоки цивилизации", *Scientific Monthly*, vols. IX, №№ 4, 5, 6, и X, №№ 1, 2, 3.

--, 3. *A Survey of the Ancient World*. Boston, Ginn & Co., 1919 г.

--, 4. *История Египта* и другие труды.

Бресетт, Линна Э., *Мексиканцы в Соединенных Штатах: Report of a Brief Survey*. Washington, D.C., Natl. Catholic Welfare Conf., 1929.

Breuil, L'Abbé H., "Les peintures rupestres d'Espagne," (avec Serrano Gomez et Cabre Aguilo), *L'Anthropologie*, t. XXIII, 1912.

Brewer, Daniel Chauncey, *The Conquest of New England by the Immigrant*. Нью-Йорк, Putnam's Sons, 1926.

Браун, Джон Генри, *История Техаса*, 2 тома. St. Louis, L.E. Daniell.

Browne, William Hand, *Maryland, The History of a Palatinate*. Boston, Houghton Mifflin Co., 1890.

Брюс, Филипп Александр, бакалавр права, доктор права, *История Виргинии, 1607-1763*, том I. Чикаго и Нью-Йорк, Американское историческое общество, 1924 г.

--*Институциональная история Виргинии*. Нью-Йорк, G.P. Putnam's Sons, 1910.

Брюнес, Жан, "Раса и нация", *Le Correspondant*. Париж, сентябрь, 1917 г.

Брайс, Джордж, *"Замечательная история Компании Гудзонова залива"*. Нью-Йорк, Скрибнер, 1900.

Брайс, Джеймс, *Священная Римская империя*. Макмиллан, 1904.

Бак, Солон, *Иллинойс в 1818 году*. Спрингфилд, Комиссия по проведению столетия Иллинойса, 1917.

Бюро переписи населения: Отчеты о населении.

Берк, У. Р., *История Испании*, 2-е изд. Лондон, Лонгманс, Грин и Ко, 1900.

Берридж, Генри С., доктор философии, *Начало колониального штата Мэн*, Портленд, штат Мичиган, типография Маркс, 1914.

Bury, J.B., *A History of Greece*. Macmillan, 1917.

Cable, George W., *The Creoles of Louisiana*. Нью-Йорк, Charles Scribner's Sons, 1889.

Cahun, Léon, *Histoire de l'Asie*. Paris, Armand Colin et Cie., 1896.

Колдуэлл, Бишоп Р., *Сравнительная грамматика дравидийской или южноиндийской семьи языков*, 2-е изд. London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1913.

Кэмпбелл, Чарльз, *Введение в историю колонии и древнего доминиона Виргиния*. Ричмонд, Б. Б. Минор, 1847.

Candolle, Alphonse de, *Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles*, 2me éd. Genève, H. Georg, 1806-1893.

- Карпентер, Найлс, *Иммигранты и их дети*. Монографии переписи населения VII. Вашингтон, округ Колумбия, Бюро переписи населения, 1927.
- Cartailhac, Émile, *La France préhistorique d'après les sépultures et les monuments*, 2me éd. Paris, 1903.
- Касл, Уильям Э., *Генетика и евгеника*. Кембридж, Издательство Гарвардского университета, 1930. 4-е изд.
- Cattell, J. McKeen, "A Statistical Study of American Men of Science," *Science*, N.S., vol. XXIV, nos. 621-623, and vol. XXXII, nos. 827 and 828.
- Чемберс, Генри Э., *Начало долины Миссисипи*. Нью-Йорк, G.P. Putnam's Sons, 1922.
- Chantre, Ernest, "Recherches anthropologiques dans l'Asie occidentale," *Extrait des Archives du musée d'histoire naturelle de Lyon*. Лион, 1895.
- Клейборн, Дж. Ф. Х., *Миссисипи как провинция, территория и штат*, т. I. Jackson, Mississippi, Power & Barksdale, 1880.
- Клей, Альберт Т., *Империя аморитов*. Издательство Йельского университета, 1919.
- Клеланд, Роберт Гласс, доктор философии, *История Калифорнии* (американский период). Нью-Йорк, The Macmillan Co., 1930.
- Клемансо, Жорж, *Южная Америка сегодня*. Нью-Йорк и Лондон, G. Putnam & Sons, 1911.
- Coan, Charles F., Ph.D., *A History of New Mexico*, vol. I. Чикаго и Нью-Йорк, Американское историческое общество, Inc., 1925.
- Кобб, Сэнфорд Х., *История Палатинов*. Нью-Йорк и Лондон, G.P. Putnam's Sons, 1897.
- Коул, Артур Чарльз, *Эпоха гражданской войны*. Спрингфилд, Комиссия по проведению столетия Иллинойса, 1919.
- Коул, Сайренус, *История народа Айовы*. Сидар-Рapidс, Факел Пресс, 1921.
- Коллиньон, Р.: 1. "L'anthropologie au conseil de révision, etc.," *Bulletin de la Société d'anthropologie*, pp. 736-805, 1890. Также *Bull. Soc. d'anth.*, 1883 г.
- , 2. "Антропология Франции: Dordogne, Charente, Creuse, Corrèze, Haute-Vienne," *Mémoires de la Société d'anthropologie*, série 3, I, fasc. 3, pp. 3-79.
- 3. "L'indice céphalique des populations françaises", *L'Anth.*, série I, pp. 200-224, 1890.
- Комитет по иммиграции и натурализации, Палата представителей. Слушания, особенно 67-й Конгресс, 3-я сессия; 68-й Конгресс, 1-я сессия; 69-й Конгресс, 1-я сессия; 70-й Конгресс, 1-я сессия и 2-я сессия; 72-й Конгресс, 1-я сессия. (Ценная серия отчетов, содержащая показания Х.Х. Лафлина и других экспертов). Вашингтон, округ Колумбия, Правительственная типография, 1923-1932 гг.
- Конклин, Эдвин Г., *Наследственность и окружающая среда*. Princeton University Press, 1929. 6-е изд.
- Кук, Джон Эстен, *Вирджиния, история народа*. Бостон, Houghton Mifflin Co., 1887.
- Коттерилл, Р.С., *История пионеров Кентукки*. Цинциннати, Джонсон и Хардин, 1917.
- Коуэн, Хелен И., *Британская эмиграция в Британскую Северную Америку, 1783-1837*. Библиотека Университета Торонто, 1928.

Coy, Owen Cochran, *The Great Trek*. Chicago, Powell Pub. Co.

Кроуфорд, О.Г.С., "Распределение поселений раннего бронзового века в Британии", *Географический журнал*, XL, стр. 184 и далее, 1912.

Дарвин, Чарльз, *"Происхождение человека"*, 2-е изд. Лондон, Джон Мюррей, 1901.

Дэвенпорт, Чарльз Б.: 1. *Слабоумные, кочевники ... Inheritance of Temperament*. Washington, D.C., Carnegie Institution, 1915 г.

--2. *Наследственность в связи с евгеникой*. Нью-Йорк, Генри Холт и Ко, 1911.

Дэвидсон, Алекс, и Стуве, Бернард, *Полная история Иллинойса с 1673 по 1873 год*. Спрингфилд, Иллинойс Джорнал Ко., 1874.

Дэвис, Джон, *Путешествия по Луизиане и Флориде в 1802 году*. New York, I. Riley Co., 1806.

Дэвис, Уолтер Б., *История Миссури*. Сент-Луис, Холл и Ко, 1876.

Докинз, У. Бойд, *Ранний человек в Британии*. Лондон, Макмиллан, 1880.

Деникер, Ж., "Расы Европы, предварительная заметка", *L'anthropologie*, vol. IX, pp. 113-133. Париж, 1898.

Дилл, Сэмюэл, *Римское общество в последний век Западной империи*, 2-е изд. Macmillan, 1906.

Эгинхард, *Жизнь Карла Великого*, перевод Глейстера. Лондон, Джордж Белл и сыновья, 1877.

Esarey, Logan, *A History of Indiana*, vol. II. Indianapolis, Bowen, 1918.

--, *История Индианы с момента ее освоения до 1850 года*. Индианаполис, У. К. Стюарт, 1915.

Фэрбенкс, *История Флориды, 1512-1842*. Филадельфия, J. B. Lippincott & Co., 1871.

Фаннинг, Джон Уильям, *Миграция негров*. Bull. Univ. Georgia, June, 1930.

Фариш, Томас Эдвин: 1. *История Аризоны*, т. III. San Francisco, The Filmer Bros. Electrotype Co., 1916 г.

--2. *History of Arizona*, vol VI. San Francisco, The Filmer Bros. Electrotype Co., 1918.

Faust, Albert Bernhardt, *The German Element in the United States*, 2 vols. Boston and New York, Houghton Mifflin Co, 1909.

Фейст, Сигизмунд, *Выступление на Международном конгрессе в Гратце*. 1909.

Ferrero, Guglielmo, *The Greatness and Decline of Rome*. Нью-Йорк, Путнам, 1909.

Феррис, Джейкоб, *Штаты и территории Великого Запада*. Нью-Йорк, Миллер, Ортон и Маллиган, 1856.

Фиш, Карл Рассел, *Возвышение простого человека, 1830-1850*. Нью-Йорк, Макмиллан, 1927.

Фишер, Джордж Парк, *Колониальная эпоха*. Нью-Йорк, Charles Scribner's Sons, 1892.

Фишер, Х.А.Л., *Политическая история Англии*, том IV. Под редакцией Уильяма Ханта и Реджинальда Пула. London, Longmans, Green & Co., 1906.

Фишер, Сидней Джордж: 1. *The Making of Pennsylvania*. Philadelphia, J.B. Lippincott Co., 1896 г.

--2. *The Quaker Colonies*. New Haven, Yale University Press, 1921.

Fiske, John, *The Dutch and Quaker Colonies in America*, vols. I and II. Boston, Houghton Mifflin Co., 1899.

Флёр, Х.Дж. (совместно с Джеймсом, Т.К.), "Антропологические типы в Уэльсе", *Журнал Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии*, том XLVI, стр. 35-154.

--(совместно с Л. Уинстэнли), "Антропология и наша древняя история", *Журн. Roy. Anth. Inst.*, vol. XLVIII, pp. 155 seq.

Флинт, Тимоти, *История и география долины Миссисипи*, 2 тома. Цинциннати, Е.Н. Flint, 1832.

Flower and Lydekker, *Mammals, Living and Extinct*. Лондон, Адам и Чарльз Блэк, 1891.

Foerster, Robert F., *The Racial Problems Involved in Immigration from Latin America and the West Indies to the United States*. Вашингтон, округ Колумбия, Департамент труда США, 1925.

Фолвелл, Уильям Уоттс, *Миннесота*. Бостон, Houghton Mifflin Co., 1908.

Форд, Генри Джонс, *Шотландские ирландцы в Америке*. Princeton University Press, 1915.

Fortier, Alcée, *A History of Louisiana*, 4 vols. New York, Manzi, Joyant & Co., 1904.

Fosdick, Lucian J., *The French Blood in America*. New York, The Baker & Taylor Co., 1911.

Франк, Тенни, "Смешение рас в Римской империи", *Американское историческое обозрение*, том XII, не. 4, July, 1916.

Фримен, Э. А.: 1. *Историческая география Европы*. Edited by J.B. Bury, 3d ed. London, Longmans, Green & Co., 1912 г.

--2. *Раса и язык*. Исторические очерки, серия 3, с. 173-230. Нью-Йорк и Лондон, Макмиллан, 1879.

Fritsch, Gustave, *Das Haupthaar und seiner Bildungsstätte bei den Rassen des Menschen*. Berlin, 1912.

Fuller, George W., *A History of the Pacific Northwest*, 3 vols. New York, Alfred A. Knopf, 1931.

Galton, Sir Francis, *Hereditary Genius*. London and New York, Macmillan & Co., 1892.

Гамо, Ф. Х., *История Канады*, тома. I and II. Монреаль, Джон Ловелл, 1862.

Гайарр, Чарльз, *Луизиана, ее история как французской колонии*, т. II. Нью-Йорк, Уайли, 1852.

Geer, Baron Gerard de, "A Geochronology of the Last 12,000 Years," *Compte-Rendu de la session 1910, du Congrès Géol. Intern.*, vol. XI, fasc. 1, pp. 241-257.

Гиббон, Эдвард, *Упадок и падение Римской империи*.

Гиндли, Антон, *История Тридцатилетней войны*. Нью-Йорк, G. Putnam's Sons, 1884.

Гьерсет, Кнут, *История норвежского народа*. Нью-Йорк, Макмиллан, 1915.

Гудвин, Джон А., *Республика пилигримов*. Boston and New York, Houghton Mifflin Co., 1909.

Госнелл, Р.Э., *Ежегодник Британской Колумбии*. Виктория, Британская Колумбия, Библиотекарь Законодательного собрания, 1897.

Госни, Э.С., и Попеное, Пол, *Стерилизация для улучшения человечества*. Нью-Йорк, Макмиллан, 1929.

Грант, Мэдисон, "Происхождение и взаимоотношения североамериканских млекопитающих", *Восьмой ежегодный отчет Нью-Йоркского зоологического общества*. New York, 1904.

--Грант, Мэдисон, "Происхождение млекопитающих Северной Америки", *Восьмой ежегодный отчет Нью-Йоркского зоологического общества*, Нью-Йорк, 1904. 4th ed. Нью-Йорк, Charles Scribner's Sons, 1921.

Green, John R., *A History of the English People*. Нью-Йорк, Харпер, 1878.

Грин, Эвартс Б. и Вирджиния Д. Харрингтон, *Население Америки до федеральной переписи 1790 года*. Нью-Йорк, Издательство Колумбийского университета, 1932.

Грегори, У. К.: 1. "Рассветный человек из Пилтдауна, Англия", *Американский музейный журнал*, т. XIV. Нью-Йорк, май, 1914 г.

--, 2. "Факты и теории эволюции, с особым упоминанием о происхождении человека", *Dental Cosmos*, pp. 3-19, март, 1920 г.

--, 3. "Исследования по эволюции приматов", *Bull. Amer. Mus. Nat. Hist.*, vol. XXXV, article xix. New York, 1916.

Griffis, William Elliot: 1. *The Story of New Netherland*. Boston and New York, Houghton Mifflin Co., 1909 г.

--2. *The Story of the Walloons*. Boston and New York, Houghton Mifflin Co., 1923.

Gue, Benjamin F., *History of Iowa*. Нью-Йорк, Century History Co., 1903.

Гийом, Х., Ф.Р.Г.С., *Амазонские провинции Перу*. Лондон, "Вайман и сыновья", 1888.

Haddon, A.C.: 1. *The Races of Man and Their Distribution*. London, Milner & Co.

--, 2. *The Study of Man*. New York, Putnam; and London, Bliss Sands, 1898 г.

--, 3. *The Wanderings of Peoples*. Cambridge University Press, 1912.

Haeckel, Ernst, *The Riddle of the Universe*. Harper, 1901.

Hale, Will, and Merritt, Dixon, *A History of Tennessee and Tennesseans*, vols. I and III. Chicago, Lewis Pub. Co., 1913.

Hall, H.R., *The Ancient History of the Near East*, 3d ed. London, Methuen & Co., 1916.

Hall, Prescott F.: 1. *Immigration*, 2d ed. New York, Henry Holt & Co., 1908.

--2. "Ограничение иммиграции и мировая евгеника", *Journal of Heredity*, vol. X, no. 3, pp. 125-127. Вашингтон, округ Колумбия, март, 1919 г.

Гамильтон, Питер Джозеф, *Колонизация Юга*, том III "Истории Северной Америки" под редакцией Гая Карлтона Ли. Филадельфия, Джордж Барри и сыновья, 1904.

Hanna, Charles A., *The Scotch-Irish, or The Scot in North Britain, Ireland, and America*, 2 vols. New York, G. Putnam's Sons, 1902.

Харпер, Роланд М., *Население Мексики: анализ*. Pan-American Magazine 44 (4): 269-278. Apl., 1931.

Харрисон, Дж. П., "О сохранении расовых признаков в населении Британских островов", *Журн. Roy. Anth. Inst.*, vol. XII, pp. 243-258.

Харт, Альберт Б. (ред.), *История Содружества Массачусетса*. Нью-Йорк, States History Co., 1927-28.

Hawley, James H., *History of Idaho*, vol. I. Chicago, The S.J. Clarke Pub. Co., 1920.

Henderson, Archibald, *Conquest of the Old Southwest*. New York, The Century Co., 1920.

Геродот, *История мира*.

Hewatt, *An Historical Account of the Rise and Progress of the Colonies of South Carolina and Georgia*, 2 vols. London, Alexander Donaldson, 1779.

Hirt, Herman, *Die Indo-Germanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur*. Страсбург, Трюбнер, 1905.

История Теннесси. Нэшвилл, издательство Гудспид, 1886.

История валлийцев в Миннесоте. Хьюз, Эдвардс и Робертс, 1895.

Хиттелл, Теодор Х., *История Калифорнии*, т. III. Сан-Франциско, Н. Дж. Стоун и Ко, 1897.

Ходжкин, Тос, *Италия и ее захватчики*.

Холмс, С. Дж. и С. Л. Паркер, "Стабилизированный естественный прирост негров". *Journal of the Amer. Statistical Asso.*, June 1, 1930.

Холмс, С.Дж., "Биологическая тенденция негров". *Univ. of Calif. Chronicle*, Jan., 1930.

Холмс, Т. Райс, *Древняя Британия и завоевания Юлия Сезара*. Oxford University Press, 1907.

Гомер, *"Илиада"; "Одиссея"*.

Houck, Louis, *A History of Missouri*, vols. I, II, and III. Чикаго, R.R. Donnelley & Sons, 1908.

Халберт, Арчер Батлер: 1. *Река Орайо*. New York, G.P. Putnam's Sons, 1906 г.

--2. *Soil, Its Influence on the History of the United States*. Нью-Хейвен, Издательство Йельского университета, 1930.

Human Betterment Foundation, *Collected Papers on Eugenic Sterilization*. Пасадена, Калифорния, 1930.

Хантингтон, Эллсворт: 1. *Цивилизация и климат*. Yale University Press and Oxford University Press, 1915 г.

--2. *The Pulse of Asia*. Boston, Houghton Mifflin Co., 1907.

Hooton, E.A.R., *Up from the Ape*. Macmillan, 1931.

Джейкобс, Дж., "О расовых характеристиках современных евреев", *Жур. Roy. Anth. Inst.*, vol. XV, pp. 23-62, 1885-1886.

Джеймс, Бартлетт Берли, *Колонизация Новой Англии*, т. V. Филадельфия, Г. Барри и сыновья, 1904.

Джеймс, Т.К. (совместно с Флером, Х.Дж.), "Антропологические типы в Уэльсе", *Жур. Roy. Anth. Inst.*, vol. XLVI, pp. 35-154, 1916.

Янсон, Флоренс Эдит, *Предыстория шведской иммиграции*. University of Chicago Press, 1931.

Дженкс, Альберт Эрнест, *Слияние индейцев и белых*. Миннеаполис, *Бюллетень университета Миннесоты*, 1916.

Джонсон, Чарльз С., *Негр в американской цивилизации*. Нью-Йорк, Henry Holt & Co., 1930.

Джонсон, Харрисон, *История Небраски*. Омаха, 1880.

Johnson, Stanley C., *A History of Emigration (from the United Kingdom to North America)*. Лондон, George Routledge & Sons Limited, 1913.

Джонстон, сэр Гарри Х.: 1. *Негр в Новом Свете*. London, Methuen & Co., 1910 г.

--, 2. "О североафриканских животных, обзор этнографии Африки", *Jour. Roy. Anth. Inst.*, vol. XLIII, pp. 375-422.

--, 3. Различные труды.

--, 4. *Мнения и обзоры*. Лондон, Уильямс и Норгейт, 1912.

Джонс, Фредерик Робертсон, *Колонизация Средних Штатов и Мэриленда*; т. IV "Истории Северной Америки". Филадельфия, Джордж Барри и сыновья, 1904.

Джонс, Говард Мамфорд, *Америка и французская культура*. Чапел-Хилл, штат Северная Каролина, Издательство Университета Северной Каролины, 1927.

Джонс, сэр Дж. Моррис, "Доарийский синтаксис в инсультном кельтском", Приложение В к книге Rhys and Jones, *The Welsh People*. Лондон, Макмиллан, 1900.

Джорданс, *История готов*, перевод Миерова. Princeton University Press, 1915.

Иосиф, Флавий, *De Bello Judaico*, или *Иудейская война Флавия Иосифа*, перевод Роберта Трейлла. Лондон, Houlston & Stoneman, 1851.

Кин, А.Х.: 1. *Этнология*. Cambridge University Press, 1896 г.

--2. *Man, Past and Present*. Также новое издание Ouiggin & Haddon. Cambridge University Press, 1900.

Кири, К.Ф., *Викинги в западном христианстве*. Лондон, Т. Фишер Унвин, 1891.

Кит, Артур: 1. *Древние типы человека*. Harper, 1911 г.

--2. *The Antiquity of Man*. Лондон, Уильямс и Норгейт, 1915.

Кепхарт, Хорас, *Наши южные горцы*. New York, Outing Publishing Co., 1913.

Кинг, Грейс, *Новый Орлеан: The Place and the People*. Нью-Йорк, Macmillan Co., 1920.

Кингсфорд, Уильям, *История Канады*, т. I, 1608-1682; т. II, 1679-1725. Rowsell & Hutchison, 1887.

Kuhns, Oscar, *The German and Swiss Settlements of Colonial Pennsylvania: Study of the So-Called Pennsylvania Dutch*. Нью-Йорк, Генри Холт и Ко, 1901.

Леверинг, Джулия Х., *Историческая Индиана*. Нью-Йорк, G.P. Putnam's Sons, 1909.

Локли, Фред, *История долины реки Колумбия (от Даллеса до моря)*. Chicago, The S.J. Clarke Pub. Co., 1928.

Lodge, Henry Cabot, *Short History of the English Colonies in America (Краткая история английских колоний в Америке)*. New York, Harper & Bros., 1881.

Лоухи, Э.А., *Финны Делавера*. Нью-Йорк, Humanity Press, 1925.

Lyman, Horace S., *History of Oregon*, 4 vols. New York, The North Pacific Pub. Society, 1903.

MacDougall, D., *Scots and Scots' Descendants in America*, vol. I. New York, Caledonian Publishing Co., 1917.

Мартин, Франсуа-Ксавье, *История Луизианы*. Нью-Йорк, Джеймс А. Грешем, издатель, 1882.

Мэтьюз, Лоис Кимбалл, *Экспансия Новой Англии* (Распространение поселений и институтов Новой Англии до реки Миссисипи, 1620-1865). Бостон и Нью-Йорк, Houghton Mifflin Co., The Riverside Press, Cambridge, 1909.

Мэтью, У. Д.: 1. "Климат и эволюция". Издание *Нью-Йоркской академии наук*, т. XXIV, с. 171-318. Нью-Йорк, 1915 г.

Макмастер, Джон Бах, *История народов США*.

Мерриам, Джон К., "Начало человеческой истории, прочитанное по геологической летописи: Возникновение человека", *Scientific Monthly*, vols. IX и X, 1919-20.

Мечников, Эли, *Природа человека*. Putnam, 1903.

Мексиканцы в Калифорнии. Отчет Комитета по установлению фактов при губернаторе К. К. Янге. Сакраменто, Принтер штата, 1930.

Мейерс, Альберт Кук, *Рассказы о ранней Пенсильвании, западном Нью-Джерси и Делавэре*. Нью-Йорк, Charles Scribner's Sons, 1912.

Миллер, Геррит С., "Челюсть пилтдаунского человека", *Smithsonian Miscellaneous Collections*, vol. LXV, no. 12. Вашингтон, округ Колумбия, ноябрь 1915 г.

Миннс, Э. Х., *Скифы и греки*. Cambridge University Press, 1913.

Моммзен, Теодор, *История римских провинций*, перевод Уильяма П. Диксона. Scribner, 1887.

Монтелиус, Оскар: 1. "Die Chronologie der ältesten Bronzezeit", *Arch. f. Anth.*, Bd. 25, pp. 443 seq. 1900.

--2. *Цивилизация Швеции в языческие времена*, перевод Ф.Х. Вудса. London, Macmillan, 1888 г.

--, 3. *La Civilisation primitive en Italie*. Stockholm, 1895.

--, 4. *L'Anthropologie*, série XVII, 1906.

Mortillet, G. de, *Formation de la nation française*. Paris, 1897.

Much, Mathæus, *Die Heimat der Indo-Germanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung*. Берлин, 1902.

Müller, Friedrich: 1. *Grundriss der Sprachwissenschaft*. Wien, 1884.

--2. *Reise der österreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857-9, unter den Befehlen des Commodore B. von Wiellerstorf*. Wien, Ubair-Linguistischer Theil, 1867.

Мюллер, Софус: 1. *L'Europe préhistorique*, tr. du Danois, ... par Emmanuel Philipot. Paris, J. Lamarre, 1907 г.

--2. *Nordische Alterthumskunde*. Strassburg, 1897.

Munro, Dana Carleton, *A Source Book of Roman History*. Boston, New York and Chicago, D.C. Heath & Co., 1904.

- Манро, Джон, *История британской расы*. Нью-Йорк, Д. Эпплтон и Ко, 1907.
- Munro, R.: 1. *The Lake-Dwellings of Europe*. London, Cassell & Co., 1890 г.
- 2. *Palæolithic Man and the Terramara Settlements*. Macmillan, 1912.
- , 3. Обсуждение в *Jour. Roy. Anth. Inst.* за 1890 г.
- Myres, J.L., "A History of the Pelasgian Theory," *Jour. of Hellenic Studies*, vol. XXVII, pp. 170-226, 1907.
- Нансен, Фритьоф, *"В северных туманах"*. Нью-Йорк, Фредерик А. Стокс, 1911.
- Nason, Elias, *A Gazetteer of the State of Massachusetts*. Б. Б. Рассел, 1874.
- Норденшельд, Эрланд, "Финляндия: Земля и люди", *Географическое обозрение*, том VII, № 6, с. 361-375, июнь 1919 г.
- Оман, сэр Чарльз: 1. *Темные века*. London, Rivington's Press, 1905 г.
- 2. *Англия до нормандского завоевания*. London, Methuen & Co.; or New York, Putnam, 1913.
- Происхождение, место рождения, национальность и язык канадского народа. Статистическое бюро Доминиона, Оттава, 1929.
- Осборн, Генри Фэрфилд: 1. *Люди древнего каменного века*, 2-е издание. New York, Scribner, 1918 г.
- 2. *The Origin of Life*. Нью-Йорк, Скрибнер, 1917.
- Оуэн, Томас М., *История Алабамы*, т. II. Chicago, Clarke Publishing Co., 1921.
- Palfrey, John Gorham, *A Compendious History of New England*, vol. IV. Boston, Houghton Mifflin, 1893.
- Палгрейв, сэр Фрэнсис, *Восхождение и прогресс Английского Содружества*. Лондон, 1832.
- Паркман, Фрэнсис, *Старый режим в Канаде*. Бостон, Литтл, Браун и Ко, 1905.
- Пэрриш, Рэндалл, *Исторический Иллинойс*. Чикаго, А.С. McClurg, 1905.
- Парсонс, Ф.Г., "Антропологические наблюдения над немецкими военнопленными", *Журн. Roy. Anth. Inst.*, vol. XLIX, 1919.
- Пэксон, Фредерик Л., *История американских границ*. Бостон, Houghton Mifflin & Co., 1924.
- Пейн, Эдвард Джон, *История нового мира, называемого Америкой*. Оксфорд Пресс, том I, 1892; том II, 1899.
- Пике, Х.Дж.Э., *Мемориалы старого Лестершира*. 1911.
- Перл, Рэймонд, "Стерилизация дегенератов", *Евгеническое обозрение*, апрель, 1919.
- Пек, Дж. М., *Новый путеводитель для эмигрантов на Запад*. Бостон, Гулд, Кендалл и Линкольн, 1836.
- Пенк, Альбрехт, "Das Alter des Menschengeschlechts", *Zeitschr. f. Eth.*, Jahrg. 40, Heft 3, pp. 390-407. 1908.
- Penka, K., *Die Herkunft der Arier*. Wien, 1886.
- Петри, В.М.Ф., "Миграции", *Журн. Roy. Anth. Inst.*, vol. XXXVI, pp. 189-233. 1906.

Пикетт, Альберт Джеймс, *История Алабамы*, т. II. Чарльстон, "Уолкер и Джеймс", 1851.

Плиний, *Естественная история*.

Житие Плутарха, перевод Лэнгхорна. Лондон, Фредерик Уорн и Ко.

Поллард, А.Ф., *Политическая история Англии*, т. IV. London, Longmans, Green & Co., 1915.

Полибий, *История*.

Попеное, Пол, "Одна из фаз современной эволюции человека", 19-й *Международный конгресс американистов*, стр. 617 и далее. Вашингтон, округ Колумбия, 1915.

Попеное, Пол, и Джонсон, Розуэлл Х., *Прикладная евгеника*. 2d ed. New York, Macmillan, 1933.

Популярная история Новой Англии, 2 тома. Boston, Crocker & Co., 1881.

Priestly, Herbert Ingram, *The Coming of the White Man, 1492-1848; A History of American Life*, vol. I. New York, The Macmillan Co., 1929.

Прокопий, *История войн*, перевод Х.Б. Дьюинга, Loeb Classical Library. New York, Putnam; and London, Wm. Heinemann, 1919.

Пампелли, Рафаэль, *Исследования в Туркестане*. Вашингтон, округ Колумбия, Институт Карнеги, 1905 и 1908 гг.

Рэмси, Дж. Г. М., *Анналы Теннесси*. Кингспорт, Теннесси, Кингспорт Пресс, 1853.

Ranke, Johannes, *Der Mensch*. Leipsig, 1866-7.

Ратцель, Фридрих, *История человечества*. Макмиллан, 1908.

Рид, Артур, *Финляндия и финны*. Нью-Йорк, 1915.

Рид, сэр Г. Арчдалл: 1. *Законы наследственности*. London, Methuen & Co., 1910 г.

--2. *The Principles of Heredity*. Лондон, Чепмен и Холл, 1905.

Рейнах, Саломон, "Аттическая надпись, относящаяся к вторжению галатов в Грецию", *Rev. Celtique*, série 11, pp. 80-85.

Рейснер, Джордж А., *Раннединастические кладбища Нага эд-Дер*. Издания Калифорнийского университета, 1908; Лейпсиг, J.C. Hinrichs, 1905.

Retzius, G.: 1. *Anthropologia Suecica, Beiträge zur Anthropologie der Schweden*. Stockholm, 1902.

--2. *Crania Suecica Antiqua*. Stockholm, 1900.

--, 3. "Так называемая североевропейская раса человечества", *Jour. Roy. Anth. Inst.*, vol. XXXIX, pp. 277-314. 1909.

Rice, Holmes T.: 1. *Ancient Britain and the Conquests of Julius Cæsar*. Oxford, Clarendon Press, 1907 г.

--2. *Cæsar's Conquest of Gaul*. Оксфорд, Кларендон Пресс, 1911.

Ridgeway, Sir William: 1. *The Early Age of Greece*. Cambridge, 1901.

--2. *The Origin and Influence of the Thoroughbred Horse*. Cambridge University Press, 1905.

- , 3. "Кто были римляне?". *Proceedings of the British Academy*, 1907-1908.
- Riegel, Robert E., *America Moves West*. Нью-Йорк, Генри Холт и Ко, 1930.
- Рипли, Уильям З., *Расы Европы*. Нью-Йорк, D. Appleton & Co., 1899.
- Робинсон, Эдвард, *Университет Миннесоты, Исследования в области социальных наук*, нет. 3.
- Робинсон, Уилл Х., *История Аризоны*. Phoenix, The Berryhill Co., 1926.
- Рузвельт, Теодор, *Завоевание Запада*, т. IV. Нью-Йорк, G.P. Putnam's Sons, 1896.
- Росситер, Уильям С., *Увеличение численности населения в Соединенных Штатах, 1910-1920 гг.* Вашингтон, округ Колумбия, Бюро переписи населения, 1922.
- Роуланд, Данбар, *Миссисипи, сердце Юга*, т. II. Chicago, S.J. Clarke, 1925.
- Миссисипи, сердце Юга*, том I. Chicago, S.J. Clarke, 1925.
- Savigny, Friedrich Karl, *Geschichte des römischen Rechtes im Mittelalter*.
- Sayce, Archibald Henry, *The Ancient Empires of the East*. Scribner, 1898.
- Шарф, Дж. Томас, *История Делавэра (1609-1888)*, т. I. Philadelphia, L.J. Richards & Co., 1888.
- Шрадер, Оскар, *Индогерманцы*. Leipsig, 1911.
- Склейте, У.Л. и П.Л., *География млекопитающих*. Лондон, Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко, 1899.
- Secret History, or The Horrors of Santo Domingo, in a series of Letters Written by a Lady at Cape François to Colonel Burr (late Vice-President of the United States) Principly during the Command of General Rochambeau*. Филадельфия, Брэдфорд и Инскип, Р. Карр, печатник, 1808.
- Серджи, Г.: 1. *Африка: Antropologia della Stirpe Cannitica (Specie Eurafricana)*. Torino, 1897 г.
- 2. *Arii e Italici*. Torino, 1898.
- , 3. *Italia: le Origini*. Torino, Fratelli Bocca, Editori, 1919.
- , 4. *The Mediterranean Race*. New York, Scribner; and London, Walter Scott, 1901.
- Shaler, N.S., *Kentucky*. Boston, Houghton, Mifflin & Co. 1893.
- Skeat, W.W., *The Wars of Alexander*, translated mainly from *Historia Alexandra Magni de preliis*. London, N. Trübner & Co., 1886.
- Смит, Г. Эллиот: 1. *Древние египтяне*. Harper, 1911 г.
- 2. "Древние мореплаватели", *Журнал Манчестерского географического общества*, т. XXXIII, ч. 1-4, с. 1-22, 1917. Манчестер и Лондон, апрель, 1918.
- Соан, Э. Б., *В Месопотамию и замаскированный Курдистан*. Бостон, Смолл, Мейнард и Ко.
- Southern Historical Publication Society, *The South in the Building of the Nation-a History of the Southern States*. Ричмонд, Вирджиния, 1909.
- Спенглер, Дж. М., *Цивилизация в Чили*. Сан-Франциско, H.G. Parsons, 1885.
- Сперанца, Джино, *Раса или нация?*

Стэнард, Мэри Ньютон, *История первого века Вирджинии*. Филадельфия, J.B. Lippincott Co., 1928.

Stark, James H., *The Loyalists of Massachusetts*. W.B. Clark Co., 1910.

Stella, Antonio M.D., *Some Aspects of Italian Immigration to the United States*. Нью-Йорк и Лондон, G.P. Putnam's Sons, 1924.

Стоддард, Лотроп, *Французская революция в Сан-Доминго*. Бостон, Houghton Mifflin Co., 1914.

Сайкс, Марк, "Курды", *Jour. Roy. Anth. Inst.*, vol. XXVIII, pp. 45 seq., 1908.

Тацит, "Германия", перевод М. Хаттона, Loeb Classical Library. New York, Macmillan; and London, Wm. Heinemann, 1914.

Тейлор, Исаак Канон: 1. *Происхождение арийцев*. London, Walter Scott, 1890 г.

--2. *Words and Places*, edited by A. Smythe Palmer. Нью-Йорк, E.P. Dutton & Co.; и Лондон, Routledge & Son.

Тейлор, Пол С., *Мексиканский труд в Соединенных Штатах: Статистика миграции*. Univ. of Calif. Pubs. in Econ. 6 (3): 237-255. Berkeley, 1929.

Томас, Уильям Роско, *Жизнь среди холмов и гор Кентукки*. Кентукки, Standard Printing Co.

Томсон, Дж. Артур, *Наследственность*. Нью-Йорк, Путнам; и Лондон, Джон Мюррей, 1926. 5-е изд.

Topinard, P.: 1. "Carte de la couleur des yeux et des cheveux en France," *Rev. d'anth.*, série 3, IV, pp. 513-530.

--2. *Éléments d'anthropologie générale*. Paris, Delahaye et Lecrosnier, 1885.

Тревелиян, сэр Джордж, *Георг III и Чарльз Фокс*. Лондон, Лонгманс, Грин и Ко, 1914.

Атли, Генри М., *Мичиган как провинция, территория и штат*. Издательское общество Мичигана, 1906.

Ван дер Зее, *Британцы в Айове*. Айова-Сити, State Hist. Society, 1922.

Ван Трамп, Джон К., *Приключения в прериях и Скалистых горах*. Колумбус, Сегнер и Кондит, 1867.

Виллари, Паскуале, *Варварские вторжения в Италию*, перевод Линды Виллари, 2 тома. Scribner, 1902.

Фон Лушан, Ф.: 1. "Ранние обитатели Западной Азии", *Jour. Roy. Anth. Inst.*, vol. XLI, pp. 221-244.

-- (совместно с Э. Петерсеном). *Reisen in Lykien, Milyas und Kibyrtis*. Wien, 1889.

Уоллис, Б.К.: 1. "Румыны в Венгрии", *Географическое обозрение*, август 1918 г.

--, 2. "Славяне Северной Венгрии", *Geo. Rev.*, Sept., 1918 г.

--, 3. "Славяне Южной Венгрии", *Geo. Rev.*, Oct., 1918.

--, 4. "Центральная Венгрия: Магьяры и немцы", *Geo. Rev.*, Nov., 1918.

Weeden, William B., *Early Rhode Island*. New York, The Grafton Press, 1910.

Wertenbaker, Thomas: 1. *Patrician and Plebeian in Virginia*. Virginia, The Michie Co., 1910 г.

- 2. *Первые американцы (1607-1690)*. New York, The Macmillan Co., 1927.
- Уитни, Орсон Ф., *История Юты*, том I. Юта, Geo. Q. Cannon & Sons Co., 1892.
- Willcox, Walter F., *International Migrations*, vols. I and II. Нью-Йорк, Национальное бюро экономических исследований, 1929 и 1931 гг.
- Wilser, L., *Die Germanen*. Eisenach u. Leipsig, 1904.
- Wilstach, Paul, *Tidewater Virginia*. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Co., 1929.
- Уинсор, Джастин: 1. *Бассейн Миссисипи. Борьба в Америке между Англией и Францией*. Boston, Houghton, Mifflin & Co., 1895 г.
- 2. (ред.) *Narrative and Critical History of America*. Boston, Houghton Mifflin Co., 1894.
- Wisconsin in Three Centuries*, 4 vols. New York, Century History Co., 1906.
- Wissler, Clark, *The American Indian*. New York, Douglas C. McMurtrie, 1917.
- Woodruff, C.E.: 1. *The Effect of Tropical Light on White Men*. New York and London, Rebman Co., 1905 г.
- 2. *The Expansion of Races*. New York, Rebman Co., 1909.
- Вудс, Фредерик Адамс: 1. *Наследственность в королевской семье*. New York, Henry Holt & Co., 1906 г.
- 2. *The Influence of Monarchs*. Macmillan, 1913.
- , 3. "Значительные доказательства психической наследственности", *Журн. наследств. наук*, т. VIII, № 13, с. 106-112. Washington, D.C., 1917.
- Work, Монрое N., *Negro Year Book*, 1931-32 (Negro Census by States), vol. VIII. Институт Таскиги, Ала. Ала. Negro Year Book Pub. Co.
- Wortham, Louis J., LL.D., *A History of Texas (From Wilderness to Commonwealth)*. Fort Worth, Wortham-Molyneaux Co., 1924.
- Yoakum, H., Esq., *History of Texas (Its First Settlement in 1685 to Its Annexation to the U.S. in 1846)*. Нью-Йорк, Редфилд, 1856.
- Заборовский, М.С.: 1. "Les peuples aryens d'Asie et d'Europe" (часть научной энциклопедии), Octave Doin, Éditeur. Paris, 1908.
- 2. "Relations primitives des Germains et des Finnois", *Bull. Soc. d'anth.*, pp. 174-79. Paris, 1897.
- , 3. *Les races de l'Italie*. Paris, 1897.
- Zeuss, J.K., *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. München, 1837.